

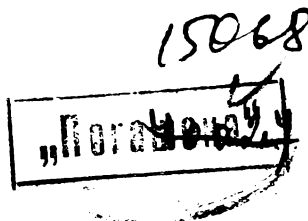
М. Т. АЙТБАЕВ

**СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
ОТНОШЕНИЯ
В КИРГИЗСКОМ
АИЛЕ В XIX И
НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ**

КИРГИЗГОСИЗДАТ — 1962

М. Т. АЙТБАЕВ

СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
ОТНОШЕНИЯ
В КИРГИЗСКОМ
АЙЛЕ В XIX И
НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

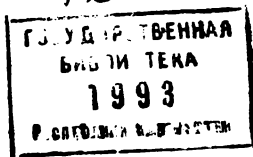

КИРГИЗСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Ф Р У Н З Е — 1962

В данной работе исследуются материальная и техническая база скотоводства, как основная отрасль хозяйства киргизов, формы земельной собственности и землепользования, формы и способы эксплуатации. В монографии также рассмотрены вопросы, касающиеся роли патриархально-родовых пережитков, аильной общины и ее классовой сущности, дана характеристика класса эксплуататоров и класса эксплуатируемых.

Монография в основном написана на основании полевых этнографических, архивных, литературных, фондовых и устно-поэтических материалов, которые непосредственно относятся к социально-экономическим отношениям киргизского аила до Великой Октябрьской социалистической революции.

780

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая монография посвящена изучению социально-экономических отношений в киргизском аиле XIX — начала XX веков, когда в жизни киргизского народа произошли большие изменения, коснувшиеся экономики, хозяйства, культуры, быта.

Проблема социально-экономических отношений киргизов в различные периоды их дореволюционной истории занимает одно из важных мест в исследованиях историков, экономистов, философов. В печати по этой проблеме высказывались и высказываются самые различные точки зрения.

Исследование социально-экономических отношений в киргизском аиле представляет определенный интерес, так как оно помогает осветить особенности кочевого скотоводства у киргизов, изучить формы собственности на скот, формы земельной собственности и землепользования, способы эксплуатации, роль патриархально-родовых пережитков, роль аильной общины и ее классовую сущность.

До объединенной научной сессии «О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана», состоявшейся в 1953 г. в гор. Ташкенте, многие историки считали, что основой феодализма у кочевников является собственность на скот. Это неверно.

При господстве патриархально-феодального строя основу производственных отношений составляет земля.

Однако у киргизов-скотоводов роль и значение земли заметно затушевывались, так как все жизненные интересы кочевников сосредотачивались на скоте. Но ведь земля и скот тесно связаны: земля осваивалась с помощью скота.

За годы Советской власти киргизскими историками, экономистами, философами выпущен ряд статей, очерков, посвященных исследованию общественных отношений дореволюционной Киргизии¹. Эти работы имеют не только теоретическое, но и практическое значение. Многие проблемы, затронутые в них, актуальны. Однако некоторые учёные-историки вопроса о формах собственности на землю и скот, основные средства производства до конца не решают. Такие ошибки и недоработки — результат недостаточного овладения марксистско-ленинской методологией и неумения применять ее в конкретно-историческом исследовании. Понятно, что без глубокого научного анализа социально-экономических отношений киргизского общества, без изучения особенностей развития его производительных сил и производственных отношений невозможно правильно осмыслить закономерности процесса развития хозяйства, культуры, быта, политической и экономической жизни народа в прошлом.

В. И. Ленин говорил: «Самое важное в вопросе общественной науки — это не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило»². Исходя из этого указания, исследователи Киргизии должны раскрывать именно те особенности, которые были присущи киргизскому феодальному обществу.

В связи с популярным характером настоящей работы, рассчитанной на широкий круг читателей, библиографи-

¹ А. А. Алтымышбаев. Из истории развития общественно-политической и философской мысли киргизского народа в конце XIX и в начале XX веков. «Известия Академии наук Киргизской ССР», вып. IV, Фрунзе, 1957. Б. Джамгерчинов. Присоединение Киргизии к России. М., 1960. К. И. Петров. Очерки феодальных отношений у киргизов в XV—XVIII вв. Фрунзе, 1960. К. Усенбаев. Общественно-экономические отношения киргизов в период господства Кокандского ханства. Фрунзе, 1961.

² В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 436.

ческие сноски и ссылки на архивные материалы даются только в самых крайних и необходимых случаях.

В книге приводятся выдержки из отдельных произведений киргизских акынов. Часть стихотворных цитат дается в подстрочных переводах.

В процессе работы над книгой автором использовано большое количество архивных материалов из центральных государственных исторических архивов гор. Ленинграда, Узбекской, Казахской и Киргизской республик.

СКОТОВОДСТВО КАК ОСНОВНАЯ ОТРАСЛЬ ХОЗЯЙСТВА КИРГИЗОВ И ЕГО МАТЕРИАЛЬНАЯ И ТЕХНИЧЕСКАЯ БАЗА

Скотоводство в хозяйственной деятельности киргизов всегда занимало основное место. Начиная приблизительно с VIII—VII вв. до нашей эры, обширные пространства теперешней Киргизии, Казахстана и других среднеазиатских республик служили местом пребывания многих тюркских кочевых племен, среди которых наиболее важную роль в истории Средней Азии сыграли саки и усунь. Об этом свидетельствуют многочисленные археологические памятники.

В VI—IV вв. до нашей эры территорию Северной Киргизии и Памиро-Алая населял сакский племенной союз кочевников-скотоводов. Саки разводили преимущественно мелкий рогатый скот и лошадей, которые давали молоко, мясо, шерсть. Лошадь использовалась и для верховой езды.

Скотоводческие племена саков и усуней были непосредственными наследниками и продолжателями культуры, получившей развитие на территории Северной Киргизии еще в эпоху бронзы. Археолог А. Н. Бернштам своими исследованиями установил, что племена, населявшие Центральный Тянь-Шань в эпоху бронзы, наряду с примитивным земледелием и охотой занимались скотоводством.

Саков на территории Киргизии сменили усунь. Скотоводство усуней, по всей вероятности, было связано с

сезонными перекочевками, о чем говорит расположение усуньских памятников. Их зимовки обычно располагались в горных ущельях, в местах, обеспеченных водой и защищенных от ветров. Усуни знали и земледелие: на сосудах и каменных жерновах археологами обнаружена прилипшая шелуха хлебных зерен.

Китайские письменные источники подтверждают данные археологов: по словам китайской летописи, усунь со скотом кочевали с места на место в поисках хороших пастбищ и пресной воды. Их обычаи во многом сходны с обычаями гуннов. Китайская царица, по свидетельству летописи, выданная замуж за усуньского князя Гуньмо, рассказывает о том, что усуньский царь живет в круглой хижине, обшитой войлоком, питается мясом, пьет молоко.

Южные районы современной Киргизии в III—I вв. до нашей эры входили в состав древнего рабовладельческого государства Давань, располагавшегося в основном на территории Ферганской долины. Жители Давани вели оседлый образ жизни, занимались земледелием, возделывали виноград, рис, выращивали знаменитых аргамаков — особой породы быстрых и легких верховых лошадей, которых очень ценили не только в Средней Азии, но и в Китае.

В середине VII в. нашей эры территория современного Киргизстана входила в состав военно-административного объединения кочевых племен, известного в истории под названием западно-тюркского каганата. Большую часть населения каганата составляли тюркские племена, жившие в основном в степных и горных районах Семиречья. Они занимались скотоводством и вели кочевой образ жизни. Основным их богатством были стада лошадей, верблюдов и овец. Об этом говорят и сообщения китайских путешественников, и археологические памятники. Так, китайский путешественник Сюань-Цзан, посетивший Семиречье в первой половине VII в. нашей эры, особо подчеркивает наличие большого количества лошадей у тюрков. Ему же принадлежит указание и на то, что тюрки-воины использовали также верблюдов для верховой езды как лошадей.

Во время строительства Большого Чуйского канала археологами были найдены и изучены погребения, отно-

сящиеся к тюркскому времени. В инвентаре погребений обнаружены части конской сбруи: удила, стремяна с узким подножьем и прямоугольной рамкой для ремня, большой набор всевозможных пряжек и т. д. Интересно отметить, что и форма, и орнаментация этих вещей имеют большое сходство с подобными предметами, найденными на Алтае, Енисее, что подчеркивает этническое родство кочевых насельников Северной Киргизии с населением указанных районов. Погребения с конем и седлом были обнаружены и на Тянь-Шане.

В IX — XIII вв. Киргизия была страной с развитым земледелием и скотоводством, с большим количеством городов, искусство, ремесла и торговля которых стояли на высоком уровне.

Нашествие монголов и их гнет замедлило развитие производительных сил, завоеватели разрушили хозяйство среднеазиатских народов, в том числе и киргизов. Почти исчезло земледелие, зато вырос удельный вес кочевого скотоводства. Монгольские завоеватели на территории Туркестана в первую очередь покорили оседло-земледельческое население Чуйской и Таласской долин, разрушили его хозяйство. Об упадке хозяйств оседло-земледельческих поселений и падении земледельческой культуры в Семиречье подробно рассказывает в своих мемуарах путешественник Вильгельм Рубрук. «В стране киргизов,— пишет он,— нет ни одного города и население занимается исключительно разведением скота».

Территория, занятая киргизами, всегда славилась богатыми тучными выпасами. На обширных пастбищах в летнее время пасли свой скот не только киргизы, сюда пригоняли огромные стада казахи, узбеки, таджики и др. Излюбленными местами скотоводов-кочевников были Сусамыр, Алай, Гульча, Ак-Сай, Арпа, Джумгал, сырты и многочисленные летовки на севере и на юге Киргизии.

Древние насельники Киргизстана старались решить такую жизненно важную задачу, как обеспечение скота кормом в условиях пастбищного высокогорья. «Только тогда,— пишет профессор Л. П. Потапов,— когда племена, разводившие домашний скот, перешли к кочеванию и стали передвигаться в поисках корма для скота в течение круглого года, приспособив к такому образу

жизни весь свой быт, кормовая проблема скотоводства была успешно решена. Именно это обстоятельство дало огромный толчок развитию скотоводства и превратило его в самостоятельную и ведущую отрасль хозяйства». Однако способ содержания скота оставался прежним. В этом состояло своеобразие средневекового ведения кочевого животноводства.

Как свидетельствуют материалы археологических исследований и данные письменных источников, хозяйство енисейских киргизов в VI в. до нашей эры было скотоводческо-земледельческим. Об этом говорят, в частности, надписи на могилах знатных людей. Так например, одна из надписей повествует о том, что принадлежавшие покойному табуны лошадей были бесчисленны. По сообщению китайской летописи Тань-Шу, страна киргизов изобилует водой и пастбищами, лошади плотны и рослы. Есть верблюды, но больше коров и овец. Богатые имеют их по несколько тысяч. Скот упоминается почти во всех рунических киргизских текстах. Владелец скота перед смертью сначала прощался со своим скотом, а затем с членами своей семьи. В жизни орхоно-енисейских киргизов, особенно во времена киргизского великодержавия, скот играл решающую роль. Профессор А. Н. Бернштам, исходя из данных «Сибирских писаниц», подчеркнул, что древние тюрки имели наряду с лошадьми крупный рогатый скот и верблюдов. В тюркском памятнике Уюктуран сообщается о богатом покойнике, который «ушел» от своих «шести тысяч лошадей», а в памятнике Ачура говорится, что после смерти владельца остался на земле клейменный скот «без числа». В надписи Элегеша умерший ушел «от четырехножного скота (конного), от восьминожного (рогатого скота), от быстроногих лошадей»¹. Приведенные данные о количестве скота не преувеличены, так как аналогичные сведения мы встречаем и в китайской летописи, повествующей о том, что богатые киргизы имели по несколько тысяч голов скота.

Раскопки, проводившиеся в течение 1928—1939 гг. на территории Хакасской автономной области С. А. Тепло-

¹ А. Н. Бернштам. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрков VI—VIII вв. М.—Л., 1946, стр. 68.

уховым, С. В. Киселевым, В. П. Левашевой и в 1939—1940 гг. Л. А. Евтюховой, подтверждают сообщения надписей и китайской летописи.

Кстати, при раскопках Капенского поселения извлечено значительное количество костей овец, лошадей и коров, причем костей овец найдено больше всего.

О развитии животноводства у древних киргизов на Енисее красноречиво говорят и находки, связанные с погребальным обрядом. Почти во все киргизские погребения клали вместе с покойником баранье мясо, резные деревянные фигурки баранов и другие предметы. В этих же могилах встречается конская сбруя вместе с захороненными конями. На удилах и седельных наборах блины украшены тонким чеканным узором в виде цветов, который очень сходен с китайским. Киргизские мастера серебряных дел до последнего времени чеканили на сбруях, потниках подобные узоры. Как рисунки на скалах, изображающие лошадей, коров, овец, верблюдов, так и надгробные надписи, приведенные нами выше, говорят о высоком уровне развития скотоводства и о многочисленных табунах у отдельных крупных киргизских скотоводов в VII—X вв.

В Тань-Шу сообщается, что Ашр (глава киргизов.— М. А.) зимой носит соболью шапку, а летом шляпу с золотым ободком, с коническим верхом и загнутым низом. Прочие же носят войлочные шапки, валяные из овечьей шерсти, женщины носят платья из шерстяных тканей.

Кратко охарактеризовав письменные и археологические источники, свидетельствующие о развитии скотоводства у енисейских киргизов, необходимо отметить, что на территории Минусинской котловины, которая стала впоследствии центром киргизского государства, о нем было известно еще во II тысячелетии до нашей эры. Это подтверждается памятниками афанасьевской культуры. В погребениях этой эпохи много костей домашних и диких животных: овец, коров, лошадей, быков, лисиц, изюбря. Встречаются кости рыб. Следовательно наряду со скотоводством важную роль играли охота и рыболовство.

Аналогичные данные характерны и для Тагарского периода и Таштыкской эпохи. Судя по материалам Уйбатских усыпальниц, племена этого времени вели кочевой образ жизни.

Основой экономики киргизских племен, обитающих на Тянь-Шане, равно как и енисейских киргизов, о которых мы говорили выше, издавна было кочевое скотоводство и отчасти земледелие¹.

Несмотря на то, что состояние письменных источников не позволяет в настоящее время дать полную характеристику киргизского скотоводческо-земледельческого хозяйства до начала XIX в., на широкое развитие овцеводства у киргизов в XVI в. указывает следующий факт. В. В. Бартольд в работе «Киргизы» пишет: «Когда в 1515 г. могулистанский хан Сеид напал на киргизов, ему удалось угнать у них 100 тыс. овец». В сочинении Мирзы Мухамед Хайдар-Гурехена «Тарихи Рашиди», относящемся к XVI столетию, хотя и нет прямых указаний на занятие киргизов кочевым скотоводством, но перечисляются известные киргизские пастбища по рекам Ак-Сай, Арпа, Ат-Баши, Джумгал, Кочкор.

Порядок ведения кочевого хозяйства у киргизских скотоводов был выработан многовековой практикой. Они (киргизы), подчеркивает один из русских путешественников, всегда предпочитают жить на пастбище со скотом своим, удовлетворяя тем самым органическую потребность в перемене мест, выработанную веками. В течение года киргиз-скотовод со своим скотом кочевал на всех сезонных пастбищах, проделывая определенный круг — цикл кочевания. В последующий год подобный цикл повторялся. И так из года в год сохранялись рутинные приемы ведения экстенсивного животноводческого хозяйства.

Один из царских наблюдателей генерал Г. Колпаковский говорил: «Кочевки — это вещь регламентированная и явление, правильно совершающееся». Таким образом, у киргизов существовал строгий порядок кочевания, который являлся хозяйственной необходимостью и диктовался отсталостью скотоводческого хозяйства, его экстенсивностью. Техника ведения скотоводства у

¹ В процессе образования киргизской народности на Тянь-Шане центрально-азиатские племена, известные под названием енисейских киргизов, начали проникать на территорию Семиречья и Тянь-Шаня с рубежа нашей эры. Енисейские киргизы, таким образом, вошли как один из этнических компонентов в состав современного киргизского народа.

киргизов почти не изменялась в течение столетий — с древних времен вплоть до середины XIX в. Несмотря на это, на протяжении всей истории киргизского народа скотоводство оставалось базисом, на основе которого складывались и развивались хозяйственные отношения.

В киргизском обществе благосостояние любой семьи и ее экономическая мощь всегда измерялись количеством имевшихся животных. Иначе говоря, власть, сила, авторитет семьи целиком зависели от количества скота. Скот так или иначе должен был обеспечиваться пастбищами и кормом. Поэтому кочевник-киргиз, будь он богат или беден, был тесно связан с землей. Она нужна ему была как источник корма для стада, без нее он не мог сохранить свой скот. Если кочевник по какой-либо причине не имел земли или права владеть ею, то он и его семья были обречены на нищенское существование. Размеры земельных участков кочевника определялись количеством голов имеющегося у него скота, поэтому малоскотный кочевник владел небольшим участком земли, а бесскотный вообще ничего не имел. Кроме того, единицей обложения налогами при существующей системе служила не хозяйственная семья или дом (юрта), а стадо кочевника-скотовладельца.

Итак, кочевое скотоводство являлось главной отраслью хозяйства киргизов с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Однако техника ведения его при первобытно-общинном и феодальном строе была неодинаковой. Скотоводство как способ производства материальных благ зародилось в степях Азии и Европы в IX—VIII вв. до нашей эры; в первобытном хозяйстве оно носило оседло-пастбищный характер и не могло полностью удовлетворить потребностей древних насельников. В результате уже тогда начала постепенно меняться техника пастбы животных.

Основой техники ведения скотоводческого хозяйства является правильный выпас скота с учетом всех обстоятельств. Без разумного использования пастбищ невозможно разумно заниматься скотоводством.

В Киргизии в период существования патриархально-феодалных отношений выпас скота был неразрывно связан с кочеванием. Некоторые исследователи объясняли причины кочевания киргизов наличием пастбищных

просторов, т. е. географией местности. Они также ошибочно считали, что у кочевников при патриархально-феодалном строе основу их производственных отношений составляет собственность на скот.

Пастбищные угодья как крупными, так и мелкими скотоводами использовались хищнически, нерационально, в результате травяной покров быстро истощался, вытаптывался, пастбища превращались в лишенную травы пустошь. Случалось, что большое количество скота теснилось на небольших по размерам пастбищах, и, наоборот, зачастую стравливались обширные пространства очень небольшим числом скота.

Потенциальные возможности развития экстенсивного скотоводства вообще ограничены. Образ жизни, способ ведения хозяйства, техника животноводства и экономика в целом у кочевых народов, в том числе и у киргизов, за последние несколько столетий почти не изменились. Развитие производительных сил шло очень медленно, а господствующие производственные отношения в нём соответствовали общему уровню и состоянию производительных сил. Таким образом, скотоводческое хозяйство киргизов создавалось и развивалось под влиянием местных исторических, географических и климатических условий, и если оно изменялось, то в зависимости от изменения экономической, культурной и политической жизни.

Со второй половины XIX в. в Киргизии в условиях общего экономического оживления основы кочевого хозяйства значительно пошатнулись. Некоторые киргизские хозяйства перешли к оседлости. Если техника ведения хозяйства у кочевого населения оставалась почти неизменной, то у земледельцев она начала совершенствоваться. Строй киргизского землепользования в Семиречье в конце XIX в. уже заключал в себе основные черты, свойственные вообще хозяйственно-бытовому укладу оседающего кочевника, укладу, при котором скотоводство уже не являлось единственным занятием населения, а существовало наряду с земледелием.

Если в период становления и упрочения царской власти в крае киргизы смотрели на скотоводство как на основное производство, то начиная с 90-х годов многие осевшие крестьяне, особенно разорившиеся, стали считать его подсобным.

Земледелие как новая отрасль хозяйства киргизов в последние десятилетия XIX и в начале XX веков претерпело ряд изменений. И если оно с каждым годом постепенно совершенствовалось, то кочевое скотоводство представляло собой нечто неподвижное, почти неизменное. Земледелец проявляет больше инициативы, совершенствуя орудия, удобряя поля, увеличивая тем самым урожай.

В результате перехода к оседлости части рядовых скотоводов общая площадь выпасов стала сокращаться, и кочевое скотоводство постепенно оказалось в определенных рамках. Недостаток выпасных участков явился причиной появления полукочевых хозяйств. Хозяйства такого типа селились в строго определенной местности, недалеко от зимовок. В результате захвата долинных земель русскими переселенцами сократилась площадь пастбищ, а это привело к сокращению поголовья скота в Пржевальском уезде на 44,0, в Пишпекском — на 17,1 и в Верненском — на 80,8 проц.

Необходимо отметить, что использование земли в полукочевых хозяйствах приняло несколько другие формы. Здесь пастбища делились только на два типа — весенние и зимние. Весной скот выгоняли на пастбища, где он оставался до наступления зимы. Полукочевники со скогом часто не кочевали и не перегоняли его на дальние летние пастбища.

Появление полукочевого типа хозяйства является одной из главных причин нарушения веками сложившегося кочевого образа жизни. Бывшие кочевники взялись за косу, плуг. Теперь уже нельзя было сказать, что «всякий киргиз по своей природе кочевник».

На весенних и летних пастбищах стада паслись в течение непродолжительного времени. По мере скармливания травы в одном месте кочевник перегонял свой скот на новый нетронутый участок. Таким образом, у скотовода вырабатывался план пастбы и стоянок. Через определенное время он оставлял очередную стоянку и перекочевывал все выше в горы. Порядок и сроки выпаса на отдельных сезонных пастбищах, расположенных в горах, определялись в основном временем таяния и выпадения снега, состоянием в этих местах травостоя. Мало-скотные крестьяне и те, которые имели запашки около

зимовок, останавливались у линии вечных снегов и льдов. Здесь всегда имелись ровные площади (тор) с альпийскими и субальпийскими лугами (высокогорное пастбище). Время от времени скотоводы спускались на равнины, проверяли свои пахотные участки, обменивались продуктами земледелия и скотоводства с жителями долин. Богатые скотоводы не оставались в течение лета на одном месте даже у линии вечных снегов; они уходили вместе со стадом за труднодоступные перевалы, где было много превосходной травы. Для перехода выбирали ясный день и скот старались перегонять до наступления темноты. «Хозяину перевала» приносили жертву. Часто на перевалах разыгрывались сильные бураны и гибло много скота, но за ними открывались прекрасные долины, где не было изнуряющей жары и мух. На такие дальние угодья могли пригонять скот только баи, манапы, бии, так как право выбора лучших стоянок для скота принадлежало именно им.

Летние пастбища в конце XVIII, начале XIX веков принадлежали роду, родовому подразделению или нескольким родам. Такие летовки считались формально местом общего пользования, все члены рода могли пасти здесь скот. Фактически права на пользование и владение летовками для всех членов рода не существовало. Земельно-родовые общины во главе с манапом, бием или баем зачастую отбирали у дехкан хорошие угодья и закрепляли их за собою, становясь здесь монопольными владельцами. В то же время многие скотоводы были вынуждены пасти свои стада в молодой поросли деревьев и кустарников, в горах по берегам рек и речек. Часто из-за отсутствия кормов в тяжелое зимнее время, когда животные крайне истощались, скотоводы валили лес и скот питался ветками.

На тучных пастбищах, расположенных за высокими перевалами, скот быстро поправлялся и набирал жир к зиме. Уже в конце и начале сентября там начиналось похолодание, сопровождающееся частыми осадками, что вынуждало кочевника-киргиза перегонять скот в долину. Перевалы «закрывались» рано. На их преодоление уходило много сил. Сперва на сильных жеребцах молодые скотоводы пробивали в снегу дорогу, за ними, чтобы хорошо утрамбовать и расширить ее, пускали та-

буны лошадей, затем рабочий скот, овец, вьючных животных с домашним скарбом и, наконец, шли люди. «Все лето,— читаем мы в одном архивном документе,— у киргиз считается непрерывным праздником: летом киргизы имеют в изобилии молочную пищу и национальный напиток — кумыс... Молочная пища — главный продукт питания,— с наступлением осени прекращается в свежем виде и приходится довольствоваться заготовленными за лето молочными продуктами в сухом виде... Таким образом, у киргиз сложилось два образа или периода жизни. Летний, с его радостями и праздниками, и зимний,— с его голодовками и огорчениями».

По возвращении с дальних и более близких пастбищ кочевники останавливались на предгорных лугах до конца сентября, а затем, по мере наступления холодов, в октябре, перегоняли скот в подгорные и пригорные районы. Конец октября и начало ноября заставали скотоводов на равнинах, где пасся их скот. Накануне нового года все скотоводы переходили на зимнее содержание скота и жили в своих зимовках. Наступало самое тяжелое время года, и надо было уметь рационально использовать зимние пастбища. Если зима заставляла скот на хорошем пастбище, то выпавший снег, разумеется неглубокий, не мешал животным добывать корм путем тебеневки. Зимнее время для кочевника было очень трудным периодом. Зимние пастбища по сравнению с остальными сезонными пастбищами являлись самым слабым звеном в скотоводческом хозяйстве. Иначе говоря, скот зимою находился на голодном режиме, питаясь подножным кормом. Это обстоятельство объяснялось, во-первых, отсутствием специальных зимних пастбищ или их недоступностью для бедняцких и маломощных хозяйств из-за дальности расстояния. Во-вторых, наиболее слабые животные не выдерживали зимнего режима кормления и гибли (зачастую скот погибал при переходе с зимних выпасов на весенний подножный корм).

Данные Переселенческого управления о пропорции пастбищ на территории Киргизии, которые могли обеспечить скот кормами, свидетельствуют о преимуществе летних выпасов, ибо на них могли прокормиться 25 млн. голов овец, на весенних — 10, осенних — 15 и на зимних — 5,8 млн. голов.

уезда в другой. «С выпадением первого снега кочевник спускается с гор в предгорья и здесь остается до тех пор, пока под снегом остается что-нибудь пригодное для корма. Но, наконец, и этот корм съедается (это бывает в феврале или начале марта), тогда киргизу приходится откочевывать подальше от гор, верст за 200 и более, в места, где раньше появится кормовая трава. При проезде в Пржевальск я видел в Буамском ущелье массу кочевников с их стадами, перекочевывающих из Пржевальского уезда в Пишпекскую долину реки Чу, из-за трав, которые в этой долине появляются раньше».

Возникновению прогрессивных форм ведения хозяйства мешало, по словам В. И. Ленина, «крайне низкое и рутинное состояние техники, ибо ведение хозяйства было в руках мелких крестьян, задавленных нуждой, приниженных личной зависимостью и умственной темнотой»¹. У дехкан не было реальных условий и возможностей для качественного улучшения скота, для создания кормовой базы и лучшего содержания животных. Слабая земледельческая база не обеспечивала скот фуражом.

При кочевом образе хозяйство, естественно, могло носить только натуральный характер.

С давних времен окотный период животных киргизы приурочивали к весне, когда на пастбищах устанавливалась теплая погода и появлялась свежая трава.

Весна (после окончания окотного периода) — это время, когда кочевник получал максимум животноводческих продуктов. Все излишки молока перерабатывались для запаса на зиму.

Позднее, когда начался медленный, но верный процесс разрушения натурального хозяйства, явившийся следствием проникновения в быт киргизов товарно-денежных отношений, кочевники стали оставлять навсегда кочевой образ жизни, переходить к оседлости и заниматься земледелием.

Изложенное выше позволяет сделать следующие выводы.

Скотоводство являлось основной отраслью хозяйства киргизов с давних времен. Древние насельники Киргизии, начиная с VII—VI вв. до нашей эры, занимались разведением преимущественно лошадей и овец.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 3 стр. 159.

Начиная с VI в. до нашей эры на территории Киргизии появляются поселения, жители которых занимались земледелием и ремеслом. Они вели оживленный обмен изделий ремесла и продуктов земледелия на животноводческие продукты, что способствовало развитию производительных сил.

Монгольское нашествие явилось серьезным тормозом для дальнейшего развития и совершенствования примитивного натурального хозяйства. Была уничтожена оседло-земледельческая культура, утверждается экстенсивное кочевое скотоводство. Порядок ведения кочевого хозяйства вырабатывался в процессе многовековой практики. В течение года киргиз-скотовод перегонял скот с одного сезонного пастбища на другое, совершая определенный цикл кочевания и повторяя его из года в год.

Благосостояние киргизской семьи и ее экономическая мощь всегда определялись количеством имевшихся у этой семьи животных. Кочевник-киргиз всегда был тесно связан с землей. Она нужна ему была как источник корма для стада, без нее он не мог сохранить свой скот. Размеры земельных участков определялись количеством голов скота у кочевника. Малоскотный бедняк владел небольшим участком земли, а бесскотный не имел ничего.

Скотоводческое хозяйство киргизов создавалось под влиянием местных исторических, географических и климатических условий и изменялось в зависимости от изменения экономической, культурной и политической жизни. Однако следует отметить, что ни образ жизни, ни способ ведения хозяйства, ни экономика у киргизов за последние несколько столетий почти не изменились. Только во второй половине XIX в. в условиях общего экономического оживления кочевое хозяйство киргизов начало быстро изменяться. Отмечается переход к оседлому образу жизни.

Переход к оседлому образу жизни рядовых скотоводов нарушил обычный кочевой быт. Кочевое скотоводство постепенно «заклучалось» в определенные рамки пастбищного выпаса.

Отрицательные стороны экстенсивного животноводства у киргизов давали о себе знать особенно в годы джута, когда погибало иногда до половины имевшегося скота.

ФОРМЫ ЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ И ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ

Чтобы ясно представить развитие земельных отношений у киргизов, целесообразно кратко осветить историю этого вопроса. Советская наука рассматривает переход древних насельников Киргизии от хозяйства, основанного целиком на собирательстве, охоте и рыболовстве, к разведению домашних животных и мотыжному земледелию как одно из выдающихся достижений человечества. Древнее население, жившее на территории современной Киргизии, с давних времен занималось примитивным земледелием по долинам рек и в предгорьях. Археологические, этнографические, литературные материалы, китайские источники, архивные документы, устно-поэтическое творчество киргизского народа подтверждают это.

Киргизы не были чисто кочевым скотоводческим народом. Одновременно со скотоводством они занимались и земледелием. Киргизы по сравнению с другими кочевыми народами (казахами, калмыками, бурятами, монголами и многими другими) земледелием занимались значительно больше. Русские литературные и архивные данные XIX в. говорят о более высоком уровне развития земледелия у киргизов, чем у казахов, хотя оба эти народа жили на землях с почти одинаковыми климатическими условиями и оба вели преимущественно кочевой образ жизни.

Основной источник богатства — земля. Без нее нельзя заниматься возделыванием культурных растений или скотоводством. Владеть лучшими пастбищами и удобными водопоями было у киргизов сокровенной мечтой. Хороший сытый скот обеспечивал владельца мясом, молоком, шерстью, шкурой. Излишки этих продуктов, а также скот он обменивал на сельскохозяйственные продукты, товары широкого потребления.

Землей владел имущий класс: ханы, манапы, батыры, бии, беки, датхи и др. До завоевания Киргизии Кокандским ханством лучшие пахотные земли и пастбища принадлежали феодалам, после установления владычества кокандских ханов и распространения исламской религии эксплуататоры стали прикрываться законами Кокандского государства и его религии для оправдания

своих действий. По законодательству владельцем всех земель был хан — верховный правитель государства. С установлением русской административной власти — царь.

Во времена господства Кокандского ханства от хана и его вассалов — киргизских феодалов — полностью зависело, отобрать или закрепить за крестьянами землю.

Кокандские ханы и русские чиновники от имени царя объявили все земли киргизского народа государственными, т. е. ханскими и царскими, и при необходимости насильственно отбирали или конфисковывали их в пользу государства.

В такой исключительно богатой стране, какой является Киргизия, до изгнания кокандских завоевателей и до присоединения ее к России царили экономический застой, рутина, бедность, голод и нищета. Это объяснялось в первую очередь отсталостью производительных сил общества и, кроме того, разобщенностью территорий Киргизии, почти полным отсутствием экономических связей, путей сообщения, промышленных предприятий.

История показывает, что все войны с древних времен велись исключительно, во-первых, за овладение землей, расширение своих владений и создание большого государства, во-вторых, за захват людей, имущества и т. д. При завоевании чужой территории ее земля переходила в собственность верховного владыки-завоевателя, а народ становился его подданным. Лучшие земли, скот, имущество, а иногда и люди переходили в собственность завоевателя и его родственников, военачальников, гражданских чиновников (Чингиз-хан отдал Киргизию своему сыну Чагатаю, в период джунгаров она подчинялась Хунтайчи, во время господства кокандского ханства киргизы были зависимы от хана).

После изгнания завоевателей (джунгарских, кигайских, кокандских и др.) в период относительного самоуправления монопольными владельцами земель как пахотных, так и пастбищных стали манапы, батыры, баи, стоящие во главе рода племени. Полновластным владельцем земель племени бугу в середине XIX в. был Боромбай, племени сарыбагыш — Ормон, солто — Байтык, саяков — Тайлак и т. д. Однако безраздельными владельцами земли верховные манапы были временно. Так, после изгнания джунгарских поработителей киргиз-

ские феодалы были полновластными хозяевами земли и людей до тех пор, пока не попали под власть Кокандского ханства, когда их права на землю были отобрабаны, и она перешла в руки хана.

Кокандский хан лишил покоренный киргизский народ всех прав, обратил все население в рабов; отнял у них все, что только можно было. Беднота должна была платить налог (зьякет, херадж). Кокандский хан лишил (правда частично) манапов, биев и баев права монопольного владения землей. Однако это не облегчило тяжелого положения трудящихся киргизов. Примерно также поступило позднее и царское правительство. Разница была только в форме правления.

Война для завоевателей всегда была средством для захвата чужих земель. Так, монгольские завоеватели, срывая города с землей, поработив киргизское население, уничтожили земледельческую культуру. Вся земля стала пастбищами и покосами. Завоеванную территорию Чингиз-хан передал в удел сыну Чагатаю. Также поступило Джунгарское государство в Северной Киргизии. Все удобные места для скотоводства стали пастбищами.

С момента разделения киргизского общества на классы верховными собственниками, непосредственными обладателями и хозяевами земли выступали имущие классы. Работниками, или землепользователями, были зависимые от них кочевники-бедняки.

До решения объединенной научной сессии «О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана» (1953 г.) многие историки считали, что основой феодализма у кочевников была собственность на скот. Такое определение неправильно, оно является результатом одностороннего подхода к вопросу, неправильного применения марксистско-ленинского учения.

Л. П. Потапов в докладе на сессии правильно осветил вопрос о феодальных производственных отношениях у кочевых народов, указал на ошибочность и несостоятельность утверждения некоторых ученых-историков, которые считали, что у кочевников-казахов при патриархально-феодальном строе основу их производственных отношений составляет собственность на скот. Несостоятельность этой теории очевидна, ибо чистого

кочевого феодализма как такового, присущего только кочевым народам, вообще не существовало. «В основе феодализма,— подчеркивалось на сессии,— у кочевников лежат общие экономические законы, свойственные феодализму у всех народов». Таким образом, основой феодализма у всех кочевников, а следовательно и у киргизского народа, являлась феодальная собственность на землю. Однако необходимо подчеркнуть, что у киргизов, которые были преимущественно скотоводами, роль и значение земли отходили на второй план. Земля не могла выступать у них в качестве основного средства производства, так как все жизненные интересы их сосредоточивались на скоте. Земля и скот были тесно связаны между собой.

Отсталость производительных сил в киргизском обществе обусловила и соответствующие отношения господства и подчинения. Они выражались в совместном использовании пастбищ с фактическими владельцами-феодалами, что в известной мере давало место территориальной, пастбищной общине.

Часто в литературе можно было встретить высказывание о том, что сосредоточение земельной собственности в родах и аилах — главное условие создания патриархально-феодальных отношений в киргизском обществе. Это дало некоторым историкам повод для обоснования вопроса об отсутствии феодальной земельной собственности и свести на нет значение земли и ее роль в жизни киргизов.

В эпоху господства патриархально-феодальных отношений в Киргизии земельные угодья формально считались принадлежностью племени, рода, родового подразделения и даже колена. Так как родовые земли распределялись между членами рода, то существовали частные летовки, зимовки, пахотные участки с хозяйственными постройками. Эти земли передавались по наследству из поколения в поколение и считались отцовскими и дедовскими угодьями. Конечно, равного распределения земли не могло быть и не было. Наиболее ценные участки (пахотные земли, покосы и лучшие пастбища) захватывались бай-манапами. Собственность на удобные земли, маскировавшаяся общинно-родовыми отношениями, служила материальной базой для эксплуатации трудящихся

киргизов. Концентрация земель в руках отдельных лиц вела к появлению крупных землевладельцев. В результате значительная часть дехканской массы попадала в зависимость к баям и манапам.

Дореволюционные русские исследователи, не вникая глубоко в суть положения вещей, делали выводы по первому впечатлению. На самом деле родовая собственность на землю служила интересам баев и манапов. За внешне коллективной собственностью всех членов рода на данную территорию скрывалось монопольное владение ею ханами, царями, затем манапами и др.

Общинная земельная собственность и связанные с нею различные формы пользования в свое время были рассмотрены К. Марксом в труде «Формы, предшествующие капиталистическому производству». В этой работе К. Маркс проанализировал в порядке их исторического возникновения следующие формы землепользования: а) восточную, или азиатскую; б) античную, или греко-римскую; в) германскую. Кроме того, он упоминает славянскую форму общинной собственности. Из этого классического анализа К. Маркса следует, что в Киргизии существовала восточная, или азиатская форма пользования землей.

Как пастбищными, так и пахотными землями распоряжалась эксплуататорская верхушка, которая свои права владения осуществляла, руководствуясь патриархально-родовыми обычаями и взглядами. При господстве патриархально-родового быта и при экстенсивном ведении скотоводческого хозяйства общинная форма пользования пастбищными угодьями самым лучшим образом устраивала феодалов, которые использовали пастбищные просторы для содержания в упитанном состоянии своих стад коров, табунов лошадей, отар овец. Следовательно, владение землей фактически давало в руки феодалов политическую власть.

Долгое время существовало мнение, что общинное пользование землей уходит своими корнями в древние времена. Такому решению вопроса способствовало понятие патриархально-феодальные отношения, тщательно маскировавшие общинно-родовым покровом чисто классовое отношение к земле. К неправильному выводу привела исследователей также «проблема отсутствия ис-

ключительного права частной собственности» на землю в киргизском обществе. Вопросами киргизского землепользования занимались до революции некоторые краеведы, наблюдатели, путешественники, исследователи, царские военные и гражданские чиновники: М. И. Венюков, М. А. Северцов, Л. Ф. Костенко, О. А. Федченко, Г. С. Загряжский, Н. И. Гродеков и др. Все они хотели «научно» решить земельные отношения у киргизов, но только внесли путаницу.

Общинное землепользование у киргизов было узаконено с появлением русской уездной администрации. До завоевания Киргизии Кокандским ханством формальным владельцем всей, преимущественно поливной земли, выступал в общей совокупности род.

Разница между общинным и родовым пользованием землей заключается в том, что при общинном землепользовании (общинная) земля периодически (через 3—6 лет) распределялась между владельцами. Участок, ранее принадлежавший одному члену общины, после передела часто переходил к другому.

Родовая земля между членами рода (т. е. по хозяйственным юртам) не распределялась. Богатые сородичи захватывали лучшие земли, беднота довольствовалась маленькими участками. Никакого периодического передела земли здесь не проводилось.

Профессор Л. П. Потапов, изучая в течение нескольких лет историю, культуру и быт народов Южной Сибири, в частности Тувы, Хакасии и др., пришел к выводу, что общинная форма землепользования здесь была основной. Те или иные земельные пространства находились во владении зайсана, который управлял подданными пожизненно и наследственно. Подтверждая устойчивость общинного землепользования, Л. П. Потапов пишет: «Общинный характер пользования пастбищами внутри зайсанства сохранялся долгое время»¹. Этим самым ученый подтверждает наше мнение о том, что у киргизов земля тоже находилась в ведении рода, подразделения, колена. Как у алтайцев земля фактически принадлежала зайсанам, так и у киргизов ее владельцами были бай, би, манапы.

¹ Л. П. Потапов. Очерк истории Шории. М.—Л., 1934, стр. 30.

П. Погорельский и В. Батраков, характеризуя формы землепользования, в частности использование пастбищ скотоводами, не совсем точно определяют их действительных владельцев — баев и манапов. Угодья они называют «пастбищной общиной». Земельная, или пастбищная община, — пишут авторы, — являлась территориальной, соседской и ничего общего не имела с родовой общиной. Адекватной формой землепользования здесь может выступать и выступает земельная, или пастбищная община, объединяющая на основе общего пользования в себе скотоводов-кочевников»¹. На самом деле пастбищной общины не было, все лучшие угодья были распределены между крупными, а затем средними скотоводами, которые распоряжались определенными территориями пастбищ. Поэтому мы не согласны с В. Батраковым, когда он любые пастбищные угодья называет «пастбищной общиной». Зажиточные киргизы, стремясь выделить часть земель из комплекса общинных участков, стали устанавливать искусственные пометки угодий. Собственность киргизских феодалов на землю играла главную роль в деле укрепления их экономической власти над непосредственными производителями материальных благ — сородичами-крестьянами как земледельцами, так и скотоводами.

ПАСТБИЩА

Кочевые народы Центральной и Средней Азии, Казахстана всегда стремились овладеть лучшими пастбищами. Один из царских чиновников Г. С. Загряжский писал: «Киргизы, ведущие кочевую жизнь, т. е. имеющие скота столько, что не могут стоять долго на одном месте, постоянно нуждаются в летовках, зимовках, осеновках...» Киргизы хорошо ориентировались в степи, знали, где находятся лучшие выпасы, где питательнее трава.

У кочевых скотоводческих народов с давних времен происходила борьба за хорошие пастбища. На территории Киргизии крупные кочевые племена, в частности усунь, закрепляли лучшие пастбища за некоторыми племенами и знатыми родами. Это подтверждается в записях Ши-Цзи. «Усуньский владыка Цыжими, — повествует

¹ П. Погорельский, В. Батраков. Экономика кочевого аула Киргизстана. М.—Л., 1934, стр. 115.

китайская летопись,— объявил о том, чтобы никто не смел пасти свой скот на его пастбищах». Подобные материалы свидетельствуют о том, что богатые усуни фактически были собственниками лучших пастбищ. В эпоху тюркского каганата и последующих государств борьба за захват пастбищных участков не прекращалась.

Во время монгольского нашествия на Алтай, Казахстан и Среднюю Азию оседлое киргизское население частью было перебито, частью угнано в рабство; города и поселения были превращены в пустоши.

Киргизы в поисках свободной земли и удобных для скота пастбищ делали длительные перекочевки. На современную территорию Киргизии они пришли несколькими волнами. Конечно, их привлекала сюда плодородная земля, прекрасные пастбища, умеренный климат. Преодолев огромное пространство, пройдя трудный путь от Енисея через Туву, Алтай и Южный Казахстан, они выбрали местом обитания Южную Киргизию, Центральный Тянь-Шань, Иссык-Куль, Чуйскую и Таласскую долины и стали в этих местах полновластными хозяевами. Весною и летом они часто откочевывали на север. Из некоторых этнографических источников нам известно, что кочевники-киргизы по пути подолгу останавливались на Алтае, поэтому у алтайцев и киргизов много общего в хозяйстве, культуре и быте.

В XVIII в. Джунгарское государство завоевало Алтай и Северную Киргизию и эксплуатировало в течение нескольких десятков лет такие богатые места, как Иссык-Куль, Тянь-Шань, долину р. Чу и др. Не случайно поэтому многие прекрасные пастбищные участки в Киргизии по сей день носят такие калмыцкие названия, как кара-куджур — черный солончак, парын — солнечное, нарын кол — солнечное ущелье, боом — ущелье, кара кол — черное ущелье и т. д.

После изгнания калмыцких завоевателей киргизы вернулись на Иссык-Куль, Тянь-Шань и в Чуйскую долину. Территории, которые киргизы занимали до калмыцкого завоевания, были вновь закреплены за каждым родом и племенем. Этими землями они владели до конца XIX и в начале XX в., а в некоторых местах — вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции.

Итак до джунгарского завоевания все земли на территории Киргизии были распределены между отдельными родами, родовыми подразделениями и коленами, установлены границы землепользования. Так же были распределены кочевые пути, летние пастбища и зимовки. Все выпасы ревниво охранялись каждым членом колена, рода, племени.

Порядок пользования пастбищами часто изменялся. Эти изменения вызывались тем, что удобные пастбища захватывались у слабых более сильными родами и племенами. Захватывая лучшие пастбища, они, естественно, становились еще сильнее, так как необыкновенно быстро росло их основное богатство — скот. Животные у них были более упитанными, выносливыми и породистыми. У тех же родов и племен, которые жили на худших землях, и скот был слабее. Поэтому до установления твердой административной власти русских бедняки-скотоводы очень часто кочевали с места на место в поисках удобных мест для содержания скота.

Выбор весенних, летних, осенних и зимних пастбищ диктовался всегда условиями расположения местности и отчасти видом разводимых животных.

Наличие пастбищ всех сезонов было исключительно важным и единственным фактором, без которого не могло существовать и развиваться скотоводство у кочевого киргизского населения. Поэтому в земельных отношениях животноводов-киргизов пастбищные вопросы занимали центральное место. Пользование выпасами, перемена пастбищных мест и другие связанные с ними проблемы составляли неотъемлемую часть киргизских патриархально-феодалных земельных отношений.

Весной, в конце марта, скотоводы со своими стадами начинали двигаться в сторону гор. Киргизская кочевка отличалась тем, что отары из равнины по мере потепления поднимались все выше и выше к альпийским и субальпийским лугам.

Весенние пастбища, на которые киргизы перегоняли скот с наступлением теплых дней, являлись промежуточным звеном в переходе киргизов на джайлоо. Весенние травы подкрепляли истощившийся за зиму скот. В горах, в широких долинах, на берегах бурных рек киргизы-

кочевники оставались со своим скотом в течение нескольких месяцев.

Кочевали обычно целыми аилами, отделениями или родами. Кочевое шествие всегда возглавляли баи, родоначальники и т. д. По пути следования было столько корма, что его вполне хватало для большого количества скота. Достигнув места летовок, кочевка разбивалась на группы, а иногда даже на отдельные юрты. На летних пастбищах оставались до осени, затем отправлялись в обратный путь; к зиме скот перегоняли в более защищенные от холода и снега долины и ущелья. Таким образом, киргизы-скотоводы в течение года (с весны до глубокой зимы) использовали, в соответствии с четырьмя временами года, четыре вида пастбищ. Основными по своему значению были зимние и летние пастбища.

По своему объему и потенциальным возможностям летовки были различны: одни — меньшего размера (здесь мог пастись скот одного аила из 4—5 юрт), другие, площадью побольше, обеспечивали кормом скот нескольких аилов, третьи летовки — это обширные территории, где пасся скот целого рода или нескольких родов одного племени (например, на сыртовых пастбищах Иссык-Куля летом паслись стада племени бугу, а на пастбищах Аксай и Арпа — скот племен монолдор, тынымсеит, черик и др.).

Приведем некоторые количественные данные о скоте, который содержался летом на джайлоо в трех районах Наманганского уезда: Кара-Суйском (I), Кетмень-Тюбинском (II), Чаткальском (III). Киргизы этих районов откочевывали летом со своим скотом (он составлял 84,7 проц. от общего поголовья) на высокогорные пастбища. Бедные дехкане оставались на зимовках¹.

Данные о содержании скота на джайлоо по трем районам Наманганского уезда.

Районы	Количество голов скота на джайлоо	В % к общему количеству скота
Кара-Суйский (I)	30402,85	99,5
Кетмень-Тюбинский (II)	19558,51	97,4
Чаткальский (III)	4632,33	82,0

¹ Материалы по киргизскому землепользованию. Наманганский уезд, Ташкент, 1913, стр. 88.

Из приведенных данных видно, что на джайлоо не попадало в среднем только 2,1 проц. всего скота. Преимущественно это был рабочий скот, который использовался на полевых и других работах.

На обширных пастбищах в Каркыре летовал скот киргизского племени бугу и казахского — албан. Летовки, независимо от размеров, использовались одним или несколькими аилами сообща. (Смешанных, киргизско-казахских аилов не было). Их жители часто ездили друг к другу, совершали сделки, вместе проводили увеселительные мероприятия. Владение пастбищами внешне носило общинный характер. Поэтому многие информаторы убеждены в том, что джайлоо были общеродовым достоянием, так как все члены рода могли здесь летовать. Однако, когда информатор перечисляет известные ему летовки, он, как правило, называет имя манапа или бая, которому они принадлежали. Наименование рода, племени, родового подразделения при этом часто забывается.

Таким образом, владение пастбищами и другими землями у киргизов во второй половине XIX в. внешне носило общинный характер. По словам бывшего начальника Токмакского уезда Г. З. Загряжского, на земле, занимаемой киргизами, много хороших лугов и пашен. Род владеет определенным участком, на котором каждый отдел имеет свои пашни, летовки и зимовки; родичи ревностно следят за тем, чтобы члены другого отдела не занимали их земель. Совершенно правильно Г. З. Загряжский говорит о распределении летовок и зимовок между отделами и родами, но он, к сожалению, не раскрывает фактической стороны дела (в киргизском обществе пастбищами владели феодалы). Почти все дореволюционные исследователи и наблюдатели сознательно искажали этот факт и не подчеркивали того, что монопольное право владения всеми лучшими угодьями имел только имущий класс. Такое освещение настоящего положения вещей в вопросе формы собственности на землю было в интересах и местных эксплуататоров, и царского правительства, заинтересованного в затушевании классовой борьбы. Формально все члены рода имели право пасти скот на общем пастбище, фактически же лучшие угодья были заняты более состоятельными его

представителями. Это особенно относилось к летовкам, расположенным недалеко от зимних стоянок. Поэтому уместно еще раз упомянуть о том, что летовки находились от зимовок на значительном расстоянии, т. е. радиус кочевания у киргизов в некоторых местах колебался от 20 до 300 км. На дальние джайлоо кочевали многоскотные бай и манапы, а бедняки откочевывали только на ближайшие летовки (не далее 20 км от зимовок). Таким образом, самые лучшие дальние выпасы с хорошими лугами были доступны только крупным скотоводам, скотоводы со средним достатком не доходили до хороших пастбищ, размещались на «проходных» летовках; малоскотные киргизы все лето проводили в предгорьях на пастбищах или на весеновках. Бесскотные жили на зимовках или уходили на джайлоо с крупными скотоводами. Многие крестьяне-земледельцы отдавали свой скот на выпасы баям, за это на байских пахотных землях они отработывали определенный срок.

Как мы уже отмечали, все пастбища и кочевья были поделены между манапами и баями, которые распоряжались ими по своему усмотрению. Обладатели пастбищных угодий всегда передавали земли по наследству. Так, например, по наследству передал свои пастбища, находившиеся в ущелье Барскаун на Иссык-Куле, бай из рода бапа племени бугу Кидибай, имевший около 10 тысяч голов овец, не считая других видов животных. Обширные владения бая находились недалеко от дороги, идущей на сырты. Он никому не разрешал здесь пастись скот. По рассказам стариков, к тому месту, где из-под земли били теплые ключи, бай приказал никого не пускать, а позже велел забить теплые ключи камнями и засыпать землей. Захваты пастбищных земель и передача их по наследству наблюдались в Киргизии повсюду. Так, в одном прошении, поданном степному генерал-губернатору, говорится, что «урочища Кочкор, Сасык-Кудук были моим зимовым стойбищем, наследственным от моих предков... Киргизы другой волости самовольно захватили вышеназванные зимовые стойбища мои».

Земли, которые передавались по наследству, конечно, были захвачены у своих же сородичей более сильными членами рода — баями. С течением времени, когда

богатства бая увеличивались и укреплялось его положение как владельца земель, он стал передавать их по наследству навечно (от отца к сыну и т. д.). Однако, несмотря на наследственное владение пастбищами, часто возникали споры из-за захвата таких угодий киргизами других племен. Например, в Наукатской волости Ошского уезда 28 февраля 1883 г. было захвачено пастбище. «Настоящие» владельцы обратились с прошением к военному губернатору, в котором писали: «В местности Исанарча у нас была летняя кочевка, которой мы пользуемся более 50 лет, на что имеем от бывшего кокандского хана и маргеланского бека ярлык, на котором обозначены границы и в котором сказано, что упомянутой кочевкой другие киргизы пользоваться не имеют права; в настоящее время киргизы Ошского уезда Наукатской волости (в количестве 5 семей.— М. А.) переселяются на лето поблизости этой кочевки раньше нас, вытравляют корм, производят разные грабежи и нас совсем вытесняют». В конце этого документа — просьба к военному губернатору Ферганской области оказать «по этому делу законную защиту».

Выдача ханских ярлыков отдельным киргизам и даже целому роду на юге Киргизии была обычным явлением. Такие ярлыки давались людям, оказавшим хану какие-нибудь услуги; часто ханы просто продавали принадлежащие им же земли и в таком случае также выдавали покупателям ярлыки. Пастбишные угодья, летовки, зимовки, пахотные участки, реки, озера и т. д. принадлежали кокандским ханам, а истинные хозяева — киргизский народ были только арендаторами.

Не довольствуясь наследственным владением пастбищами, киргизские феодалы под разными предлогами захватывали общинные земли. У скотоводов самым страшным врагом был периодически повторяющийся джут. Его последствия были настолько губительны, что за день-два любой состоятельный скотовод мог превратиться в бесскотного. Конечно, в первую очередь страдали от джута бедняки, они оставались совершенно без скота, превращаясь в «томояк» (у русских — голытьба). После тяжелой зимы, не имея скота, их постепенно закабалили богатые сородичи. Бедняки, лишившиеся скота, якобы «добровольно» уступали богатому сородичу свои

пастбища, лишь бы тот не дал им умереть с голоду. Чаще всего манапы и баи давали бедняку жалкую коровенку с теленком, вола, кобылицу с жеребенком или овец и 2—3 козы. Многие баи и манапы самовольно захватывали пастбищные угодья, пообещав за это помочь бедняку и его семье. Однако обещанное оставалось обещанным, а пастбищные участки разорившихся киргизов «временно» переходили к зажиточным сородичам, а затем и окончательно закреплялись за ними.

Во время всенародного бедствия (джута) киргизы старались помочь пострадавшему населению. Скот на время перегонялся в те места, где еще не было джута и пасся здесь до окончания гололедицы. Уступка определенной территории всегда решалась манапами и баями. В 1886 году джут прошел по Ат-Баше и скотоводы вынуждены были перекочевать в Кенсуйскую и Джеты-Огузскую волости. «Атбашинские киргизы,— читаем мы в одном документе,— находятся не на своей земле, а на принадлежащей Кенсуйской и Джеты-Огузской волости, представители которых нашли пользование атбашинскими киргизами их землями для себя обременительным и составили приговор о выдворении их на свои земли». Из этого документа видно, как ревностно охраняли киргизы свои земли. Уступив сначала добровольно на время часть своих пастбищ соседям, они затем испугались, что последние не покинут эти места, и решили гнать их.

Недостаток в пастбищах всегда порождал непримиримую борьбу между отдельными родами или членами родов. Особенно длительными и серьезными были тяжбы за пастбища на юге Киргизии, где они приводили к крупным ссорам, кончавшимся вооруженными стычками. Такой случай имел место в Наманганском уезде Ферганской области в 1888 году. В прошении военному губернатору указывалось, что «пять лет продолжается спор за право летней пастьбы на урочищах Бала-Курт, Беш-Кампыр и Ляктык между населением трех волостей — Арымской, Кырк-Угульской и Сусамырской». Борьба за пользование угодьями особенно разгоралась весной, осенью и зимой.

Отметим, что киргизы всех племен, родов и отделений любили свои земли и дорожили ими, ибо здесь они рож-

дались, жили и умирали. Зимовки и летовки для них были настолько священны, что они добровольно их никогда не покидали. Только исключительный случай — ссора, землетрясение, разорение и др. — вынуждал некоторых киргизов покидать исконные земли. Так, Джунгарское государство захватило только оставленную населением территорию Северной Киргизии. После изгнания завоевателей киргизские племена не остались на «новой родине» (в Ферганской долине), а вернулись туда, «где покоились кости предков».

В начале XIX в. на Иссык-Куль с юга Киргизии в среду киргизских родов племени бугу прибыло одно из многочисленных подразделений племени ичкилик-теит. Оно вынуждено было бросить родные места, боясь возмездия за убийство своего сородича. В течение нескольких десятилетий целое подразделение ичкиликов скрывалось среди бугинцев.

На Центральный Тянь-Шань, в район Ат-Баши, в 1877 г. после падения Якуб-бека прибыло около 300 семей киргизов племени черик «вследствие страха и во избежание наказания от китайских властей». 5 февраля 1883 г. почти все прибывшие черики покинули район Ат-Баши, остальные «стараясь перекочевать за Кок-шаал (Какшаал.— М. А.), где имеются родовые места для кочевков... Сильное тяготение к родной земле черики имеют потому, что у них есть там родичи, с которыми они связаны исконными интересами».

Член рода, пробывший много лет на чужбине, должен был, возвратившись домой, поклониться той земле, где жили его родители и где он сам родился. Любовь киргиза к родной земле и своим близким прекрасно отражена в пословице: «Бирөөнүн элинде султан болгуча, өз элинде ултан бол» (чем в чужом народе быть султаном, лучше быть рабом своего). Киргизы, находящиеся вдали от своего рода и родовых мест, считали священным долгом повидать сородичей, посетить известные места, поклониться им. В народе существовало пренебрежительное отношение к людям, жившим не со своим родом, не на своей земле. О них отзывались нелестно, называя «безродными», «беженцами», «отшельниками» и т. д.

К последнему десятилетию XIX в. появился ошутимый недостаток в пастбищах. Это заставило многие киргизские роды «значительными массами (в 200 и 400 кибиток) откочевывать в другие места из прежних отдаленных мест своего жительства со скотом и имуществом». Еще в начале XIX в., в связи с нехваткой воды и пастбищных участков, некоторые подразделения ичкиликов ушли из Ляйлякского и Баткенского районов. Группы кыдырша и найман поселились в местности Ак-Мечеть, Жийде Сузакского района. «Их влекло с земли, где покоятся кости их предков, в иную, чужую страну, где, конечно, они поселятся на худших землях, живя среди ранее пришедших и окрепших родов». Прибыв на новое место, уже занятое родами племени багыш, они устроились на очень плохих землях. Чтобы не быть окончательно разоренными, кыдырша и найман стали покупать у багышцев участки, которые были их собственностью. Купив несколько участков для зимовок и пахоты, они не могли приобрести летних пастбищ для скота. Сначала кыдырша и найманы вместе с багышцами летовали на одних джайлоо. Но последние постепенно вытеснили пришельцев со своих летних пастбищ, и родоначальники вновь прибывших родов вынуждены были пойти с подарками к багышцам и попросить уступить им земли как добрым соседям. За отдельные участки приходилось иногда платить скотом или «тиллей» (золотой слиток). Все полученное за землю багышцы распределяли поровну между родовыми группами, коленами и, наконец, между юртовладельцами.

Выше мы отмечали, что каждый род, родовое подразделение, отдельные скотоводы имели свои земельные участки, которые состояли из пахотных и пастбищных угодий, сенокосных пустошей и зимовых мест. Для того, чтобы скот другого рода не потравил общую землю подразделения, каждый член рода охранял свои пастбища. Без согласия владельцев участков члены других родов не могли ими пользоваться. Такое положение особенно утвердилось в конце XIX века. По этому поводу Н. Гродеков писал: «У кара киргизов никто не может занять летовки, где издавна кочует известный род. Можно просить: «У меня нет летовки, позвольте быть вашим соседом?» (коншулаш). Но при отказе нельзя ничего сде-

лать, ибо какое право можно иметь на чужую летовку (бирөөнүн айлында эмнеси бар)».

Борьба между киргизскими феодалами и рядовыми скотоводами за пользование пастбищами не везде была одинаковой. В одних местах эта борьба проявлялась острее, в других — слабее. В условиях существования обширных пастбищ на Иссык-Куле (в районе сыртовых полос), на Тянь-Шане, в долинах Арпа и Ак-Сай борьба за пастбищные угодья проявлялась слабее, чем в других, более населенных районах Киргизии. Роды, родовые подразделения, отдельные их члены могли летовать и пасти скот там, где они облюбовали место. Однако некоторые ущелья, богатые травой, водой, закрытые от холодного ветра и расположенные недалеко от главных скотопрогонных и выючных дорог, по которым проходили торговые караваны, были навечно закреплены за богачами.

Сырты, пастбища Арпа, Ак-Сай, Сусамыр, Кемин и другие расположены на высоте 2700—3500 м над уровнем моря. Там летовал скот нескольких больших киргизских племен: бугу, тынымсеит, монолдор, черик, сарыбагыш, саяк, солто и других. Скот пасли здесь совместно и обходились без больших стычек между скотовладельцами. На летовках в особенности проявлялись признаки общинного пользования землей, так как громадные пространства сыртов и пастбищ Тянь-Шаня, Чу и Сусамыра не могли полностью использоваться сравнительно малочисленными отарами. Скот там быстро поправлялся и на зимовки пригонялся очень упитанным. На высокогорные пастбища поздней осенью на зимовку пригонялись табуны лошадей крупных скотовладельцев. Такой метод отгона скота практиковался среди киргизов с древних времен. Мы уже отмечали, что не все кочевники отправляли скот на отгонные пастбища, а только те, которые имели огромные стада, т. е. бай и маналы (зимовьи места не могли обеспечить кормом их скот). Середняки и малоскотные киргизы пасли скот на своих призимовочных участках. Вот некоторые данные о хозяйствах, отгоняющих скот на зимние пастбища (см. табл. на 37 стр.).

Таким образом, по всем 6 районам менее 1/10 всего скота уходило в зимний отгон. Остальной скот пасся на равнинах и в долинах. Известны многочисленные слу-

Р а й о н ы	скот зимой	Количество	В % к общему числу	
			хозяйств	скота
Гульчинско-Куршабский (I)	121	2092	3,3	5,9
Алайкуйский (II)	76	1224	25,1	28,8
Предалайский (III)	216	2056	16,2	14,6
Нижне-Алайский (IV)	77	983	7,6	11,5
Западный горный (V)	—	—	—	—
Западный предгорный (VI)	14	68	0,8	0,5

чаи, когда в тяжелые зимние годы скот одной местности перегонялся в другие (на малоснежные и защищенные от холода места). Естественно, что корм здесь быстро стравливался и между табунщиками возникали частые ссоры. Однако стоило погоде улучшиться, табунщики отгоняли лошадей в другие места, и споры из-за пастбищ прекращались. С течением времени ссоры из-за самовольного захвата хороших угодий стали частым явлением. Журнал Ферганского областного правления от 21 декабря 1897 г. констатирует факт постоянной борьбы за пастбищные участки. «В пределы Кугартской волости,— читаем мы в этом журнале,— ежегодно выходят на летние кочевья киргизы и тюрки чисто оседлых волостей Андижанского, Маргеланского и Ошского уездов; эти пришельцы по исконе установившемуся обычаю имеют право на пользование летовки для выкормки своих стад. Во время нахождения этих пришельцев в пределах Кугартской волости между ними (тюрками.— М. А.) и местным населением (киргизами.— М. А.) возникает масса гражданских и мелких уголовных дел».

Недостаток пастбищных земель порождал не только мелкие неурядицы, но и крупные столкновения, сопровождавшиеся убийствами и захватами земель. 5 мая 1887 г. в Туркестанское генерал-губернаторство была подана жалоба о возникшем споре «между киргизами Саруйской волости родов бору и музбурчак из-за права пользования землей на урочище Юл-Барсты (Жолборсту.— М. А.), во время которого был убит принадлежащий к последнему роду Кузыбай Ильчибаев». Суд биев при разборе этого дела постановил взыскать с виновников за убийство кун в сумме 160 тиллей, а спорную землю присудил в пользу брата и сыновей убитого.

Недостаток пастбищ заставлял некоторые киргизские предгорные волости делиться на две самостоятельные административные единицы. Внутри волости шла ожесточенная борьба местных манапов, баев, биев за административные должности. Русские власти называли такие межфеодалные тяжбы киргизских родоначальников «партийной враждой». Но это была борьба лишь за административный пост. Кроме этих, чисто внешних причин разделения волостей или причисления аила к другой волости, решающими были, конечно, «происходившие в волости поземельные и другие земельные раздоры». Волость обычно состояла из двух и более родов. Тот род, из которого избирался волостной управитель, захватывал лучшие пастбища у других более слабых членов рода. Недовольные действиями сильного рода и его волостного управителя члены других родов старались оставить эту волость и уйти в другую. Так, например, Чештюбинская волость в результате раздора была разделена на две. Однако во время отделения вся земля, которой ранее владел отошедший от волости род, осталась под контролем Чештюбинской волости, так как волостной управитель и другие бии не пожелали расставаться с ней. Поэтому в телеграмме к степному генерал-губернатору говорится: «Нам скот пасти, хлеб сеять, ставить зимовки негде, сенокосов нет, юрты наши стоят на бесплодной, открытой для ветров и снега местности, зимой мелкий скот может вымерзнуть, через это мы можем прийти в крайнюю нищету».

Киргизы-скотоводы, спускаясь с высокогорных летовок, в октябре до начала зимних холодов, останавливались на осенних пастбищах — күздөө. Такая сезонная кочевка была промежуточной ступенью при переходе от летовки к зимовке. Осеновки часто входили в состав призимовочной земли, так как они находились поблизости от зимовок.

Необходимо отметить, что твердого распределения пастбищных угодий по сезонам не существовало. Осеневка прошлого года могла считаться весенним пастбищем, если она использовалась в этом году под выпас весной. Точно так же иногда весенние пастбища осенью становились осеновками.

Владение землями как собственностью особенно яр-

ко проявлялось на использовании зимовок — кыштоо. Крупные скотоводы, середняки и даже мелкие хозяева, перекочевав осенью на зимовку, старались не трогать своих угодий, предназначенных под зимний выпас скота.

К зимовке относились окружающие ее пастбища, сенокосы. К призимовочной земле часто примыкали весенние и осенние угодья. В журнале «Сибирские вопросы» говорилось: «Призимовочные территории по составу угодий довольно разнообразны, начиная от таких, в которых имеются все роды пастбищ: летние, осенние, зимние, а также покосы и пашни, и кончая такими, которые состоят исключительно из зимовок и зимних пастбищ, на которые до выпаса снега киргизы не приходили».

О размере призимовочных территорий на 100 десятин площади землепользования по районам Ошского уезда говорят следующие данные:

Р а й о н ы	Призимовочных территорий	Джайлоо
Гульчинско-Куршабский (I) . . .	83,0	17,0
Алайкуйский (II)	100	—
Предалайский (III)	26,8	73,3
Нижне-Алайский (IV)	21,7	78,3
Западный горный (V)	2,3	97,7
Западный предгорный (VI) . . .	39,7	60,0

Из таблицы видно, что наибольший процент призимовочных земель дают районы с оседлым населением. Здесь находятся пашни, сенокосы и зимовки.

В конце XIX в. с развитием земледелия и появлением оседлых и полuosедлых киргизских крестьянских хозяйств неизмеримо возросла роль призимовочного землепользования. Зимние пастбища как бедные, так и богатые скотоводы оставляли нетронутыми на самые тяжелые зимние месяцы (январь, февраль). Поэтому они всегда охраняли зимние угодья от потравы не только от чужого скота, но и от своего. В зимний период все старались держать скот подальше от зимовок, здесь оставались только верховые лошади и необходимые в хозяйстве животные. Зимовка у каждого кочевника была священной и никто не имел права посягать на эту землю.

Зимовки обычно располагались в балках, ущельях, лесах, зарослях. Никогда зимовки не выбирались на открытых местах. В низинах среди лесов и зарослей скот и люди спасались от зимней стужи, холодных ветров. Кроме этого, в низинах меньше водилось хищных зверей. «Правильно выбрать зимовку, — говорили старики, — это значит сохранить скот к весне».

Известно, что различные сроки зимнего выпаса скота на территории Киргизии давали совершенно разные количества пастбы на призимовочных землях. Для наглядности приведем данные по Ошскому уезду.

Районы	Площадь удобной земли в общинах	Голов скота	Десятин земли на одну голову скота	Число дней выпаса на зимних пастбищах	Десятин земли на 1 голову скота в месяц
I	154480,0	37356,30	4,14	188	0,66
II	77063,0	4257,36	18,10	205	2,66
III	180484,0	14086,37	12,81	232	1,66
IV	119563,9	8554,58	13,98	192	2,18
V	17744,0	5389,17	3,29	249	0,40
VI	156676,0	15222,47	10,29	261	1,18

Из таблицы видно, что наименьшее время пастбы на зимних выпасах дают I—IV районы, так как часть скота в них отгоняется на зимние отгонные пастбища.

Хозяйственной единицей в киргизском обществе выступала преимущественно оседающая на зиму юрта. В зажиточных семьях одно хозяйство могло быть представлено несколькими юртами или даже несколькими десятками юрт.

Роды и родовые подразделения на зиму располагались рядом. Часто на берегах таких больших рек, как Чу, Кара-Дарья, Ак-Бура и др., встречались цепи зимовок, протяженностью на несколько десятков километров. Каждый владелец зимовки возводил около своей юрты хозяйственные постройки и, прежде всего, загородки — коро. Они отличались разнообразием размеров и строились из разных материалов. Например, на равнинах воздвигали глиняные стены — дувалы — высотой от 1,5 до 2 м, в ущельях стены складывались из камней, в лесах — из жердей, а зарослях — из веток деревьев и т. д.

Равнинные зимовки располагались на землях, удоб-

ных для орошения и пахоты. Здесь выращивались зерновые и бахчевые культуры.

Продолжительность стойлового содержания в зимний период в различных местах Киргизии различна. Если в малоскотных хозяйствах было больше рабочего скота, который нуждался в стойловом содержании и постоянном кормлении, то богатые скотоводы почти весь свой скот содержали круглый год на подножном корму. При стойловом содержании скот подкармливался или кормился. В теплые зимние дни большинство скота подкармливалось, что экономически выгоднее, так как два дня подкармливания приравнивалось, исходя из скормливаемого фуража, одному дню кормления. Приведем данные продолжительности стойлового содержания скота зимой.

Районы	Продолжительность кормления в днях				
	лошадей	рогатого скота	верблюдов	овец и коз	всего скота
Кара-Суйский (I)	79	76	71	38	72
Кетмень-Тюбинский (II)	71	81	90	47	72
Чаткальский (III)	94	122	—	52	99

Из данных по киргизскому землепользованию Наманганского уезда видно, что продолжительность кормления скота почти совпадает в I и II районах (по 72 дня). В этих районах климатические условия приблизительно одинаковы. В III районе (Чаткальская долина) зимние пастбища, так же как и выпасные прикыштаунные (призимовочные) угодья, имеют определенные границы, переход которых со скотом без предварительной договоренности считается нарушением прав, и группа (конечно, если переход совершен не крупным маналом, а простой «букарой» — черной костью) может потребовать возмещения причиненных убытков. Царский чиновник Г. З. Загрязский по этому поводу справедливо отмечал: «...особенно у них бывают жаркие споры за зимовки».

Увеличение продолжительности стойлового содержания скота III района по сравнению с I и II зависит от

того, что там всегда продолжительная холодная зима и глубокие снега.

Приведем данные о расходе фуража при стойловом содержании животных в зимний период.

Районы	Сено на 1 хозяйство (в пудах)			Израсходо- вано на 1 голову в течение зимы (в пудах)	Суточный расход на 1 голову (в фунтах)
	из запаса	израсходовано			
		в абсолют- ных вели- чинах	в процен- тах		
Кара-Суйский (I) .	101,8	94,6	92,9	25,8	14,3
Кетмень-Тюбин- ский (II) .	360,5	301,9	83,7	56,6	31,4
Чаткальский (III) .	231,2	218,0	94,3	46,5	18,8

Из этих данных видно, что на стойловом содержании находится более половины скота, и фуража расходуется около 90%. Остальной корм (10%) идет на продажу, займы, на помощь и в качестве подарков байскому хозяйству.

Выше мы отмечали, что как лучшие летние, так и зимние пастбища чаще всего присваивались крупными скотоводами. Никто не мог летовать или подолгу задерживаться в этих местах. Такие пастбищные места чаще всего теряли свое топонимическое название, приобретая имя владельца; особенно это характерно для зимовок.

После установления русской административной власти все удобные пастбищные, сенокосные и пахотные земли стали государственной собственностью. Они отбирались у киргизов и распределялись по усмотрению уездных, областных управлений. Многие лучшие пастбищные угодья Центрального Тянь-Шаня, Иссык-Куля, Чуйской и Таласской долин, Кетмень-Тюбинской впадины и юга Киргизии фактически остались во владении киргизских богатых скотоводов. На этих землях разрешалось пасти скот и не воспрещалось «в удобствах того же выпаса устраивать на них и зимовые стойбища, а равно собирать или косить траву, не стравленную скотом за время подножного корма, пока сама казна не эксплуатирует сенокосных и пастбищных пространств».

Изъятие земель у кочевников и передача их под русские поселения, а также переход бесскотных и мало-

скотных киргизов к оседлости в значительной степени ограничивали скотоводов, сокращали пастбищные угодья. С уменьшением пастбищ появилась тенденция и к сокращению скотоводства. Киргизское общество Кунгей-Ак-Суйской волости в 1897 г. на имя Туркестанского генерал-губернатора отправило телеграмму следующего содержания: «Мы стеснены пастбищами. У нашей волости имеется 300 десятин земли, которую передают под поселения. На этот участок мы возлагали надежды для поддержания скотоводства».

В 1893 г. волостным съездом Исенгуловской волости было принято постановление о передаче местности Куланак под крестьянское поселение. Однако общество третьего айла заявило, что это постановление было вынесено неправильно, так как «в местности Куланак находились зимовки, лесонасаждения, принадлежащие этому айлу. На берегах рек имелись пашни с оросительной системой, возведенной членами айла. На строительство зимовок была затрачена значительная сумма. В настоящее время начальник Атбашинского участка производит отвод земель на наших зимовках под казачье поселение... С нами будет поступлено так же, как и с киргизами Чоринской волости на местности Тогуз-Торау, где... отбирают у киргиз их зимовки, производимые ими посевы, клеверные поля». Эти факты характеризуют колонизаторскую политику русского царизма. Недостаток выпасов для скота осенью и зимой в Иссык-Кульской котловине особенно стал заметным после образования здесь русских оседлых поселений. Степному генерал-губернатору пришлось специальным циркулярным письмом представить киргизам право пользоваться всей крестьянской землей, за исключением необходимого для крестьян выгона, в период с 15 ноября по 15 марта. При этом крестьян обязали хлеб и сено с полей или увозить, или огораживать, так как ничего взыскиваться с киргизов за потравы не будет. Крестьяне были вынуждены иногда оставлять свои хлеба и сено на произвол судьбы и поэтому терпели большой ущерб.

В рапорте от 13 февраля 1880 г. начальник Иссык-Кульского уезда в своем письме на имя генерал-губернатора просил «оградить от всяких прав киргиз на крестьянскую землю, чтобы земля была в их полном владе-

нии без ограничения времени года и тем обезопасить себя от неминуемых потрав, ссор и драк с киргизами». Однако просьба уездного начальника отменить зимний выпас не могла быть удовлетворена ввиду того, что под поселения отошло много хороших земельных участков. Ссоры и драки происходили между богатыми киргизами-скотоводами и русскими кулаками, которые никак не хотели отдавать на зиму свои выпаса бесплатно. Иссык-Кульские киргизы, кроме сыртовых полос, имели летовки на Каркаре, Текесе и Юлдузе. Каркара в 70-х годах прошлого века была передана администрацией Семиреченской области для летовок племени албан Большого жуза казахов. Текес, Юлдуз, Кок-Су отошли согласно Чугучакскому соглашению к Китаю, что еще более усилило недостаток пастбищных земель у киргизов.

Это обстоятельство не могло не вызвать недовольства киргизских скотоводов действиями царских властей. В 1884 г. в г. Караколе (ныне г. Пржевальск) состоялся съезд представителей Иссык-Кульского, Джаркентского и Верненского уездов, на котором был поставлен и обсужден вопрос о лучшем обеспечении пастбищами албановских казахов и о добровольной передаче бугинцами части территории Иссык-Кульского уезда. На съезде было высказано мнение о том, что следует уступить казахам только часть долины Иссык-Куля (до поселения Джеркесского), Кызыл-Кийский перевал, Джергаланскую долину и склон Тянь-Шаньских гор (до р. Джергес с территорией, примыкающей к Джергесскому поселению). Кроме того, албанам от Иссык-Кульского уезда отходил сырт с долинами Сарыджасской, Инельчик, Куйюнды, Куйлю и Ак-Шийрак. Удовлетворив требование албанов, бугинцам пришлось бы отказаться от значительной части сыртов тех мест, где кара-киргизы имели зимовки для четырех волостей (Турайгырской, Кенсуйской, Турчинской и Джетыгаринской). Следовательно, для этих четырех волостей пришлось бы искать новые пастбища. Сырты без долин не представляют ценности, ибо они не могут полностью обеспечить скот полноценными кормами. Они расположены на такой большой высоте, что человеку там трудно дышать, жеребые кобылы там могут пастись только до известного времени. Но на сыртах есть местами обширные долины; бла-

годаря почти постоянно господствующим ветрам снег с нагорных склонов сдувается, и скот пасется здесь продолжительное время. Албаны это хорошо знали и поэтому всегда выговаривали себе право пасти скот (от 30 до 40 тысяч лошадей) в Иссык-Кульской долине. Несмотря на длинные дебаты, съезд никакого определенного решения не принял. В «Материалах по киргизскому землепользованию» говорится о том, что если уступить «все эти места албанам, то для иссык-кульских киргизов более не останется никаких зимовок». Кроме того, администрация опасалась, что «в результате непрерывных перекочевков, вынужденных обстоятельствами, могут родиться споры, неудовольствия, племенная вражда, крупные столкновения». Итак, острая и настойчивая борьба бугинцев за сохранение своих летовок и зимовок увенчалась успехом.

Многие крупные скотоводы арендовали определенные участки для выпаса скота. Арендаторами были преимущественно купцы-скотопромышленники, конезаводчики. Пишпекский 2-й гильдии купец Ш. Мамашев в 1895 г. заключил договор на аренду пастбищ, принадлежащих Талкановской волости. Однако Мамашев, увеличив стадо, скоро начал стеснять киргизский скот и бесчинствовать на землях соседей.

В конце XIX в. русские богачи зачастую арендовали у киргизов большие участки земли. Так, общее присутствие Ферганского областного управления рассмотрело 1 марта 1908 г. прошение крестьянина села Покровского Ошского уезда Мажурина об аренде земли, «считавшейся свободно-государственной», с целью «основать конский завод и заняться скотоводством вообще в широких размерах». В прошении говорилось: «Талдык по своим климатическим условиям, ранним ночным морозам и обилием атмосферных осадков (дождя), не позволяет разводить культуру хлебов, а дает возможность роскошному росту трав, годных для пастьбы скота и заготовки сена на зиму». Мажурину было разрешено арендовать 5 десятин пахотной земли, 10 десятин сенокосов и 100 десятин выгона. Конезаводчик С. Дмитриев, проживавший на ст. Кутемалдинской (ныне г. Рыбачье), арендовал у киргизов Сарыбагышской волости 250 десятин земли под выгон, а в 1891 г. — сенокосный участок

в 30 десятин у киргизов Семизбельской волости (Кочкорский район). Беднота этих волостей сама нуждалась в земле и поэтому подала ходатайство «об отнятии у Дмитриева этих участков, так как киргизское общество стеснено в пользовании землей и имело надобность самим занять под выгон местность».

Выше мы привели примеры наиболее крупной аренды пастбищ купцами и конезаводчиками, которые разными путями «арендовали» участки у киргизов, также нуждавшихся в выгонах.

Необходимо отметить, что наряду с арендой крупных пастбищных угодий встречалась аренда маленьких участков земли (бедные дехкане продавали свои маленькие участки за бесценок). Об этом говорится в «Материалах по изучению кочевого населения Наманганского уезда». «Были обследованы, — читаем мы в «Материалах», — следующие 5 кочевых волостей с каракиргизским населением, находящиеся в северной части уезда: Арымская, Кырк-Угульская, Саруйская, Сусамырская и Чаткульская. В этих волостях «встречались денежные аренды земли. Например, если бедняк сдает землю — плата 10 руб. в год; за площадь, занятую 1 череком, — 5 пудов озимой пшеницы. Кроме того, повсеместно была объявлена аренда издольная — сдающий землю получает от арендатора половину собранного сена». Таким образом, нужда в пастбищах летних и осенних особенно почувствовалась в начале XX в., когда удобные места повсюду стали использоваться земледельцами. Киргизы, летовавшие в горах, осенью, спускаясь с гор, всегда «встречали на пути своем уже снятые пашни», которые лежали у подножья гор, отделяя «естественные летовки от зимовок». Такое искусственное отделение летовок кочевников от их зимовок, когда даже «кочевых дорог не узаконено и не существует, приводило к тому, что киргизу остается весьма часто либо потравить хлеб своего сородича, либо потравить русские сенокосы». Для того, чтобы впредь исключить случаи потрав пашен, съезд выборных Булекпаевской волости Пишпекского уезда приговором от 20 июля 1910 г. постановил: «За потравы хлебов, клеверов взыскивать по 30 копеек с каждой одной головы скотины».

Потерпевшие киргизские и русские земледельцы

всегда задерживали скот не только кочевников, но и своих соседей-земледельцев. Так делали ещё в Германии, когда задержанный на чужой земле скот не возвращался хозяину до тех пор, пока он не возместит убытки. Такой скот крестьянами-киргизами привязывался около жилища или загонялся в сарай, землянки. Если скот кочевников задерживался в горах, то рабочий скот самих земледельцев как киргизов, так и русских часто забредал на чужие засеянные поля.

Не только киргизы-кочевники разорялись от недостатка участков для пастбы, но страдали от этого даже возчики и разносчики, «идушие с кладью через поселки и станции», которые за пастбу принадлежавших им лошадей и быков в течение одной ночи или даже нескольких часов платили по 10 коп. с головы. Сумма сбора не должна была превышать 50 коп. с крупного рогатого скота (верблюдов, лошадей, быков и коров), 10 коп. с мелкого рогатого скота (баранов, козлят, телят и жеребят), до 1,5-летнего возраста — 5 коп. с головы за все время аренды, т. е. с 15 марта по 15 декабря. Это последнее условие не соблюдалось арендатором, «который взимает плату по приведенной таксе даже с тех лиц, которые останавливаются с обозом лишь на короткое время, причём не освобождаются от платы и те обозы, которые останавливаются на свободном пространстве, отведенном по обе стороны дороги».

Таким образом, подытожив вышесказанное, можно сделать следующий вывод о том, что в условиях колонизации пастбищные территории в Киргизии сильно сократились. Оставшимися в киргизской айльной общине пастбищами распоряжались бай и манапы. Захватив лучшие пастбища, они оттесняли бедноту на бесплодные земли. Это обстоятельство вынуждало многих отказаться от скотоводческого хозяйства и начать оседлый образ жизни.

ПОКОСЫ

Остановимся на землях, предназначенных под покосы. На территории Киргизии земельные отношения, связанные с владением покосами, были различны, в зависимости от климатических, географических и многих

других условий. Так, например, если район отличается умеренным климатом, зимой выпадает много снега (Чон-Алайская, Чаткальская долины), то покосные участки в этой местности ценились очень высоко, ибо без них невозможна заготовка кормов для скота.

В местах обильных лугов, где росли высокие сочные травы, заготовка сена не представляла никакой трудности (Иссык-Кульская котловина, Центральный Тянь-Шань). Эти участки для бедноты были совершенно недоступны. В тех местах, где выпадало мало атмосферных осадков, где без искусственного орошения ничего не росло (степная часть Чуйской долины, западные районы Ошской области), шла ожесточенная борьба за покосы. Здесь все сенокосы были «закреплены» за определенным хозяином, который старался огородить их и тем самым спасти корм от потрав. С появлением русских поселений и переходом беднейшей части киргизов к оседлости покосы значительно сократились. Поэтому многие киргизы начали беречь свои сенокосы по-настоящему: «обносили их дувалом (глинобитный забор), аккуратно их поливали».

Покосы отгораживали не только дувалами, но и жердями, ветвями облепихи. Это говорит о том, что в земельных отношениях киргизов произошли заметные сдвиги. Несмотря на это, сена не хватало даже для удовлетворения минимальных потребностей — стойлового содержания скота. Пастбишное экстенсивное скотоводство оставалось почти нетронутым в своей основе. Поэтому скотоводство как основная отрасль хозяйства киргизов по существу оставалось шатким и неустойчивым, подчинялось стихийным силам природы.

В местах, где выпадало много атмосферных осадков, где климат был прохладным, скотоводы всегда пользовались «дарами природы». В районах же с засушливым климатом крестьяне издавна сеяли люцерну.

Данные о посевах и урожаях люцерны по киргизским уездам Семиреченской, Сыр-Дарьинской и Ферганской областей говорят о том, что в Пржевальском, например, уезде в 1913 г. хозяйств, сеявших люцерну, было 232 (собрано 720400 снопов). По Пишпекскому уезду в 1912—1913 гг. число хозяйств, сеявших люцерну, выросло до 12659 (собран 16738971 сноп), по Аулиеатинскому

уезду из обследованных шести волостей люцерну сеяли 830 хозяйств (собрано 942238 снопов). В Кара-Суйском, Кетмень-Тюбинском и Чаткальском районах Наманганского уезда люцерну сеяли 1618 хозяйств (собрано 595045 снопов), а в Ошском уезде из обследованных 6 волостей — 1585 хозяйств (собрано 561380 снопов).

Многие дореволюционные исследователи, царские чиновники, изучавшие хозяйства киргизов только вскользь, не упоминают о размерах покосных участков, о заготовках кормов для скота. Они обычно описывают киргизских скотоводов как беспечных кочевников, которые летом только ездят друг к другу в гости, пьют кумыс, едят мясо, веселятся, устраивая скачки, козлодранье и т. д. В действительности кочевники и оседлые киргизы имели покосы и заготавливали корма для скота. Ниже мы приведем несколько фактов, подтверждающих сказанное.

Киргизы, как мы уже отмечали, заготавливали сено преимущественно для определенных категорий скота. Чтобы обеспечить всех животных сеном, необходимо было: во-первых, иметь самые совершенные сенокосные орудия; во-вторых, — рабочие руки; в-третьих, надо было или сократить поголовье скота, особенно лошадей и овец, или же косить столько сена, сколько требуется для обеспечения всего стада.

Необходимо отметить ошибочность представления и о том, что все естественные луга пригодны для покоса. На летовках, где особенно много хороших трав, сено, как правило, не косили, так как участки эти были удалены от зимовок.

Из-за того, что летовки находились далеко от пахотных земель, многие киргизские хлебопашцы превращали залежные земли в покосные участки. Бедные киргизы, не имея возможности пасти скот в горах и пользуясь весенним половодьем, поливали залежи и обращали их в покосы. После окончания сенокоса в июле такие поля вспахивали, чтобы в следующем году можно было использовать их под посевы зерна (по-киргизски, шудугор).

Покосные участки лежали преимущественно в предгорных местах, в долинах, по берегам рек, речек, лощин, балок и т. д. О размерах их подробно говорится в литературе. «Чаткальская волость, — читаем мы в «Мате-

риалах по киргизскому землепользованию», — наиболее богата сенокосными угодьями, среднее хозяйство здесь окашивает свыше 2-х десятин, тогда как в других равнинных районах на 1 хозяйство естественного покоса в среднем приходится 0,8 десятин, иногда даже 0,1 десятины». Поэтому царские чиновники правильно говорили «о жарких спорах у киргизов на зимовках», где вокруг расположены пахотные, покосные и пастбищные участки. Кроме того, зимовки считались собственностью каждого владельца, как и все покосы и пастбища, находящиеся в районе зимовок.

Острая нужда в заготовке сена на зиму заставила многих киргизов-скотоводов более рационально использовать и распределять сенокосные участки.

У киргизского населения, перешедшего к оседлости, сенокосные участки почти ежегодно подвергались переделу между общинниками; иногда владельцы участков делили между собой скошенное сено. Ежегодное перераспределение вызывалось многими причинами, но, как всегда, лучшие сенокосные угодья при этом доставались сельским богатым. Худшие участки (овраги, крутые скаты, маленькие лужайки, берега арыков) были достоянием бедных дехкан. Частые, почти ежегодные, переделы сенокосных участков не меняли положения бедноты, так как байы и манапы забирали лучшую землю и практически были собственниками обширных сенокосных участков.

Итак, покосные угодья были полной или частичной собственностью эксплуататорских классов, которые закрепляли их за собой в любом удобном случае. Лучшие покосные места были выделены феодалами из общего состава пастбищ и стали их собственностью. Иногда часть сенокосных мест была в руках рода, но и здесь первую роль играли, конечно, родовые аксакалы, байы и манапы.

В некоторых оседлых селениях покосами пользовались сообща все члены общины, фактически же хозяевами этих земель были байы; они распределяли их между членами общины, выступали организаторами покоса сена, уборки и т. д. Они бесплатно пользовались трудом членов общины и получали при дележке сена больше, так как имели больше скота (при дележке сена больше

получал тот, у кого было больше скота). Кроме того, зажиточные хозяйства выставляли во время косьбы больше косцов и, следовательно, они могли получить больше сена. Богатые скотоводы специально оставляли на своих пахотных полях бедных дехкан для того, чтобы они, присматривая за пашнями, одновременно заготавливали сено для скота. О горькой судьбе таких заготовщиков фуража сами дехкане сочинили песню:

Жайында чөлдү жайладың,
Чөптү кедей көп чаптың,
Байыма берем деп чаптың,
Бай акең тапты эбинди,
Басып койду демиң дн.
Эски тонун бергенсип,
Элтеп алды чөбүндү.

Летовал бедняк в степи,
Заготовил много фуража,
Чтобы отдать богачу.
Хозяин нашел в этом выгоду,
Отдав старую заскорузлую шубу,
За нее забрал все сено.

Однако сенокосение в общем не могло обеспечить кормом киргизский скот. Заготовка сена на зиму и использование подножного корма, т. е. тебеневка, давали определенную возможность содержать скот зимою до первой весенней травы.

У оседлых киргизов возник вопрос о праве выпаса скота на жнивье, т. е. на полях после уборки урожая. Зажиточные скотоводы, привыкшие пасти свой скот на джайлоо, пускали его на посевы крестьян, из-за этого часто возникали крупные ссоры.

Одной из главных мер укрепления владения общинной землей среди киргизского населения являлось огораживание посевов и сенокосов от потрав. Затем эти огороженные места оставались в наследственном пользовании.

Сенокосение в тех размерах, в которых оно было развито, не обеспечивало скот кормом на зиму даже и на одну треть. В холодные и снежные зимы много скота погибало. Киргизы в такие трудные минуты очень часто сбывали скот за бесценок русскому населению. А чтобы спасти от гибели оставшийся скот, они покупали

по очень высоким ценам кормовые запасы у русских. Гнилая солома с крыш и та давала громадный барыш владельцу при продаже её на корм для киргизского скота. В годы же наиболее сильных голодовок киргизы предлагали русскому зажиточному населению свой скот на таких условиях: если у киргиза сто лошадей, то он предлагал кормить их «из половины», т. е. если из ста лошадей у русского остаётся в живых 70, то киргизу и русскому оставалось по 35 голов. Условия такого прокорма для киргизов были, конечно, страшно тяжелы, но во время голодовок и падежа скота это был чуть ли не единственный для них выход.

Киргизы, часто не придавая должного значения времени сенокоса, косили недозревшие травы, в результате чего заготовленное сено отличалось очень низкой питательностью. Своевременной заготовке кормовых трав отчасти препятствовала откочевка на джайлоо, совпадавшая по времени с началом сенокоса, а отправить косцов с джайлоо на равнину было очень трудно.

Сено косили с помощью серпа — мангела. Русские крестьяне в Иссык-Кульской котловине при заготовке сена пользовались косой-литовкой (чалгы) и косили сено в гораздо большем количестве, поэтому скот у русского населения зимовал благополучно. Киргизы, взяв пример с русских, стали также в больших размерах запасать сено на зиму. Какие размеры приняло сенокосение к концу XIX в., можно видеть из одного отчёта, в котором говорится о том, что пример русских «побудил их (киргизов. — М. А.) устраивать загоны для скота и делать запасы сена: так, в Пржевальском уезде в отчётном году (1894. — М. А.) киргизами было заготовлено сена до 524000 пудов»¹. Преимущество косы-литовки перед серпом было очевидным, поэтому она быстро распространилась среди киргизов, которые покупали косы и выменивали их у русских крестьян или торговцев на овец. Кроме русских, косой-литовкой киргизов снабжали татарские торговцы. Производительность этой косы была довольно высокая, один косец мог выкосить её до 1 га. Если раньше сено заготавливали только для

¹ Обзор Семиреченской области за 1912 г., Верный, 1913, стр. 19.

верховых лошадей и больных животных, то теперь его стали косить и для крупного рогатого скота и овец, число которых стало увеличиваться за счёт уменьшения лошадей. Так, в Пишпекском уезде в 1894 г. траву косили 26419 хозяйств, собрав 677544 копны лугового, 461935 горного, 51176 степного, 42315 залежного и 146086 поливного сена. По Наманганскому уезду в пяти киргизских волостях (5940 хозяйств) было собрано на специальном покосном участке 182450 снопов, на других окочиваемых местах—1117750 снопов, из тугайных, сазных трав и камыша было заготовлено 496800 снопов, из смешанных трав — 632145, суходольных — 1311115, из разных крупностебельных трав — 44420, с арендованной земли было заготовлено 13110 снопов. По Ошскому уезду в шести киргизских кочевых волостях, косивших сено, насчитывалось 7198 хозяйств; ими было собрано снопов: на специальном покосе — 726220, на случайных местах — 1988345, кроме того, было скошено 6000 снопов камыша и 257245 снопов смешанных трав. Суходольные травы дали 10325875, прочие крупно-стебельные травы — 4375 снопов.

В 1913 г. только киргизы Пржевальского уезда заготовили с помощью косы-литовки 41777 копен луговых трав, 221437 — горных трав, 91802 копны степных трав; сазные (болотные) и луговые травы дали 132756 копен, поливные травы — 1012154, прочие травы — 10889 копен, люцерны было собрано 720400 снопов. Эти цифры свидетельствуют о том, что запасы кормов для скота в Киргизии стали резко увеличиваться. «До сравнительно недавнего времени,— пишет Массальский,— заготовка корма для лошадей и скота была совершенно неизвестна, ныне же с постепенным оседанием киргизов обычай умения заготавливать запасы корма на зиму становится почти повсеместным». Скошенные травы оставлялись на поле, время от времени переворачивались. Затем сено сгребали граблями (тырмок) и складывали в копны. Копны свозились в определенное место и укладывались в стога. Вокруг стога прорывалась широкая канава, чтобы скот не мог потравить сено. Всему этому киргизы научились у русских поселенцев. Семиреченская газета в 1914 г. писала: «Киргизы тоже работают на полях усердно. При чем следует отметить заметную

новость в их хозяйстве. Многие киргизы принялись за заготовку сена, копны которого покрывают многие уголки. Есть примеры, что киргизы для покосов брали у крестьян даже сенокосилки».

Заготовка кормов для скота с применением косы-литовки и сенокосилок была прогрессивным явлением, но нужно отметить, что в предреволюционные годы ни коса-литовка, ни сенокосилка бедноте были недоступны. Пользуясь тем, что у бедных сородичей кос-литовок не было, баи и манапы превратили это орудие в средство эксплуатации. Они давали косу своим бедным сородичам на определенном условии: из 30 скошенных копен бедняк получал 10, остальные 20 он должен был отдать хозяину косы.

С целью предотвращения падежа скота у местного населения губернатором Семиреченской области было дано указание о создании общественных сенных запасов. «Сенные запасы, — писал губернатор, — должны быть образованы на зимовых стойбищах киргизов, смотря по местным условиям и удобствам, в особых складах; пункты, число их, а равно число участников, для коих учреждается склад, определяются приговорами аульных сходов. Для складов выбираются, по возможности, возвышенные места, занимающие площадь, достаточную для размещения всего собранного количества сена. Эти места самими участниками окапываются рвом и обносятся земляным валом, а для сохранения сена от пожаров, они опахиваются. Для последней цели могут быть принимаемы и другие меры, смотря по местным удобствам. После этого сено передается в заведование смотрителя склада».

Это мероприятие заслуживало всяческого внимания, так как создание сенных запасов дало бы возможность сохранить в джутовые годы скот от гибели. Но, к сожалению, эта инициатива администрации не получила поддержки. Ссылались, то на неустройство в земельном отношении, то на ограниченность заготавливаемого сена, едва достаточного для пропитания скота, то на временные благоприятные условия, исключавшие необходимость заготовок, то на другие причины.

Виды и формы киргизского землепользования до сего времени остаются неисследованными. Имеются различные высказывания по этому вопросу, но все они страдают схематичностью. Раньше киргизы, как и все народы Средней Азии, в вопросе о земельных отношениях придерживались адата. Н. А. Кисляков, изучавший вопрос земельных отношений и формы землепользования у среднеазиатских народов, в частности таджиков и узбеков, подчеркнул ненаучный подход дореволюционных исследователей к этой проблеме, ибо «они исходили в основном из мусульманских религиозных норм и взглядов на землю и землепользование, в результате чего обычно получались абстрактные земельные категории, не имевшие ничего общего с теми нормами обычного права, которые сложились в том или другом районе Средней Азии»¹.

Русские исследователи всегда пытались определить формы землепользования у народов Средней Азии. Так, например, Туркестанский генерал-губернатор К. П. Кауфман в своем «Проекте всеподданнейшего отчёта» разделил все земли Туркестанского края на четыре категории: а) земли ушр, владельцы которых были обязаны «платить десятину в пользу казны»; б) земли харадж, возникшие и закрепленные за населением, которое платило дань-харадж; в) земли милькхурр — обеленные, свободные от налога земли; г) вакуфные, т. е. церковные земли.

Это разделение Кауфмана основано на признаках налогового обложения Кокандского ханства, существовавшего до установления русской власти. Однако Кауфман и многие другие исследователи делили земли ещё и по принадлежности к государству, церкви и частным лицам.

Ф. К. Гирс, А. А. Семенов, П. И. Лященко и другие делили земли на: а) амляковые — государственные земли; б) мульк — частновладельческие земли; в) вакуфные — церковные земли.

Тщательное изучение вопроса землепользования у киргизского населения на основе этнографических, ар-

¹ Н. А. Кисляков. Очерки по истории Каратегина, стр. 152—153.

живных, литературных материалов и сопоставления с землепользованием среднеазиатских народов дало возможность составить следующую схему киргизского землепользования.

1. Земли государственные. Эта категория земель не была устойчивой, т. е. она была временной. Если взять период господства Джунгарского государства, Китайской империи и Кокандского ханства, то, действительно, все уголья признавались за их правителями, т. е. были государственными. После изгнания завоевателей этими землями временно стали распоряжаться киргизские феодалы.

2. Собственно феодальные земли, принадлежавшие бай-манапам. Это наиболее устойчивая земельная категория.

3. Вакуфные земли принадлежали религиозным учреждениям, т. е. мечетям, мазарам, мектебам, медресе и др.

4. Землевладельческие. Ими владели крупные и средние землевладельцы, а также дехкане на правах собственности.

5. Земли, принадлежащие айльным и сельским общинам.

Перейдем к объяснению вышеперечисленных категорий земель. Царское правительство после присоединения Киргизии к России все киргизские земли превратило в государственную собственность. Формально они принадлежали царю. Фактически же господствующие в киргизском обществе поземельные отношения остались нетронутыми. Русское правительство, являясь верховным собственником киргизской земли, издало так называемое степное Положение. Статья 120 этого Положения гласила: «Земли, занимаемые кочевьями, оставляются в бесспорном общественном пользовании кочевников на основании обычаев и сего Положения». Другая статья Положения также передаёт лучшие земли в руки имущих классов: «Зимовые стойбища и обрабатываемые земли представляются в бессрочное общинное пользование каждой волости и каждого аульного общества отдельно по действующему положению и согласно обычаям, а в случае споров — по количеству имеющегося скота и размерам хозяйства». Согласно статье земля передава-

лась в распоряжение волости и аильной общины, а следовательно, в руки волостных управителей, судов, аильных старшин, аксакалов, баев и манапов. Кроме того, в Положении отмечалось, что землей можно владеть «по количеству имеющегося скота и размерам хозяйства». Лучшие пахотные и пастбищные земли переходили в руки имущих классов, у которых было очень много скота.

Удобные земли по мере роста народонаселения и развития земледелия у кочевников перераспределялись и передавались организуемым русским и киргизским посёлкам. Однако стихийное массовое движение русских крестьян в Киргизию вынудило царское правительство и его чиновников на местах принять крутые меры для поземельного устройства прибывших крестьян (отсутствовало плановое переселение и выделение земель под посёлки). Это вызвало у местного киргизского населения недовольство земельной политикой царизма. В докладной записке Туркестанского генерал-губернаторства указывается, что «Откладывать дальнейшее разрешение этого крайне запутанного и обострившегося вопроса невозможно, потому что настроение туземцев-земледельцев, от которых отняли издавна обрабатываемые ими земли, чрезвычайно тревожно». Для того, чтобы оправдать и замаскировать свою колонизаторскую политику, царское правительство в «Положении об управлении степных областей» и во «Временном Туркестанском положении» провозгласило, что «земли, занятые кочевниками, составляют государственную собственность и лишь представляются в бессрочное общественное пользование кочевников». Исходя из этого, правительство выпустило 9 июня 1909 г. инструкцию «О порядке определения государственного земельного фонда», по которой в пользовании киргизов оставались:

- а) земли, занятые постоянными зимними жилищами с хозяйственными при них постройками и огородами;
- б) возведенные силами и средствами земледельцев оросительные сооружения и запруды;
- в) фруктовые сады, огороды, искусственные лесные насаждения;
- г) земли, удобные для распашки и сенокошения, а в местностях, где возможно только поливное хозяйство,—

орошаемые земли в том количестве, в котором такими угодьями наделялись устраиваемые в данной местности переселенцы, причём в счёт этих земель должны, по возможности, входить все обрабатываемые угодья;

д) кладбища, продолжавшие ко времени изъятия служить местом погребения, отдельные, особо чтимые народом могилы и возведения в установленном порядке мечети. В этом документе отмечалось, кроме того, что предназначенные для хозяйственных потребностей или временного проживания постройки не могли служить препятствием для изъятия.

Из «Инструкции» видно, что царская власть по существу ничего не оставляла за коренным населением, хотя внешне она что-то выделяла и что-то закрепляла. В. И. Ленин четко охарактеризовал переселенческую политику царизма, указав, что сущность этой политики заключалась в том, чтобы путём захвата земель у местного коренного населения насаждать хозяйства кулаков, которые могли быть социальной опорой царизма. Такая политика русского самодержавия на окраинах России, по словам В. И. Ленина, «...руководилась лишь одними интересами кучки крепостников-помещиков и вообще, господствующих классов, угнетающих рабочие массы и трудящееся крестьянство»¹. В. И. Ленин указывал далее, что «переселенческий фонд образуется путём вопиющего нарушения земельных прав туземцев»².

Мы лишь вкратце охарактеризовали политику царизма в отношении государственной земли и устройства переселенческих посёлков за счёт отобранных у коренного населения земель. Однако такая политика привела к обострению отношений и национально-освободительному движению 1916 г. в Киргизии.

До установления русской власти пахотными землями владели индивидуально, т. е. каждая семья имела свой участок. Киргизы, основываясь на исламской религии считали, что вселенную создал бог и вся земля принадлежит ему. Люди, являясь его рабами, имеют право пользоваться всеми благами жизни. Каждая хозяйственная семья временно или постоянно обрабатывала

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 77

² Там же, стр. 79.

данный участок, он принадлежал ей и являлся ее собственностью. По адату никто не имел права занимать или отбирать землю, ранее кем-то занятую, до тех пор, пока владелец не оставлял ее по разным причинам: истощение почвы, засуха, неурожай, перекочёвка и т. д. Однако требования адата на каждом шагу нарушались классами имущих. Патриархально-феодалные отношения, господствовавшие в киргизском обществе до прихода русских, препятствовали широкому развитию земледелия, которое тормозилось низким уровнем техники и отсутствием многополья в возделывании растений. Экстенсивное скотоводческое хозяйство находилось в исключительной зависимости от природных условий, состояния пастбищных угодий и т. д. Скотоводческое и земледельческое хозяйство киргизов до второй половины XIX в. оставалось почти таким, каким оно было в предыдущие века. При существующих порядках и социальном строе было невозможно выработать правильный севооборот. В результате почвы очень быстро истощались и давали низкие урожаи. Прimitивный метод ведения хозяйства отражался на экономическом быте киргизского общества, особенно бедноты.

Отсутствие у киргизского народа своей письменности не позволяло определенные земельные участки документально закреплять за отдельными семьями. Однако на юге Киргизии, где земледелие было широко развито ещё в период Кокандского ханства, у некоторых лиц имелись документы. К таким земельным документам относились:

1. Ханские, выдаваемые непосредственно ханами.
2. Документы на дарованные земли от ханских визирей, беков и др. Эти «бумаги» исходили от ханских административных чиновников и оформлялись в духе мусульманских законов.
3. Домашние купчие и простые расписки. Эти виды документов не исходили от государственной власти и поэтому не имели никакой формальной юридической силы. Они появились в конце XIX и начале XX веков, когда повсюду ощущался острый недостаток в земле.

Остановимся вкратце на каждом виде из приведенных выше земельных документов. В эпоху Кокандского ханства часто выдавались ханские документы. Так, вла-

дыка Худояр продал обширный участок пахотной земли четырем братьям племени багыш Дживибаяевым (документ об этом был составлен на персидском языке, он давал братьям право владеть купленной землей вплоть до начала XX в.). Текст в переводе с персидского гласил: «Участок земли, находящийся в селении Чиркатай (зимовка Жергетал.— М. А.) граничит: с запада землею Агир-Чал (Айгыржал.— М. А.); с юга — землею Ялгуз-Янкан (Жалгыз Жангак.— М. А.); с востока — гористой местностью Адыр-Серун и с севера — землею Иштук-Тюпа (Ыштак Добе.— М. А.)». Далее читаем:

«1210 года Хиджры лунного месяца Сафа да кончится он благополучною победою (с 6-го августа по 4-е сентября 1795 г.) приложивший печать на поле сего документа его высочество Хан (изложен титул), изволил согласно шариата продать вышеуказанный участок, составляющий государственную собственность за один конь, называемый — «шахдар», серой масти, 8 (обыкновенных) лошадей и 20 плиток черного чая; туземцам: Каракаван-Бахадир Дживибаяеву, Чутуру Дживибаяеву, Тейкули Дживибаяеву и Аркчи Дживибаяеву в потомственное их владение и тут же состоялась между ними помена (т. е. передав покупателям данный участок, означенных лошадей и чай, всё получил сполна). Продажа эта состоялась без всякого обмана и дурных условий с обязательством очищать проданное имущество от всяких вступщиков. В чём совершен сей документ при добросовестных и сведущих лиц. (К сему приложены печати Саид-Мухамед-Умар-Хана, Нор-Бутаханова и Казия, оттиск которой не разборчив). При этом присутствовали Алибек-Нардваначи, Джиян-Бек, Ишан-Агасы и другие». Аналогичных случаев было много. «Омархан,— сообщает Наливкин, один из исследователей истории Кокандского ханства, — желая обогатить свою казну, через тогдашнего Наманганского хакима Сеид-Кулбека, продал земли, бывшие в пользовании населения Наманганского вилайете; земли эти покупались вскладчину целыми родами (или, вернее коленами), после чего в общинном владении остались одни только горные пастбища, а те же участки, которые могли эксплуатироваться плугом при условии искусственного орошения, поступали в частную собственность покупа-

телей и были разделены ими между собою пропорционально тем паям, которые вносились отдельными лицами при огульной покупке земли у хана. Этим был нанесен тяжелейший удар общинному владению землей между здешними киргизами».

Дарованные земли исходили от ханских визирей, бек-ов и других государственных лиц, которые специально жаловали их в виде дара. Делалось это зачастую только для того, чтобы «обласкать» некоторые непокорные племена и превратить их в послушных слуг. Архивные материалы оставили нам много любопытных сведений об этих документах. Так, в одном из них мы читаем: «В начале месяца Муххаррам 1262 года Гиджры Г. Минбаши, полководец мусульманского войска Мусул-Манкул Минбаши, дай бог которому вечного благополучия и справедливости по командованию над войсками до самого последнего мира, пожаловал участок земли в местности Джиргитал и Ялгуз-Джангак в районе Сузак, орошающегося водою, протекающей из двух ключей в этих местностях и заключающего в себе землю приблизительно на две тысячи кошей, роду багиш. Всю эту землю полководец благосклонно пожаловал в собственность роду багиш, имена и отчества коих изложены ниже сего, с тем, чтобы эти багишцы эксплуатировали эту землю и привели бы которую в благоустройство. При этом предлагается, чтобы никто не соприкасался до пожалованной земли. При этом присутствовали: Мухамед-Рахим Ишангаев, Каракус Аксакал, Ашурмат Агалык, Хакимбек, Багышцы и другие.

Печати приложили: Мусульманкул Минбаши, Мулла Салим-Мухамед Салихбаев, Досмулла Джабаркул-Казий Рузыбаев, Мулла Абдурахман-Магомед-Садых Дохтаев.

Копию снял Сайский народный судья Мулла Тюрякул. Переводил письменный переводчик уездного управления Таш Магометов».

Домашние купчие и простые расписки часто заверялись волостными управителями, старшинами, казиями, биями. В начале XX в., когда ощущался острый недостаток в земле, частные документы стали заверяться уездным начальством с представлением в областное управление для утверждения. Для наглядности охарактери-

зуем несколько фактов, когда, по каким документам и на каких условиях были проданы киргизами земли в Багишской волости Наманганского уезда. Материалы эти были составлены военным губернатором Ферганской области 9 декабря 1894 г. для представления в канцелярию Туркестанского генерал-губернатора на утверждение.

С в е д е н и я
о проданных киргизами землях, находящихся в Багишской волости
Наманганского уезда¹

Площадь земельного участка	Кем продана	По каким документам	Кому, за какую цену и на каких условиях продана земля
Участок земли приблизительно в 30 кошей ²	Ташбеком Кулыбековым и Бекпулатом Ишимбековым	По документу, совершенному у казия Муллы Турсун Мухамета в 1849 г.	Ирису Мухаметбекову и Кельдыбаеву за 5 тиллей в полную собственность.
Участок земли приблизительно в 20 кошей	Мир Султанбаем Мир Асрбабеевым	По документу, совершенному у народного судьи 27 марта 1890 г.	Мир Хальдару Адинабаеву за 2,5 тилля в полную собственность
Участок земли приблизительно в 40 кошей	Усланом Токсаба Карабагатуровым	По документу, совершенному у казия в 1883 году	Ташбаю Юсуф Аксакалову за 1,5 тилля в полную собственность
Участок земли приблизительно в 100 кошей	Турсун Мухрамет Азиз Сердыбаевым	По документу, совершенному у казия в 1863 г.	Мухамеду Сабирбаеву и Азису Бердыбаеву за 3 тилля в полную собственность
Участок земли приблизительно в 20 кошей	Игам берды Мир Турсуновым	По документу, совершенному у народного судьи в 1889 г.	Таш Мухамету Сабирову Мухаметову за 10 тиллей в полную собственность

¹ ЦГИА Узб. ССР, ф. I, оп. 11, д. 1003, л. 9—13.

² Кош равен примерно двум танапам (танап — мера земли, равная $\frac{1}{6}$ га).

Площадь земельного участка	Кем продана	По каким документам	Кому, за какую цену и на каких условиях продана земля
Участок земли приблизительно в 150 кошей	Суфи, Исен-Кельды, Бурабаевым	По документу, совершенному у казиев и муфтиев в 1832 году	Мулла Нур Мухамету Мир Каримову за 20 тиллей в полную собственность.
Участок земли примерно в 10 000 кошей	Бек Назараш Раимбековым и Бай Тубой Токтамышевым	По документу, совершенному у казиев, муфтиев и аглямов в 1830 году. На подлинном документе приложена печать Кокандского хана Соид мухамед Умар хана	Земля разделена в равных частях между родственниками бек Назара Раимбекова и Байбуты Гоктамышева.

Мы привели лишь некоторые сведения с тем, чтобы показать, какие формы у киргизов имел институт купли и продажи земель. Скупив пахотные участки за бесценок, многие киргизы становились крупными землевладельцами.

На юге Киргизии существовали так называемые вакуфные земли, которые делились на чистые и на авлод. К первому виду вакуфа относились мельницы, сараи (караванные), мосты и непосредственно отданные земли под вакуф. Все получаемые доходы от чистых вакуфов поступали в фонд завещанного учреждения. Вакуфы-авлод, как говорится в докладной записке Туркестанского генерал-губернатора, «Предназначались для детей и будущего поколения». Вакуфные земли могли быть: 1. Дарственные от ханов (кокандских); 2. Пожертвованные мечетям или училищам по приговору общества; 3. Дарственные от частных лиц; 4. Приобретенные путём покупки.

Вакуфные земли (купленные, дарственные) считались «священными». По этому поводу Л. Соболев в своей книге «Географические и статистические сведения о зерашанском округе» писал: «Вакуф не может быть муьком, так как его хозяином является бог, вакуфы не разрешалось продавать и оставлять в наследство». Ва-

куфной земли в Туркестанском генерал-губернаторстве насчитывалось до 462566 десятин; мельниц — 1243, толчей — 76, навесов — 47, сараев с дворами — 20, караван-сараев — 85. Доходы со всех видов вакуфа, получаемые различными учреждениями, духовными лицами и чиновниками, составляли ежегодно приблизительно 19500 рублей. От этих доходов часть средств шла на мусульманское образование и львиная доля — на содержание духовенства. На всех вакуфных землях работали дехкане, которые не имели права пользоваться плодами своего труда. Царизм оставил вакуфные земли и закрепил на них дехкан.

Танапное землепользование (танап, тап) было у дехкан наиболее распространенной формой владения землей. До конца XIX в. любой киргиз, исключая сирот, вдов, больных и др., мог обрабатывать участок до одного танапа. Кочевник, имеющий определенное количество скота, обеспечивал себя земледельческими продуктами, снятыми с одного танапа. В начале XX в., когда острее стал ощущаться недостаток в пахотных землях, крупные землевладельцы стали сдавать в аренду танапщику участки «за половину урожая». Часто середняк отдавал по частям землю беднякам. В таких случаях землевладелец получал $\frac{1}{5}$ часть урожая. Следует отметить, что танапная форма землепользования с отдачей земли крестьянам для всей Киргизии характерной не была. Наибольшее распространение она получила на юге Киргизии. На севере танапное пользование отличалось тем, что в обработке земли участвовали сами землевладельцы.

Другой формой землепользования, получившей особое распространение во время владычества Кокандского ханства, было мюльковое землевладение. Эта форма земельных отношений была широко развита во всех восточных мусульманских государствах. Институт мюлькового землепользования проник в земельные отношения южных киргизов в первой половине XIX в. Насколько прочно мюльковое землепользование вошло в жизнь киргизов, можно судить даже по смыслу, который вкладывается в слово мюльк (мулк)¹.

¹ Мюльк — ценное имущество (земля, скот, ценные вещи и т. д.).

Мюльковое землепользование зародилось в те далекие времена, когда кокандские ханы начали раздавать государственные земли в пользование крупным феодалам пожизненно. Такие земли раздавались в качестве вознаграждения за службу с правом частичного или полного сбора налога, полагающегося с крестьян. Часть земель носила характер расчленённой собственности: распоряжалось землей и собирало налоги государство, ренту получали феодалы, а землю обрабатывали непосредственно производители-крестьяне.

Мюльковые земли занимали большие площади пахотных и пастбищных земель. Мюлькадар — владелец имения — был полновластным хозяином земли и живущих на этой земле людей, которые обрабатывали поля и пасли огромные байские стада. Однако мюлькадар не собирал налогов с крестьян, живущих на мюльковой земле. Мюльковые земли переходили по наследству. Не имея на этот счёт архивных документальных фактов, мы сошлемся на этнографические материалы. Работая на юге Киргизии, нам не раз приходилось слышать от местных жителей о мюльковых землях, пожалованных ханом. Так, например, в здешних местах известно о том, как Худояр подарил своему первому визирю Мусульманкулу и другим приближенным много земельных участков в Кугартской долине, в Базар-Курганском оазисе, в районе Узгена и Ак-Буры.

По киргизским обычаям землепользования, частной собственностью являлись земли, мельницы, арыки, зимовки, корук, участки земель, огороженные забором из колючки, жердей, охраняемые пастбища и т. д. Указанные земли признавались мюльком владельцев. Мюльковые земли являлись предметом купли, продажи, залога, завещания и т. д.

В начале XX в. в киргизских оседло-земледельческих хозяйствах, у русских крестьян, дунган и других народностей частная собственность на землю, т. е., как говорилось в официальных документах, подворное владение, приняло широкое распространение. В земледельческих хозяйствах выращивались не только зерновые, но и ценные технические, масличные культуры, требующие значительных затрат человеческого труда. Естественно, определенные площади земель, выделенные под

эти ценные культуры, требовали тщательного ухода, и каждый владелец не хотел подвергать их общинному переделу. Для того, чтобы эти земли не попали в общину, хозяева огораживали их. Таким образом образовывалось подворное землевладение. Возникновение подворного, так называемого частного владения, открывало киргизским крестьянам путь к интенсивному ведению земледельческого хозяйства и наносило удар по общинному землепользованию.

В оседло-земледельческих киргизских хозяйствах подворное владение землями было явлением повсеместным. В полуоседло-земледельческих и скотоводческих хозяйствах подворные владения встречались реже. Население, живущее в горных и предгорных районах, почти не огораживало своих участков.

Используя в своих целях указание Переселенческого управления о том, что зимовки, лесонасаждения не отбираются под русские поселения, многие бай-манапы огораживали пахотные, пастбищные участки, которые постепенно становились их потомственными владениями. Выбирая земельный участок, владелец всегда учитывал близко ли вода, удобно ли вывести арык для орошения данного участка. Пользовались водой и выводили ее на пахотные поля только те, кто затрачивал на это труд и капитал. Собственниками в данном случае могли быть целый род, отдельные хозяева или группа лиц.

Земельные участки, принадлежащие отдельным лицам, преимущественно были расположены на равнинных, удобных землях. Огромные пространства Чуйской долины, западные районы современной Ошской области, отличающиеся высокими летними температурами, оставались неосвоенными, так как уровень техники не позволял обеспечить их водой. Поэтому население, лишённое возможности равномерно расселяться, скучивалось преимущественно в бассейнах рек, образуя своеобразные оазисы в неорошенной степи.

Переход бедных кочевников-скотоводов к оседлости еще более обострил нужду в искусственных поливных землях. Скученность киргизских аилов в прибрежных полосах, где имелся корм для скота и вода для орошения, всегда была причиной ссор среди киргизов.

Места, не доступные для искусственного орошения, иногда были непригодны даже для выпаса скота. Поэтому население, особенно неимущее, оставляло их, уходило в другие районы. Причины ухода многих дехкан с своих насиженных земель, кроме вышеописанных; объяснялись примитивностью применяемых земледельческих орудий, отсутствием общих навыков в технике земледельческой работы, крайне неблагоприятными атмосферными условиями, недостатком осадков. Частые весенние паводки затопляли дехканские поля на равнинах и губили их посевы. Ежегодно из-за этого пропадал труд земледельцев, и они лишались на целый год продуктов питания, необходимых для семьи. Кроме этого, огромный урон дехканскому хозяйству приносили опустошительные налеты саранчи и частые весенние заморозки. Всё это принимало характер народного бедствия. В связи с этим отчаявшиеся дехканские массы старались бросить хлебопашество и приспособиться к кочеванию, т. е. прижиться к байским юртам.

Участки, пригодные под земледелие, занимали преимущественно небольшие площади, поэтому неудивительно, что живущие на этих участках дехкане ощущали острый недостаток в луговой покосной и пахотной земле. К тому же часть используемых ими земель на равнинах была занята под русские поселения, а другая превращена в оброчные статьи. Таким образом, у киргизских дехкан были отобраны те угодья, на которых они издавна жили и которые находились в их владении, и они часто вынуждены были искать новые земли в районах других родов, айюлов, волостей, уездов.

По мере роста производительных сил и культуры ведения земледелия росли и размеры вкладываемых в землю человеческого труда и капитала. Поэтому постепенный переход от общинного пользования землей к подворному владению, т. е. от одной формы землевладения к другой, был связан с глубокими социальными противоречиями. Более богатые, имущие и сильные, захватывали лучшие угодья. Громадное же большинство трудящихся масс оставалось на худших землях. Усилилось в это время наследственное владение землею. Такие владения сохранялись даже в тех случаях, когда они не имели ни хозяйственных построек, ни деревьев,

ни жилых помещений. В этом случае просто учитывалась затрата определенного труда на превращение неплодородной земли в плодородную.

Развитию земледелия у киргизов в начале XX в. способствовали в основном два фактора: а) постепенное расширение участков под хлопок на юге Киргизии, б) развитие бахчеводства, садоводства и пчеловодства, а также возделывание масличных культур почти на всей территории Киргизии.

Усилившийся спрос на эти новые виды продуктов сельского хозяйства побудил часть киргизских феодалов и крестьян равнинной части предгорной местности заняться возделыванием вышеуказанных культур.

Царские чиновники из Переселенческого управления Семиреченской области, скрывая подлинную картину аграрного кризиса в Северной Киргизии, во весь голос трубили о том, что все слои киргизского и русского населения здесь землей обеспечены. Этим самым они хотели затушевать острую классовую борьбу, разгоревшуюся из-за недостатка земли, земельных угодий. Землей были обеспечены лишь баи, манапы, бии, волостные управители, кулаки, отставные офицеры, дворяне, чиновники, духовенство.

С установлением царской административной власти Пишпекское и Пржевальское уездные управления по принципу землепользования в земледельческих губерниях России начали внедрять метод общинного пользования землей, который сыграл, с одной стороны, положительную, а с другой,—отрицательную роль в развитии земельных отношений в Киргизии. Все удобные участки стали теперь называться общинными, так как принадлежали тому обществу, которое их обрабатывало.

Новая форма землепользования ничего по существу не изменила, так как беднота по-прежнему оставалась обделенной. Ярким свидетельством этого может служить любопытный документ, написанный большой группой киргизских бедняков, в котором они жалуются на то, что все земли айла захвачены народным судьей и другими влиятельными лицами. Последние производят распашку по своему усмотрению, бедняки же остаются ни с чем. Повинность отбывается всеми членами общи-

ны, землей пользуются только баи. Когда бедняки попросили разделить все земли между общинниками, баи не согласились.

При общинном пользовании землею хозяйственная семья получает право владения определенным участком на определенной территории, выделенной сходом общины. Величина пахотного участка при общинном пользовании может уменьшиться или увеличиться в зависимости от изменения состава семьи. В случае увеличения семьи, увеличивается и количество земли, в случае уменьшения — надел тоже уменьшается. Если вся семья выезжает из данного места или погибает при несчастном случае, то родственники не имеют права владеть этой общинной землей. В таких случаях земля переходит в общину и распределяется между ее членами.

Киргизская беднота, переходя к оседлому образу жизни, наделялась землей примерно по такому же принципу, как это делалось в России, пахотная земля также подвергалась периодическим переделам через 5—6, а иногда 3—4 года. Передел земель вызывался разными причинами (плохой урожай, быстрое и значительное увеличение членов общины, которым также нужна была земля, изменение уровня и стока воды в реках, неспособность членов общины платить налоги, выход сразу нескольких членов из общины).

При распределении пахотных участков между всеми членами формально соблюдался принцип жеребьевки. При всех переделах земли, как правило, ограждались интересы класса имущих. Положение феодалов и метод переделов обеспечивал закрепление за ними лучших участков. Часто бай-манапы делили земли не с помощью жеребьевки, а распределяли их «полюбовно», захватывая при этом наиболее плодородные участки.

В подтверждение сказанного приведем воспоминание Ч. Ч. Валиханова, который при возвращении из г. Кашгара в марте 1857 г. видел, как «караван шел посреди киргизских аулов и пашен. Киргизы пахали землю. Осман, предводитель саяков, разъезжал по пашням и разделял их на участки»¹.

¹ Чокан Валиханов. Избранные произведения, т. 1, стр. 176.

Ежегодный прирост населения и образование в общине новых семей вело к дроблению пахотных общинных земель на все более мелкие участки. Количество таких участков с неимоверной быстротой увеличивалось, а размеры общинных угодий оставались неизменными. Зачастую площадь отдельных участков была настолько малой, что обрабатывать ее было почти невозможно. Дробление угодий на мелкие непроизводительные участки усиливалось в результате того, что многие баи и середняки начали огораживать ранее выделенные им поля, которые отходили от общего пользования.

Из общинного землепользования постепенно развивалась частная собственность на землю, которая явилась, с одной стороны, результатом постепенного разложения общинного владения и выделения отдельных мелких собственников, с другой — результатом выделения из общины крупных собственников.

Отрицательная сторона общинного пользования землей при переходе киргизских крестьян к оседлости заключалась в том, что они всецело зависели от общины, во главе которой стояли баи и манапы, бии, волостные управители и старшины. Общинные порядки и нормы жизни сковывали их инициативу, тормозили развитие творческого подхода к делу. Обработка почв, семена для посева, орудия труда — все должно было быть таким, каким пользовалась община. При периодическом распределении земли по жребию многим слабым крестьянам попадались участки, расположенные друг от друга за несколько десятков километров. Это обстоятельство мешало организовать своевременный уход и полив посевов, охрану урожая от птиц. Урожай на таких участках очень часто вытаптывался скотом при перекочевке животноводов с зимовок на летовки и обратно. Общинное землепользование привело к оскуднению почвы питательными элементами, так как при частых переделах члены общины смотрели на землю как на временную и нисколько не заботились об улучшении её качеств. До прихода русских крестьян киргизы считали поле своим, пока оно не истощалось, поэтому проводили арывы, очищали участки от камней и чия.

Общинное пользование землей привело к усилению

расслоения крестьянства на богатых и бедных. В руках киргизской знати сосредоточиваются основные земельные массивы. Рождается класс зажиточного крестьянства. Феодалы, монопольные владения превращаются в собственность. Теперь земля становится объектом купли-продажи, т. е. товаром, хотя и не является продуктом труда. В киргизских и русских оседлых селениях земля концентрируется в руках сельских эксплуататоров и служит базисом капиталистического способа производства в сельском хозяйстве.

В предреволюционные годы многие общинные земли самыми разными путями переходили в руки бай-манаров и кулаков. Очень часто сельские богатеи просто-напросто захватывали облюбованные участки. Одним из распространенных способов был захват через подставных лиц, т. е. ложных свидетелей или при помощи подложных документов, фабрикуемых самими же феодалами.

Тяжелые условия, жестокая эксплуатация часто заставляли бедняков покидать свои насиженные места и уходить, ища приют у других общин. Такие пришельцы и на новых местах попадали под власть феодалов, которые заманив в свой род бедноту, закабляли ее, заставляя заниматься обработкой их полей. Постепенно пришельцы становились батраками или кабальными арендаторами.

Одна из главных причин безземелья киргизов крылась в недостатке пахотных земель и сенокосов, так как в царский государственный фонд замежовывались все лучшие пахотные земли, покосы и пастбища при зимовках. Это обостряло и усиливало земельный голод. Материалы ревизии К. К. Палена показали, что «переселенческие чиновники предлагали разрушить в Семиречье свыше 5100 очагов оседлости с населением 30000 человек для получения 150 тысяч десятин»¹. Так поступили царские чиновники с киргизами Талкановской волости Пишпекского уезда, отобрав и передав под русское поселение их зимовки.

В фонд Переселенческого управления под русские

¹ К. К. Пален. Переселенческое дело в Туркестане. СПб., 1910, стр. 57.

поселения или под казенный оброк отбирались леса, водные источники, пастбища и даже зимовки целых родов и родовых подразделений. Часто это сопровождалось изгнанием тысяч киргизов с земли, обжитой с давних времен их отцами и дедами. Представители Переселенческого управления сносили зимовки, разравнивали родовые кладбища. Киргизы, лишившись своих зимовок, хозяйственных построек, насаждений, на зиму оставались без крова, без пахотных полей, без зимних пастбищ. Гонимые нуждой, они шли на новые места, где также попадали в хищные лапы бай-манапов.

В конце XIX в. Киргизия стала местом, где наблюдался систематический рост населения в основном за счёт непрерывного переселения крестьян из России, Сибири, Восточного Туркестана. В результате большого наплыва переселенцев острее стал ощущаться недостаток в удобных для земледелия массивах. В них больше всего нуждались бесскотные и малоскотные киргизские крестьяне.

Обширные равнины Чуйской и Таласской долин, Иссык-Кульской котловины с начала переселения народов из России, Сибири, Туркестана в Киргизию стали обрабатываться под разные сельскохозяйственные культуры. Киргизы же по мере занятия удобных пахотных равнинных земель переселенцами стали уходить в горные и предгорные районы. Пользуясь попустительством царского правительства, бай-манапы, кулаки скупали земли на равнинах, тем самым сосредоточивая в своих руках огромные богатства. Только горные долины и теснины оставались для бедняков. Такие маленькие поля были разбросаны по склонам отдаленных гор, и безземельные бесскотные киргизские дехкане в поте лица расчищали каждый клочок земли, чтобы заставить его плодоносить.

Аренда земли у киргизов существовала издавна, хотя мы не имеем об этом письменных свидетельств. Известно из этнографических материалов, что один род за определенное вознаграждение уступал другому определенное пастбище или пахотную территорию на один год, иногда на несколько лет. Платили за аренду обычно скотом, главным образом лошадьми и овцами. Постепенно арендованная таким образом земля пере-

ходила в собственность роду-арендатору. Например, род каман временно арендовал землю у рода басыз (Сузакский район), а затем остался на той земле, считая её своей.

Аренда земли начала прочно входить в земледельческие отношения киргизов после прихода на их территорию русских переселенцев, когда остро стала ощущаться необеспеченность землёю крестьянских масс. До начала XX в. порядок аренды урегулирован не был, в результате чего стала широко развиваться спекуляция землей. Спекуляцией занимались чиновники, купцы, дворяне, офицеры, манапы, байы, бии и другие.

Классики марксизма-ленинизма считают, что аренда земли является уже капиталистической арендой, порождающей капиталистическую ренту. В рассматриваемое время в сельском хозяйстве Киргизии начали развиваться капиталистические отношения, но их развитие тормозилось феодально-родовыми пережитками.

Аренда земли явилась предпосылкой для развития капиталистического способа производства. По этому поводу К. Маркс писал: «1. Действительные земледельцы, в сути наемные рабочие, работают на капиталиста, который помещает свой капитал в сельское хозяйство как особую область применения капитала. 2. Капиталист-фермер (в условиях Киргизии — бай или кулак.— М. А.), эксплуатирующий чужую землю, уплачивает её собственнику установленную договором сумму денег за разрешение применять свой капитал на той земле, так как заёмщик капитала уплачивает проценты. Эта денежная сумма называется земельной рентой. Так появился наёмный труд, использовавшийся на больших арендованных площадях»¹.

Как киргизские феодалы, так и русские кулаки, пользуясь правом владения обширными участками земли, жестоко эксплуатировали своих арендаторов. Они диктовали свои условия аренды. В начале XX в. цены на аренду земли возросли, отчего арендаторы-крестьяне терпели один убыток. Агроном Семиреченского переселенческого отдела В. Воронков, наблюдая постепенно

¹ К. Маркс. Капитал, т. III, 1950, стр. 631.

усиливающийся процесс обезземеливания киргизских родовых общинников, писал: «В Аламединской волости два влиятельных манапа, в руках которых находятся все лучшие в волости земли. Они сдают ежегодно в аренду — один до 1000 десятин по берегу реки Чу дунганам..., а другой — в подгорной полосе — 400—500 десятин крестьянам..., причем оба эти манапы арендную плату берут в свою пользу. Кроме того, другие, менее влиятельные манапы... также занимаются сдачей земель в аренду крестьянам и дунганам, так что в настоящее время многие киргизы из рода Толек лишены пахотных земель и должны искать заработков на стороне... В Карабалтинской волости манапы уже сдали в долгосрочную аренду крестьянам почти все удобные для хлебопашества земли, вследствие чего многие бедные киргизы вынуждены идти в батраки к манапам и крестьянам».

В уездах отсутствовал строгий учёт земель, которые сдавались в аренду. Киргизские феодалы, пользуясь этим и постепенно втягиваясь в капиталистические отношения, пускались на широкую спекуляцию общинной землей. По этому поводу царский чиновник О. А. Шкапский в своей книге «Переселенцы» писал: «В Чуйской долине, где уже весь строй экономической жизни изменился под влиянием развития торговли и промышленности, манапы начинают переходить в своего рода буржуазию и своим правом манапства пользуются для личного обогащения, все сделки по аренде крестьянами совершаются лишь с манапами, которые большую долю арендной платы берут себе, а киргизам из букары бросают гроши... Один крестьянин рассказывал мне,—сообщает О. Шкапский,— что когда он отдал деньги за землю, то манапы сейчас же стали делить их, причем киргизу, пользовавшемуся землей, дали двухгривенный, тот даже заплакал».

Источник наживы в аренде земель увидели и некоторые предприимчивые горожане. Арендуя хорошие участки за бесценок, они продавали их втридорога безземельным крестьянам, самовольно приезжавшим из России. Крестьяне-самовольцы шли на любую сделку, лишь бы получить землю и обосноваться.

Тот же чиновник переселенческого отдела О. А.

Шкапский, который хорошо знал о существовавшей в то время земельной спекуляции, писал: «Город Пишпек при содействии манапов арендовал в Талкановской волости по приговору, утвержденному областным правлением, 750 десятин на 12 лет, за плату по 150 рублей в год. По словам горожан, принимавших участие в переговорах с манапами, последним было уплачено за переговоры около 2000 рублей. Арендовав землю, городское общество сдало ее по участкам русским жителям, которые на арендованных участках насадили фруктовые сады, построили дома, и вообще привели землю в благоустроенный вид. До окончания арендного срока осталось три года и владельцы заинтересованы сохранить их за собой, и потому стали говорить с киргизами. Один из влиятельных манапов, по словам горожан, предлагал возобновить арендный договор на прежних условиях, а за такую услугу просил уплатить ему 4000 рублей. Манапам-спекулянтам помогали волостные управители и их писари, не считавшиеся с интересами своих сородичей».

Земельная спекуляция приняла такие широкие размеры, что некоторые волости вынесли приговор о запрещении сдавать в аренду земли крестьянам без разрешения волостных съездов, в котором говорилось: «На основании приговора от 20 июня 1910 г. мы, выбранные пятидесятники Булекпаевской волости Пишпекского уезда, быв сего числа на волостном съезде в урочище Иссыг-Аты около сада киргиза Булекбая, имели суждение относительно надела земли в нашей волости, при этом постановили: имеющиеся в нашей волости аульные старшины ранее продавали землю в арендное содержание разным лицам по аульным приговорам, распискам и другим частным сделкам. Такие приговоры и частные сделки мы усмотрели незаконными, для всего нашего населения крайне убыточными, а потому, если это будет продолжаться самовольно — тайно сдавать земли в аренду кому-либо по аульным приговорам, распискам и другим сделкам, то виновных в таких сделках привлекать судом к наказанию до 12 месяцев тюремного заключения, взыскать одного верблюда и девять голов рогатого скота. Но сдавать земли в аренду на известные сроки по приговорам волостных съездов не возбраняет-

ся, если волостной съезд найдёт это нужным». После этого постановления юридическое оформление аренды земли стало более сложным (составлялся приговор с участием волостных выборных пятидесятников или волостным съездом, или обществом одного аила, которому принадлежала земля).

До принятия этого постановления киргизские феодалы, пользуясь своей властью над рядовыми дехканами, присвоили себе право от имени общины сдавать в аренду земли или заключать договора с русскими переселенцами. Так как земля тесно была связана с водоснабжением, то в аренду сдавались и проведенные на ней арыки. Конечно, это тяжело отражалось на рядовых членах общины, лишенных земли и воды в результате произвола своих феодалов. Сдавая в аренду общинные земли, киргизские феодалы обогащались, а бедняки разорялись. Особенно интенсивно этот процесс протекал в Иссык-Кульской котловине и Чуйской долине, где капиталистические отношения развивались быстрее, ввиду большого числа русских поселений. Появление и развитие института аренды земли подрывало натуральное хозяйство киргизов.

Существовала также междудехканская аренда, когда арендные договора заключались между киргизскими, русскими и дунганскими крестьянами. (В результате, если раньше многие крестьяне собственноручно обрабатывали свои земли, то теперь они получали доход, не затрачивая никакого труда.)

Зачастую русские крестьяне арендовали землю у киргизов по той простой причине, что удобрить истощенный участок было гораздо труднее и дороже, чем взять в аренду новый. По истечении срока земледатель мог, в зависимости от желания, продолжить или прекратить сдачу земли. В этом отношении положение безземельного крестьянина было шатким и неустойчивым. В любое время он мог оказаться без земли, с которой получал все необходимое для существования. Причин для этого было много: то владелец отказывался сдавать землю в аренду, то вдруг наступали неурожайные годы. Были и другие причины (несвоевременное погашение налогов, арендной платы и т. д.).

Часто бан и манапы сдавали свою землю арендатору-посреднику. Последний в свою очередь сдавал землю крестьянам по участкам, баснословно наживаясь на этом.

• В 1910 г. в Пржевальском и Пишпекском уездах посевы на арендованных у киргизов землях были произведены: на 53 десятинах в с. Покровском, на 1374 десятинах в Сазановском, на 1065 десятинах в Марьинском и на 2216 десятинах в Беловодском.

Дунгане Пишпекской волости постоянно арендовали землю для посевов риса, так как собственный их надел для этого был непригоден.

При составлении «приговора» об аренде подробно указывались размеры земельных участков, границы (арыки, лощины, реки и др.). Плата за аренду входила в кибиточный сбор аила, волости, так как киргизы в своём большинстве не имели денег. Ежегодная плата кибиточного сбора очень тяжело отражалась на положении трудящихся масс. Последние, не имея денег для уплаты царских и местных бай-манапских налогов, оставались из года в год недоимщиками. Арендатор земли вносил ежегодно арендную плату в уездное управление или под квитанцию волостного управителя в зачёт кибиточной подати за ту волость, чью землю он арендовал.

• Из приведенных документов видно, что землю в аренду сдавали в большинстве случаев киргизы, а арендаторами были русские, дунгане и др. Однако нельзя думать, что киргизское население было полностью обеспечено пахотной и пастбищной землей. Иногда было как раз наоборот: землю у русских переселенцев арендовали киргизы. Так, 9 сентября 1875 г. Иссык-Кульский уездный начальник в своём рапорте писал: «В деревне Теплоключенка нарезки ещё не было, но жителям отведена земля... Пространство это включает около 2200 десятин, в число которых земли неудобной весьма мало и, полагая в Теплоключенке 55 семейств, приходится на семью по 40 десятин. Я полагаю, что такого количества земли для каждой семьи не только мало, но и даже слишком много, в особенности, если принять во внимание качество почвы, дающей весьма хороший урожай. Если крестьяне просят прибавки земли, то

это делается в видах отдачи ее в арендное содержание киргизам...»

В начале XX в. аренда принимала всё больший и больший размах. Если одни арендовали землю из-за нужды в хлебе, то другие спекулировали или сдавали её мелким крестьянам. Спекуляция землей вела к концентрации значительных владений в руках одного предпринимателя. Формировались крупные землевладельцы нового склада, капиталисты в сельском хозяйстве.

В хозяйственную жизнь киргизов пришла новая разновидность наёмного труда. Киргизский крестьянин покидал аил в поисках заработков на стороне: поступал в батраки к крупным баям, обслуживал своим трудом байские и кулацкие хозяйства.

Как мы уже говорили, были такие арендаторы, которые, пользуясь бесконтрольностью местной администрации, злоупотребляли своим положением. «Дворянка Нина Саксогонская,— писали киргизы Иссыгатынской волости губернатору,— в 1910 г. арендовала 200 десятин земли для содержания скота с условием без права передачи их другим лицам. Вопреки своему обещанию, она приняла в своё товарищество писаря и благодаря власти новых товарищей компания перешла границы аренды, захватывая всё больше и больше наш аул. Таким путём вытесняя нас. Захваченную землю они продают крестьянам, которые быстро возделывают свои лачуги и становятся хозяевами. Волостной же с писарем потворствуют, ибо, состоя в компании с арендаторами, извлекают этим общую выгоду, а нам грозят просто колом, если мы будем препятствовать и что в результате будет арест...»

При рассмотрении вопроса о формах земельных отношений и характера землепользования нельзя не остановиться на феодальной земельной ренте. Получаемая феодалами рента всегда была больше или, по крайней мере, равна прибавочному продукту непосредственных производителей, т. е. дехкан.

Марксизм-ленинизм различает следующие три формы феодальной ренты: отработочная (барщина), продуктовая (натуральный оброк) и денежная рента. Все они существовали в киргизском обществе и характери-

зовали разные ступени развития самого киргизского феодализма.

Перейдем к рассмотрению рента, существовавших в Киргизии: отработочная рента является первоначальной и самой простой формой феодальной ренты. Она существовала как в скотоводческом хозяйстве, так и в земледелии. Крестьяне-малчы и эгинчи — непосредственные производители — были наделены необходимыми средствами производства. Малчы имели определенное количество своего скота и скота феодала, а эгинчи — несколько танапов или кошей земли и к тому же рабочий скот землевладельцев. Кроме этого, каждый эгинчи имел свой маленький земельный участок — чонёк — грядка. Крестьянин-малчы, получив от феодала скот, круглый год пас его. Он не мог бросить или оставить байское стадо, так как в этом стаде находился и его скот. Крестьянин-эгинчи, оставаясь в низинах и долинах у засеянных участков, почти всю неделю работал на земле землевладельца и только день-два на своей «маленькой грядке». Работая у феодала и на феодала, бедняк использовал его рабочий скот и инвентарь для обработки всей земли, одновременно производя необходимые для себя и своей семьи продукты. Такое положение киргизского крестьянина «роднило» его с богатым «сородичем».

Несмотря на эту разницу, жизнь крестьянина-малчы и эгинчи была одинаково тяжела, и они одинаково жестоко эксплуатировались феодалами.

В киргизском феодальном обществе существовала и продуктовая рента, которая зародилась уже в период господства отработочной ренты. Продуктовая рента в Киргизии становится господствующей формой присвоения труда при феодализме. Киргизские крестьяне, занимаясь земледелием, определенную часть полученного урожая отдавали феодалам. Это было обязательно, так как хлебопашец одного с феодалом рода, живший на одной с ним территории, должен был обеспечить его продуктами земледелия. Рядовые скотоводы тоже давали феодалам всякого рода продукты животноводства. Например, поздней осенью, когда кочевники окончательно устраивались на своих зимовках, производился массовый убой скота на зиму (согум). В этот период

крестьяне-скотоводы давали своим богатым сородичам скот на согум. Кроме того, крестьяне, «по обычаю» должны были приносить феодалам мясо в вареном виде. К. Маркс следующим образом характеризует продуктовую ренту: «Рента продуктами представляет господствующую и наиболее развитую форму земельной ренты. Она все же постоянно в большей или меньшей мере сопровождается остатками предыдущей формы, т. е. ренты, которая доставляется непосредственно в виде труда, следовательно, барщинным трудом»¹. Киргизские крестьяне (земледельцы и скотоводы), отдавая большую часть продуктов феодалам, немного оставляли для себя и своей семьи (для себя оставалось столько, сколько было необходимо для поддержания нищенского существования). Несмотря на это, продуктовая рента в некотором смысле стимулировала труд крестьян, так как часть продуктов оставалась в хозяйстве производителя. Постепенно в мелких крестьянских хозяйствах начинается процесс имущественного расслоения: небольшая кучка наиболее ловких и предприимчивых хозяев обогащается за счёт окончательного разорения другой основной массы. Несмотря на это, все хозяйства были в известной степени экономически самостоятельными. Поэтому внеэкономическое принуждение в период господства продуктовой ренты начинает играть основную роль. В XIX в. обе ренты как отработочная, так и продуктовая в известной мере прикрывались родовыми и родо-племенными связями.

В конце XIX и начале XX в. в Киргизии, наряду с существованием отработочной и продуктовой ренты, появляется новая форма ренты — денежная. Последняя является продолжением и дальнейшим развитием предыдущих двух форм рент феодальной формации. Особенно тесно связана денежная рента со своей предшественницей — рентой продуктами. Если раньше дехкане поставляли своим господам продукт в натуральном виде (скот, зерно, мука, мясо, шерсть, кожа), то теперь они выплачивали феодалам цену прибавочного продукта деньгами. Господство денежной ренты требует раз-

¹ К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 807.

вития торговли как внешней, так и внутренней; отсутствие рынка делает невозможным её существование. Появление денежной ренты уже говорит о том, что внутри страны существует развитый рынок и процветает торговля. Чтобы дехкане могли выплатить феодалам цену прибавочного продукта в денежной форме, им было необходимо эти продукты превратить в деньги, т. е. обязательно отвезти на рынок и продать.

Появление денежной ренты предвещает начало краха феодального общественного строя, феодального способа производства. Постепенная замена натуральной ренты денежной повышает заинтересованность непосредственного производителя в развитии своего хозяйства, так как в его руках остаётся теперь больше продуктов. С другой стороны, в это время крестьяне чаще, чем раньше, начинают сдавать землю в аренду капиталистам, интересы которых до этого были да пределами деревни и которые теперь начинают переносить в деревню и в сельское хозяйство уже развивавшийся в городах капиталистический способ ведения хозяйства.

Выводы, которые можно сделать на основании сказанного, сводятся к следующему.

Основу феодального способа производства в Киргизии составляло право монопольного владения землею определенной части общества. Каждый манап, бий, бай был полновластным хозяином всех земель своего рода. Частное владение землей прикрывалось фиктивной принадлежностью земли всему роду.

Всеми пахотными и пастбищными землями, как правило, распоряжалась эксплуататорская верхушка, которая осуществляла своё безраздельное господство с помощью патриархально-родовых пережитков.

В Киргизии развивалось экстенсивное скотоводство, в основе которого лежит кочевание в течение года с одного пастбища на другое. Известны четыре вида сезонных пастбищ: весенние, летние, осенние, зимние.

Владение пастбищами составляло в киргизском обществе основу землепользования, которое являлось неотъемлемой частью патриархально-феодальных отношений.

Нехватка пастбищ усугублялась тем, что бай-манапы часто сдавали в аренду за гроши родовые общинные

земли содержателям почтовых станций, конезаводчикам, купцам и др., в ущерб интересам рядовых скотоводов.

Покосы стали использоваться со второй половины XIX в. Заготовка корма на зиму, хотя и медленно, но прочно входила в быт киргизских скотоводов. Особенно это следует отнести ко времени внедрения в хозяйства наиболее совершенных орудий труда (коса-литовка, сенокосилка), появления свободных рабочих рук (мардикеры, малаи и др.). Сокращение пастбищных и пахотных площадей создало благоприятные условия для частного владения покосными участками. Многие дехкане начали огораживать участки с клевером и луговыми травами. Постепенно эта земля становилась собственностью владельца.

Самым спорным вопросом в Киргизии с давних времен был вопрос распределения пахотных земель — землепользование регулировалось нормами обычного права (адата) и отчасти шариатов. Изучение вопроса землепользования у киргизского населения по этнографическим, архивным и литературным материалам даёт основание подразделить земли, принадлежащие сельским общинам, на государственные, собственно феодальные, танапные, вакуфные.

Государственной землей считалась вся территория Киргизии со всеми ее богатствами. Так было в период господства Джунгарского государства, Китайской империи, Кокандского ханства, так оставалось и при царизме.

Феодальные земли, на которые распространялось монопольное правовладение бай-манапской верхушки, были самой устойчивой категорией землевладения. Лучшие пахотные земли с хорошо развитой оросительной сетью принадлежали крупным скотоводам и землевладельцам.

Владельческими землями именовались танапные и мюльковые земли (первые — на севере, вторые — на юге Киргизии).

Кроме подворного владения землей, существовало общинное землепользование по принципу, заимствованному у землевладельческих губерний России. Все удобные под пахоту участки принадлежали определенному

обществу, которое пользовалось ими по своему усмотрению и присваивало себе всё, что можно было взять с этих участков.

Аренда земли существовала издавна. Однако она получила широкое распространение только в конце XIX и начале XX в., т. е. в основном после присоединения Киргизии к России. Приход русских переселенцев, сокращение фонда свободных угодий сделало землю объектом спекуляции и наживы.

При рассмотрении вопроса о формах земельных отношений и характере землепользования нельзя не остановиться на феодальной ренте. В Киргизии существовали все три формы феодальной ренты (продуктовая, отработочная, денежная).

В киргизских земледельческих хозяйствах и у русских крестьян существовала частная собственность на землю.

ФОРМЫ И СПОСОБЫ ЭКСПЛУАТАЦИИ. РОЛЬ ПАТРИАРХАЛЬНО-РОДОВЫХ ПЕРЕЖИТКОВ

В. И. Ленин в работе «Великий почин» дал классическое определение понятия классов. Он писал: «Классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают»¹.

Опираясь на это определение, мы попытаемся вскрыть сущность патриархально-феодальных отношений, существовавших в киргизском обществе.

До настоящего времени нет специального исследования, посвященного классам, их отношению к средствам производства, формам и способам эксплуатации в

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 388.

киргизском обществе в XIX и начале XX в. Решению этого вопроса долгое время препятствовало мнение буржуазных учёных о том, что в Киргизии до революции вообще не было классов, эксплуатации, классовой борьбы, а лишь только господствовал родовой строй¹. Буржуазные ученые всех мастей разными способами затушевывали, сглаживали противоречия между феодалом и дехканином, утверждали, что особой разницы в хозяйственном отношении между манапом и рядовым скотоводом нет, так как оба они занимаются скотоводством, оба кочуют на одной и той же территории. В действительности же, с разделением труда и распадом родового строя, образовалась айильная община, которая состояла из двух классов.

Настоящая работа является попыткой раскрыть истинный характер классовых отношений в киргизском обществе, форм и способов эксплуатации, роли патриархально-родовых пережитков, руководствуясь марксистско-ленинской методологией и опираясь на архивные, полевые и литературные источники².

Существование общественных классов в истории связано с определенным способом производства. Разложение бесклассового первобытно-общинного строя (в результате роста производительных сил и последующего несоответствия характера производственных отношений уровню производительных сил) привело к тому, что на определенном этапе начали появляться лица, которые за счёт других обогащались и укрепляли своё экономическое положение. Появление частной собственности в Киргизии ознаменовало создание нового феодаль-

¹ В реакционных националистических поэмах Тор Заман, Зар Заман, Акыр Заман и других произведениях Молдо Кылыча, Арстанбека говорится об отсутствии классов, классовой борьбы, в них воспеваются родовая солидарность, прочность родового строя и т. д. Царские чиновники Кауфман, Костенко, Венюков, Масальский и др., которые были поверхностно знакомы с обстановкой в крае лишь в самый начальный период присоединения Киргизии к России, также придерживались этого взгляда.

² М. П. Вяткин подробно и научно анализировал вопрос о формах и способах эксплуатации в Казахском феодальном обществе. Многие виды налогов, взимаемых султанами и баями, схожи с киргизскими. См. М. П. Вяткин. Батыр Соым. Л. 1947.

ного строя, который просуществовал более тысячи лет. Уже тогда производственные отношения начинали становиться отношениями господства и подчинения. Формы эксплуатации претерпевали изменения, но сама эксплуатация оставалась. В начальный период формирования феодализма, сказывались ещё остатки первобытнообщинного уклада, когда рядовые киргизы владели скотом, мелкими участками земли, когда некоторые из них были свободны от феодальной зависимости. Постепенно с упрочением феодализма (в эпоху Тюркского каганата), разоряемые набегами и поборами феодалов, они теряли свой скот, свою землю и свободу.

Все скотоводы — богатые и бедные — были в основном кочевниками. Бедные трудились сами, богатые вели и держали своё хозяйство исключительно на эксплуатации одноаильцев, которые кочевали вместе с ними. Они возглавляли способ производства, так как являлись владельцами средств производства и были господствующим классом. Классу эксплуататоров противостоял класс обездоленных. Таким образом, на территории Киргизии существовали две совершенно различных формы хозяйств. Во-первых, хозяйства богатых, нуждающихся в рабочей силе, во-вторых, хозяйства бедных, но имеющих свободные рабочие руки.

В трудах классиков марксизма-ленинизма мы часто встречаем указание о сущности феодализма и о формах эксплуатации крестьян феодалами. В частности, К. Маркс и Ф. Энгельс в книге «Немецкая идеология» писали: «Главной формой собственности в феодальную эпоху была... земельная собственность и прикованный к ней труд крепостных, а с другой — собственный труд при наличии мелкого капитала, распоряжающегося трудом подмастерьев»¹.

Возникает вопрос, могли ли хозяйства феодалов существовать самостоятельно, без посторонней помощи? Конечно, нет, так как необходимым условием существования хозяйств феодалов была эксплуатация дехан, живших в рядом расположенных кочевьях. Эта эксплуа-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология. Партиздат, 1935, стр. 15.

тация трудящихся масс аила прикрывалась патриархально-родовыми пережитками.

Жизнь киргизского народа с его обычаями и различными обрядами наложила определенный отпечаток на его идеологические воззрения. Обычаи и обряды своими корнями идут в глубины веков, многие из них совершенствовались и даже изменялись в интересах господствующего класса. Поэтому бай-манапы старались всеми силами и средствами их сохранить, а забытым темнотой и невежеством трудящимся массам оставалось их соблюдать. Конечно, эти обычаи при их возникновении более или менее отвечали интересам общества, но с течением времени многие из них превратились в орудие закабаления трудящихся. Так, в хозяйственных и личных отношениях многие обычаи даже стали нормировать подати, повинности и правила поведения, были и такие обычаи, которые устанавливали грань между дехканами и бай-манапами. Со временем почти все родовые и общинные обычаи превратились в руках господствующего класса в орудие эксплуатации. Феодалы, прикрываясь обычаями и ссылаясь на них, обеспечивали себя хорошим идеологическим орудием для исправного использования крестьянами всех повинностей.

О феодальной собственности на землю и крепостной зависимости киргизских крестьян от баев и манапов говорят немногие источники. По этому вопросу мы располагаем материалами, имеющими непосредственное отношение к монголам, тувинцам, бурятам, казахам, алтайцам и другим народам, образ жизни и способ ведения хозяйства которых были почти тождественны киргизским. Методы и приёмы эксплуатации у всех народов, ведущих кочевой образ жизни, были почти одинаковыми. Например, исследуя феодализм в Монголии, Н. Н. Козьмин в работе «К вопросу о турецко-монгольском феодализме» говорит: «Относительно скотоводов мы имеем сообщения тех же источников, что каждое хозяйство уплачивало своему нойону (феодалу.— М. А.) с десятка голов скота одну голову. Это указывает, что мы имеем индивидуальное хозяйство крестьянского типа». Далее Н. Н. Козьмин, характеризуя феодальные отношения в Бурятии, пишет: «И в пределах скотовод-

ческого хозяйства преобладало численно мелкое крестьянское хозяйство, работавшее на нойона... Главный доход они получали не со своего хозяйства, а в виде сборов с подчиненного населения, в виде разных повинностей, работ по городьбе, постройкам, возке и т. д.».

Чтобы раскрыть глубже сущность эксплуатации феодалами киргизских дехкан в рассматриваемое время, нам следует хотя бы вкратце проанализировать вопрос формирования общественных отношений в предыдущую эпоху.

В течение двух веков Киргизия была завоевана тремя феодальными государствами: Джунгарским, Китайским, Кокандским. Каждое из этих государств имело свою сложную систему обложения налогами и повинностями покоренного населения. Все эти восточные государства имели много общего в системе обложения и эксплуатации. Отличие состояло только в том, что форма и размер обложений были разными, т. е. одно государство облагало налогом в большем размере, другое — в меньшем. Величина налогов зависела от прочности положения завоевателя в покоренной стране.

Ойротское (Джунгарское) государство не могло наложить подати на местное население, так как киргизы при их нападении, постепенно отступая, оставили Иссык-Куль, Тянь-Шань, Чу и ушли на юг Киргизии к своим сородичам.

Калмыки смогли только разорить насиженные места киргизов и взять в плен только тех, кто не успел скрыться от врага. Заняв покинутый киргизами Иссык-Куль, захватив Тянь-Шань и Чуйскую долину, калмыки не могли обложить податями пустые места. Можно предполагать, что глава государства Хун-Тайчжи брал ежегодно подарки, но и это не подтверждается документами.

После разгрома калмыков в эпоху Китайской империи киргизы платили дань, которая внешне носила характер ежегодного дара («дарили» скакунов, соколов, меха и т. д.).

Кокандское ханство окончательно покорило Южную и Северную Киргизию в начале 30-х годов XIX в. Введя режим жестокой эксплуатации трудящихся масс, оно сразу же обложило население налогами. Налоги и по-

дати преимущественно взимались натурой. Денежная подать имела место только на юге Киргизии и составляла самую незначительную часть ханских доходов. Некоторые виды продуктов сельского хозяйства облагались окладным сбором. Кроме основных окладных сборов, существовала масса других, порой очень мелких налогов. Ч. Валиханов, являясь очевидцем тяжелых поборов кокандцев, отмечал: «Для наблюдения за киргизами кокандцы имеют в их кочёвках укрепления и особых чиновников, ильбеги, которые живут в их улусах... Для сбора зекета разъезжают в их улусах...»

Литературные, этнографические данные говорят о том, что количество налогов в ханстве целиком и полностью зависело от воли хана. Он, как верховный властелин и сюзерен, облагал определенными налогами своих вассалов, родовых и племенных начальников, биев, манапов, датхи. В свою очередь вассалы раскладывали их по родам, а родовые старшины — аксакалы — по аилам. В аилах аксакалы распределяли налоги по юртам. Хан имел неограниченную власть над своими подданными, которыми он управлял через феодалов, манапов, датхи, беков, биев, казиев, и т. д. В. И. Ленин, называя царскую Россию тюрьмой народов и указывая на полную зависимость крепостного крестьянства от ничтожного меньшинства — эксплуататоров писал: «Крепостническое общество представляло такое деление классов, когда громадное большинство — крепостное крестьянство — находилось в полной зависимости от ничтожного меньшинства — помещиков, которые владели землей»¹. В условиях Киргизии абсолютное большинство киргизского народа находилось в полной зависимости от феодалов, которые использовали всякие методы и приемы эксплуатации бедноты.

Царские чиновники считали, что если киргизы занимались скотоводством, то все они могли самостоятельно кочевать и иметь свои кочевья. Это мнение совершенно расходится с действительным положением. Самостоятельно кочевали только те хозяйства, которые имели определенное количество скота (т. е. более 50

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 445.

овец, не менее 5 лошадей и 7 голов крупного рогатого скота). Тот, кто имел меньше, отдельно кочевать не мог и присоединялся к богатым одноайльцам. Бедняк всюду неотступно сопровождал богатых сородичей и их стада. Несколько голов его маленького стада паслось вместе со стадами и табунами бая на джайлоо. За то, что скот пастья вместе, феодал с бедняка формально не брал никакой платы. Фактически же бедняк отбывал всякие натуральные повинности, ухаживая за скотом, прислуживая в доме феодала, выполняя всевозможные хозяйственные работы. На зимовках, т. е. на равнинах, обычно бедняки были стеснены, и лучшие пастбища и сенокосы принадлежали богатым сородичам. Поэтому оставаться на равнинах беднякам было нельзя, и они со своим скотом вынуждены были постоянно кочевать в поисках лучших мест.

Одним из источников обогащения феодалов являлись межродовые и межфеодалские войны. В таких войнах особую роль играли батыры (военная знать). Они выступали предводителями воинов или групп джигитов, идущих на барымту. В мирное время они эксплуатировали зависимых дехкан, во время войн присваивали львиную долю добычи (пленных, лошадей, и прочий скот, домашнее имущество, деньги, товары, ценности).

• Межплеменные раздоры, когда одно племя угоняло скот другого, по времени уходят в глубь веков. Постепенно у «победителей» вырабатывался известный порядок раздела военной добычи. Он заключался в следующем: всё захваченное лично батыром становилось его собственностью. Остальная добыча распределялась следующим образом: лучших лошадей, ценные вещи получали батыры, одну пятую часть — аксакалы-феодалы, а всё остальное делилось между участниками набег. Расходы на похороны жертв и другие надобности выделялись из добычи рядовых джигитов.

Кокандские ханы и их вассалы — киргизские феодалы — душили подвластных дехкан как крупными, так и мелкими налогами. Правда, налоги носили характер подарков, подносимых разным ильбегами, начальникам крепостей, родственникам хана, манапа. Подарком мог быть скот, ценные вещи и т. д.

До вхождения Киргизии в состав России был широко распространен налог, — кулдук пул (послужные деньги). Ханская администрация, особенно на периферии, не получала от государства жалованья и жила за счёт трудового народа. Для их содержания и собирався кулдук пул. Кроме того, хан награждал своих слуг за преданность в службе. Награды давались гонцам, рассольным, конюхам, сокольничьим, наместникам, начальникам гарнизонов и визирям. Кулдук пул не входил в число налогов, которые вносились дехканами в натуральном виде.

Киргизы, повсеместно занимаясь земледелием, еще в период кокандского владычества, платили херадж (караж) — самый распространенный по всему Востоку земельный налог. Этот вид налога взимался натурой осенью в виде $\frac{1}{5}$ части от всего сбора. Этот налог был введен кокандскими ханами после завоевания Киргизии. До того времени киргизы не знали, что такое херадж. Херадж взимался не только со злаковых культур, но и с заготовленного сена. Иногда вместо выплаты этого налога дехкан обязывали содержать определенное количество скота, особенно верховых и рабочих лошадей. После истечения определенного срока, дехканин возвращал скот владельцу. За сохранность скота дехканин нес полную ответственность.

Херадж собирали особые чиновники-амлякдары; объезжая осенью кырманы, они определяли количество урожая и устанавливали размер налога сразу же после обмолота, но до провеивания.

Любопытны данные фонда канцелярии Туркестанского генерал-губернатора по вопросу о размере хераджа. В ежегодном докладе Управления Туркестанской казенной палаты от 6. XI. 1892 г. указывалось: «С амляковых земель взималась двоякая подать: 1) танап, или кошпули с пространства обработанной земли и 2) податная хераджная в размере $\frac{1}{5}$ валовой доходности. В общей сложности размеры сборов с амляковых земель составляли от $\frac{1}{5}$ до $\frac{1}{8}$ валовой их доходности, по усмотрению местных властей». В этих размерах платили налог и киргизы-земледельцы до присоединения к России. Кошпули и херадж были для киргизского дехканства, особенно в неурожайные годы, весьма разоритель-

тельны, так как после уплаты налогов дехканам ничего не оставалось.

Херадж существовал до 1871 г. после чего царское правительство, нуждаясь в деньгах, заменило его единым денежным поземельным налогом в размере $\frac{1}{10}$ стоимости урожая. Переход к уплате налога деньгами давал возможность крестьянину свободнее распоряжаться своим урожаем. Волостные управители, айльные старшины по распоряжению Семиреченского областного управления должны были составлять списки крестьян, определять размеры посевов и взимать налоги. Сам переход от натуральной ренты к денежной являлся фактом прогрессивным. Он означал поворот от патриархально-феодалных отношений к капиталистическим товарно-денежным отношениям.

Киргизский земледелец после сбора провеянного зерна, как правило, должен был выделить одно ведро или одно решето (калбыр, парак) в пользу амлякдара. Это называлось кепсен и он шел на содержание амлякдара. На юге Киргизии кепсен платился специально назначенному ханом амлякдару. В северных районах земледельцы кепсен отдавали начальникам кокандских крепостей. В книге «История народов Узбекистана» по поводу кепсена и его значения говорится: «Кафсан (кепсен. — М. А.) — особый налог по содержанию амлякдаров, им облагались урожаи всех зерновых хлебов (в размере полпуда зерна с каждых 10 батманов и хлопка по 15 фунтов с этого же количества».

Одним из жесточайших видов эксплуатации рядовых скотоводов-киргизов был ежегодно собираемый с населения зякет (закет. — М. А.). Этот налог относился по своему значению к налогам первой категории. Внос зякета считался для мусульман обязательным и даже предусматривался шариатом. В коране говорится: каждый мусульманин, будь он богатый, будь он бедный должен платить зякет. Этот налог шел на благотворительные цели. По предписанию шариата уплата зякета вместе с омовением, молитвой, тридцатидневным постом-орозо и паломничеством к священному камню в Мекку была одной из пяти главных обязанностей правоверного мусульманина

По шариату уплата зякета должна была радовать мусульманина, так как она очищала его душу и его имущество от зла, и за это аллах посылал ему и его семье свое благословение.

На деле зякет также шел в пользу кокандских ханов. Прикрываясь законами шариата, ханы облагали зякетом не только землю, но и скот. Киргизы, конечно, прежде всего, облагались подобными налогами.

Кокандские ханы получали зякет не только от своих подданных, но также от других людей, в частности, от торговцев Восточного Туркестана (кашгарцев, турфанцев, кульджинцев и др.) и Российской империи. О размерах получаемого зякета Ч. Валиханов пишет: «В бугинских родах был в это время кокандский Юз-башиг (сотник), присланный из Пишпека для собирания зякета. Узнавши о сборе большого каравана, Юз-башиг со своими солдатами явился в караван и потребовал, чтобы ему заплатили полный «зякет»: 2½ процента с капитала».

С проходящих караванов налог брали не только кокандские ханы, но и их вассалы — киргизские феодалы. «У киргизских родоначальников,— вспоминает Ч. Валиханов,— образовались систематические правила, освещенные временем, по которым они грабят караван, но грабят по-своему, законно, основываясь на древних обычаях и правах. Эти обычаи или права — суть: 1) караван, проходя через улусы киргизского родоначальника, должен заплатить зякет; 2) должен дать выкуп за свободный проезд; 3) поднести подарки соответственно значению и силе родоначальника; 4) караван не должен обходить аулов знатных вождей и обязан останавливаться в их улусах для того, чтобы воспользоваться их гостеприимством».

Мусульманская религия, стараясь оправдать эту форму эксплуатации, ссылалась на то, что сбор зякета идёт на благотворительные дела, она проповедовала, что зякет «по шариату» взыскивается только с золота, серебра, пшеницы, ячменя, фиников, сушеного винограда, верблюдов, быков и овец.

Трудящиеся массы платили с каждой юрты и подымную подать — тутун пул. Считалось, если жители юрты могут варить пищу и держать огонь, следова-

тельно, они способны платить подать. Согласно ханскому указу феодалы распределяли денежную, хлебную и мясную подати по числу юрт. Чтобы не оставалось из года в год должников, феодалы исключали из списков окладных сборов вдов, сирот, одиноких старцев, потерявших способность к труду, неимущих, нищих, калек. От подымного налога освобождались: духовенство, манапы, бии, айльные аксакалы, сотники, пятидесятники. Об общей сумме налога кокандский хан извещал наместника, последний через гонцов — родоначальника. Подымный налог взимался обыкновенно весною и осенью.

Одним из постоянных источников доходов, поступавших ханам, манапам, баям, биям и т. д., являлись штрафные (аип), которые взимались за всякое правонарушение. В связи с господством натурального хозяйства, штрафы уплачивались натурой. Размер штрафа зависел от произвола феодала.

И в период господства Кокандского ханства, и после киргизы-скотоводы платили налог чоп-пули (налог за пользование травой, т. е. пастбищный налог). Он взимался в размере одного процента за скот, который пасся на ханских, манапских, байских и казенно-оброчных пастбищах. Наравне с мелким подлежал обложению и крупный скот с той только разницей, что с последнего взимался не процентный сбор с каждой ста голов, а сбор деньгами — по 10 коп. с каждой головы. Налоги собирали специальные люди, назначаемые ханами — чон баши (глава трав). Они ездили по айлам, проверяли количество голов в стаде каждой хозяйственной юрты, забирая каждого сотого барана, ягненка или козленка.

В кокандское время с кочевников, имевших крупный рогатый скот, взимался налог мал пул. Это был очень высокий налог, основательно тормозивший развитие животноводства в Киргизии. После присоединения Киргизии к России, когда перестал действовать этот налог, начался медленный, но неуклонный рост поголовья крупного рогатого скота.

Широкое распространение на всей территории края получил кош-пули — налог, который платили дехкане-земледельцы. Взимался он с каждого коша обрабатываемой земли в размере 3 р. 60 к.

Кроме перечисленных налогов были и такие, как жол чыгымы, чачма, копура пул, туяк пул и др. Остановимся кратко на каждом из них.

Чачма — налог, раскладываемый на всех членов айла в случае проведения одним из жителей айла тоя, поминок и т. д. Собрав всех в одно место, аксакалы объясняли, что на проведение тоя или поминок требуется столько-то рублей. После этого каждая семья вносила определенную сумму денег заранее (за 2—3 месяца до тоя или поминок).

Туяк пул — покопытный сбор — выплачивался деньгами (за тысячу овец около 10 руб.), за одну корову — около 1 руб.

Подорожный налог — жол чагымы — взимался за пользование дорогой. Дело в том, что некоторые бай и манапы, прокладывая дороги через труднодоступные места в горах, становились их владельцами. Этот налог платился «хозяину» дороги скотом или деньгами.

Налог брался и в том случае, если скот перегонялся по мосту. Размер налога здесь зависел от количества животных (но не менее одной овцы со 100 голов в стаде). Одни налоги богатых эксплуататоров не удовлетворяли: трудящиеся должны были исполнять ещё различные натуральные повинности (возведение крепостей с цитаделями, с шахристанами, постройка конюшен, рытьё арыков и т. д.). Этот вид повинности был для крестьян особенно нежелательным, так как отрывал земледельцев и скотоводов от работы в летнее время. В период своего господства кокандцы на территории Киргизии построили крепости Пишпек, Токмак, Конурелен, Куртка, Барскоон, Каракол¹. В сооружении крепости участвовал тот род, на чьей территории она возводилась. Например, на постройку крепости Барскоон были согнаны все члены рода бапа. Когда стало ясно, что баинцы не управятся, а приближалась зима, то на помощь им дали членов соседнего рода желден.

Царское правительство заменило подымный налог кибиточным сбором. Кибиточная подать являлась своеобразной данью покоренных среднеазиатских народов

¹ Б. Д. Джамгерчинов. Присоединение Киргизии к России. М., 1959, стр. 93—96.

царской казне. До 1891 г. семья одной кибитки платила по 3 руб., с 1891 г. размер налога увеличился до 4 руб.

Сборщиками налогов оставались по-прежнему представители эксплуататорских классов: волостные управители, старшины и т. д. Получая от населения большие налоговые суммы, феодалы значительную часть этих денег расходовали на свои личные нужды. Иногда налогосборщики доходили до того, что самовольно устанавливали размер налога. Так, например, «Манап Казы Чокоев (Чокинов), — пишут П. Погорельский и В. Батраков, — в старое время был тридцать лет волправителем, начиная с 21-летнего возраста. Ежегодно облагал население на 1000—2000 баранов. При обложении им была установлена определенная норма: одна хорошая лошадь — на зажиточное хозяйство, одна двухлетняя — на среднее и пять рублей денег или один баран — на бедное. Здесь, как мы видим, «дань» принимает форму постоянного оброка»¹. О таких же злоупотреблениях феодалов писал К. К. Пален: «В 1870 и 1871 гг. была произведена членами русской администрации проверка действий специальных сборщиков из туземцев, которые обнаружили ряд злоупотреблений со стороны последних на сумму 165184 руб.»². Часто феодалы, манапы, бии, аксакалы собирали налоги в двух-трёхкратном размере. Имели место факты, когда волостные управители приказывали айльным аксакалам-старшинам производить сбор поземельного налога ранее установленных сроков, так что один налог собирался чаще, чем один раз в год, как было положено по Положению.

Кибиточная подать ложилась тяжелым бременем на плечи бедняцко-средняцких масс; не видя выхода из нищенского положения, они шли в кабалу к баям и ростовщикам.

Для привилегированных слоёв населения — феодалов царизм установил «облегченные» налоги, а некоторых лиц, «особенно работающих на административной должности», освободил от уплаты налогов вовсе. Основная масса киргизов, не имея ни денег, ни скота платить подати не могла. Поэтому бедняки зачастую занимали у

¹ П. Погорельский, В. Батраков. Указ. соч., стр. 207.

² К. К. Пален. Налоги и пошлины, СПб, 1910, стр. 50.

баев деньги на кабальных условиях. Царское правительство, огораживая интересы феодалов в законодательном порядке, представляло им огромные права. Статья 148 Степного положения гласила: «В случае неисправности кибитковладельца в платеже кибиточной подати недоимка уплачивается остальными кибитковладельцами аульного общества по раскладке аульного съезда. Меры взыскания подати с недоимщиков определяются народными обычаями».

На выборах волостных и айльных правителей всегда разгоралась упорная борьба группировок. Чтобы победить на выборах, феодалы механически увеличивали число голосов в пользу своей группы и поэтому платили кибиточную подать за подложные несуществующие кибитки за счёт трудового населения.

Кроме кибиточной подати, существовал и ряд других налогов и повинностей. Земские сборы делились на натуральные и денежные. Последние в свою очередь подразделялись на областные и общественные. Согласно Степному положению денежный земский сбор был равен 1 р. 50 к. с кибитки. Государственный совет увеличил размеры земельных сборов до 2 р. 15 к. с кибитки и оброчной подати с оседлого населения на 32 проц. Земские сборы, кроме вышеперечисленных целей, употреблялись на борьбу с саранчой, наводнением и т. д. 10 июня 1900 г. налогом были обложены богарные земли, с которых в казну шла $\frac{1}{10}$ часть урожая. Налог собирали независимо от величины урожая и вида зерновых культур.

Царское правительство, чтобы не платить жалованья за службу местным работникам — волостным управителям и айльным старшинам — ввело специальный налог — мирской сбор. Таким образом, аил содержал айльного аксакала, а волость — волостного, кандидата, писаря и др. Все вышеприведенные налоги ложились тяжелым бременем на плечи дехкан, усиливали их кабальную зависимость от феодала.

Налоги были введены сразу же после установления царской административной властью своих эксплуататорских законов и принятия Временного положения 1867 г. Спустя 23 года (1891 г.) все принятые ранее налоги были узаконены Степным положением.

Кроме денежного земского сбора, существовала натуральная земская повинность. Сюда относились работы по проведению и содержанию в исправности оросительной системы, постройке и ремонту мостов, почтовых, караванных, скотопрогонных дорог, выставка пикетов на почтовых и караванных путях, поставка верховых и выючных лошадей для проезжающих, снабжение транспортом и топливом проходящих войск и т. д.

Кроме государственных повинностей, бай и манапы сами устанавливали трудовые повинности, используя труд дехкан при постройке оросительных каналов. После постройки канал присваивался навечно феодалам. Эту форму эксплуатации можно назвать завуалированной барщиной. П. Погорельский и В. Батраков об этом пишут: «Лет шестьдесят тому назад манап Дыйканбай Рыскулбеков проводил большой арык на свои пашни в Джумгалской долине. Все хозяйства сферы его влияния выставили дехкан для рытья его, хотя арык обслуживал (обслуживает и сейчас) только пашни манапов»¹.

Выполнение подобных повинностей дехканами было своеобразной формой отработочной ренты (барщины). Ничего не получая за тяжёлую работу, они ежегодно надолго отрывались от работы в своём хозяйстве. Богатые при выполнении подобных повинностей могли найти тысячи лазеек, чтобы уклониться от работы. Неравенство в несении повинностей между баями — владельцами громадных стад скота и обширных пространств земли — и бедными дехканами, пользовавшимися самыми ничтожными земельными участками и имевшими несколько коз и овец, ещё раз говорит о существовании классов и классовой борьбы в киргизском обществе до революционного периода. Это значит, что буржуазные ученые сознательно фальсифицировали исторические факты.

В. И. Ленин дал классическое определение барщинной системе хозяйства. Он писал: «Сущность тогдашней хозяйственной системы состояла в том, что вся земля данной единицы земельного хозяйства, т. е. данной вот-

¹ П. Погорельский и В. Батраков. Экономика кочевого аула Киргизстана. М., 1930, стр. 74.

чины, разделялась на барскую и крестьянскую; последняя отдавалась в надел крестьянам, которые (получая сверх того и другие средства производства — например, лес, иногда скот и т. п.) своим трудом и своим инвентарем обрабатывали ее, получая с нее своё содержание. Продукт этого труда крестьян представлял из себя необходимый продукт для крестьян, как дающий им средство к жизни, для помещика, как дающий ему рабочие руки;... Прибавочный же труд крестьян состоял в обработке ими *тем же* инвентарем помещичьей земли; продукт этого труда шел в пользу помещика. ...«Собственное» хозяйство крестьян на своем наделе было условием помещичьего хозяйства, имело целью «обеспечение» не крестьянина — средствами к жизни, а помещика — рабочими руками.

Эту систему хозяйства мы и называем барщинным хозяйством»¹.

Все существующие формы эксплуатации феодалы маскировали общностью происхождения от одного предка или родственными связями. Обычно бай-манап группировал вокруг своего кочевья бедных родственников. Землепользование было внешне общим, но лучшие выпаса при этом были заняты байским скотом. Бай-манап всегда выступал как попечитель обедневших сородичей, за что они должны были оказывать ему помощь в его хозяйстве. Профессор Л. П. Потапов, зная хорошо быт киргизов, писал: «Закрепощение сородича или соплеменника под видом родственной помощи, благодеяния, призрение сироты, покровительство и т. п. составляло существенную особенность эксплуатации. Вот почему при живучести родовых воззрений закрепощенный дехканин, особенно сородич, считал своего владельца «благодетелем» (у алтайцев), «старшим братом» (у киргизов) и т. д.»². Считая своими кормильцами бога, бай-манапов и других эксплуататоров, многие бедные киргизы действительно заблуждались. Они считали, что их существование зависит от богатых людей. По этому поводу среди рядовых бесскотных дехкан бытовала поговорка:

¹ В. И. Ленин. Соч., т. III, стр. 157—158.

² Л. П. Потапов. Ранние формы феодальных отношений у кочевников. М.—Л., 1948, стр. 16.

Байым берет,
Бай бербесе,
Кудайым берет.
Богач мне даст,
Если он не даст,
То бог даст.

Так слепо дехкане-бедняки верили в бога и в своих «покровителей».

В Киргизии в рассматриваемое время товарно-денежные отношения были развиты очень слабо, поэтому бедные кочевники-дехкане, любые взятые займы у бая продукты, средства производства и т. д., оплачивали только своим трудом. Таким образом, труд принимал форму личной зависимости дехканина от феодала. Несмотря на то, что полученный продукт или средство производства дехканин оплачивал своим трудом, феодал рассматривал свою услугу как благодеяние, без которого дехканин и его семья нищенствовали бы.

Киргизские бай и манапы имели в качестве работников своих бедных одноаильцев. Чаще всего это были молодые, но уже имеющие достаточный опыт мужчины, работавшие в качестве табунщиков, посыльных и рабочих по дому. Женскую прислугу составляли сироты, вдовы или одинокие женщины, не имеющие мужа или близких родственников. Бедные женщины от зари до зари работали в юрте феодала и приходили домой только ночевать. Такие работники жили у феодала до тех пор, пока он сам по какой-нибудь причине не отпускал их. Кроме всего этого, любого дехканина бай мог послать в лес за дровами, перевезти из одного места в другое груз, послать с поручением в другие кочевья. Особенно бесцеремонно труд дехкан использовался в земледельческих работах при пахоте, севе, поливе, уборке, обмолоте. Работа на байских землях была своеобразной повинностью; за пользование же байской землей взыскивалось натурой в тех размерах, которые определялись баем (сюда не входили официальные государственные налоги). Измерение производилось в тапах и кошах. Последний равнялся количеству земли, вспаханной одной парой волов за один день.

Одной из наиболее распространенных форм эксплуатации был куч. Дехканин, получая от бая лошадь, быка

или верблюда на довольно продолжительное время (на несколько месяцев или на сезон), давал обязательство уплатить за это определённым количеством зерна или отработать положенное число дней в хозяйстве бая.

Известно несколько разновидностей куча:

а) пастух получал от бай-манапа, кроме положенного рабочего скота, необходимого при пастьбе, несколько животных для верховой езды жены, детей или других родственников. В таких случаях при вознаграждении за труд удерживалась определенная сумма за пользование скотом;

б) если бедняк не мог прокормить семью на равнине, он летом кочевал вместе с баем, питаясь молоком байского скота и используя его при кочевках. За всё это он обязан был отработать в хозяйстве бая в аиле: пасти скот на сенокосных угодиях, заготавливать корма на зиму и т. д.;

в) бедный земледелец-жатак брал у богача для обработки своих полей пару быков. За это бедняк вспахивал, засеивал, поливал и пропалывал байские посевы. Во время молотбы бедняк также пользовался скотом бая. За это он обмолачивал его хлеб.

Наконец, к еще одной форме кабальной эксплуатации можно отнести май, когда феодал отдавал дехканину лошадь, быка или корову для использования на разных работах. Дехканин, получив животное, должен был отработать феодалу буквально за то, что он расходовал жир (май) животного. Известно, что на работе жирное животное худеет, за это и платил бедняк.

В период господства патриархально-феодалных отношений основной формой эксплуатации был саан. Саан — это отдача феодалом-скотовладельцем скота на выпас бедняку, который был обязан сохранить приплод, получая за это право пользоваться молоком и шерстью животных. «Живущий с баем бедняк,— пишут П. Погорьельский и В. Батраков,— получающий право доить для себя несколько овец, ровно столько, чтобы не умереть с голода, вместе со всей своей семьей выполняет под руководством бая все работы по уходу за скотом. Сам он или его подростки пасут скот, собирают хворост, жена его доит овец, прядет шерсть, носит воду, кипятит чай

или помогает (в лучшем случае) во всех домашних работах женам бая»¹.

Здесь отношения между отдающим и получающим строились на эксплуатации богатым феодалом бедняка, получившего скот. Саан — кабальная сделка, преследовавшая одну цель — жестокую эксплуатацию дехканина. Саан был самым распространенным, самым выгодным методом эксплуатации, поэтому многие бай и маналы отдавали значительное число голов скота на выпас менее состоятельным дехканам, сородичам или просто одноаильцам. Таким образом, байский скот был более упитанным, так как находился в лучших условиях содержания. Если отданный на саан скот в силу каких-то обстоятельств не сохранялся полностью или частично, байманал мог потребовать от бедняка возмещения убытков. Приведем пример: скотовладелец отдал одну корову бедному сородичу, последний должен был следить за этой коровой, питаться ее молоком и сохранить теленка. За это бедняк должен был определенное число дней отработать в хозяйстве хозяина коровы. Другой пример, тот же скотовладелец дал тому же дехканину 100 голов овец, бедняк должен был содержать их в упитанном виде, сохранить весь молодняк. За это он получал 1/5 часть шерсти, питался молоком овец.

В начале XX в. в связи с проникновением в животноводство капиталистических отношений саан стал терять свое первоначальное значение.

Другим видом эксплуатации был союш, сущность которого заключалась в том, что бедняк, взявший у бая овцу или другое животное для убоя, должен был вместе со своей женой отработать в его хозяйстве несколько месяцев, помогая пасти скот, доить коров и овец, полоть байское поле и т. д. Длительность отработываемого срока зависела от вида взятого скота: за овцу, козу дехканин работал на бая 2—3 месяца, за бычка — 4—6 месяцев и т. д.

Эксплуататорская верхушка, прикрываясь родовой солидарностью, использовала ее в своих целях. Например, если тому или другому баю требовался скакун, а средств для его приобретения не хватало, богат, ссыла-

¹ П. Погорельский и В. Батраков. Указ. соч., стр. 78

ясь на то, что роду необходимо купить такую лошадь, которая бы принесла ему на больших скачках славу, собирал деньги на её покупку со всех членов рода.

Дехкане должны были на аше (тризне) дать на забой хотя бы по одной овце или лошади для гостей, прибывших из других родов. Эти же дехкане в случае смерти феодала вносили свою долю в похоронные издержки. Таким образом, дехкане служили феодалу при его жизни и после его смерти, пока не кончались годовые поминки (аш) тризна. Сразу же после смерти бая каждый дехканин-одноаилец приводил к его дому овцу или лошадь, некоторые приносили деньги, затем каждый, если мог, отдавал овцу или лошадь на поминки (после истечения трех дней — учулук-триада, жетилик — семи дней, сорока дней — кыркым). Справлялись поминки и ровно через год после смерти бая. Всё это время дехканин работал в доме умершего: рыл гнезда для казанов, подносил воду, привозил и рубил дрова, ездил с разными поручениями и т. п. Подобную помощь скотом дехкане оказывали при уплате калыма, при устройстве тоя по причине обрезания.

Маскируя и вуалируя отдельные формы жестокой эксплуатации, феодал иногда снаряжал дехканина на заработки. Он выделял ему на время лошадь и тот в течение нескольких месяцев работал на стороне, получая за труд мелкие гроши. После возвращения в родной аил дехканин должен был отдать часть заработка баю за пользование лошастью. Кроме этого, любой дехканин-одноаилец после возвращения из города, деревни или аила был обязан по обычаю преподнести баю подарок — базарчылык (базарные).

Приведенные примеры говорят о том, что у киргизских дехкан было очень много самых различных феодальных повинностей. Одни очень похожи на повинности, бытовавшие у соседних народов, другие отличаются своей оригинальностью. Вот некоторые из них: каждую осень крестьяне ловили силками кекиликов (каменная куропатка), зайцев, лисиц и преподносили в подарок детям феодалов. Весною, в мае месяце, специальные люди ходили по лесам и ловили молоденьких косуль, которых затем преподносили байской челяди. Осенью, в сентябре месяце, ставили сети и ловили ястребов, кречетов, соко-

лов, которых отдавали потом баям. Зимой в высоких горах ловили силками или убивали горных индеек (улэр) специально для котла бая. Всё это было предусмотрено обычаем.

Существовали и широко были распространены среди населения приношения — куттуктоо (поздравление) и орун куттуктоо (поздравление чина). В первом случае приношение делалось в связи с женитьбой, после выздоровления, во втором — при занятии административной должности волостного управителя, старшины аила и т. д. Произвол феодала заходил иногда очень далеко, он мог отдать в работники любого дехканина своего аила другому феодалу, а всё что зарабатывал этот дехканин, бай присваивал себе.

Самой жестокой эксплуатации у кочевников подвергались пастухи, табунщики, чабаны. Они были бесправной, угнетенной массой, и их положение было наиболее тяжелым. Табунщиков и чабанов феодал обычно нанимал из среды бедных одноаильцев. За труд в конце года они получали по одной лошади и по 6 овец. Об этом в народе пели:

Бир жыл кызмат кылмакка
Тайга жүрдүк кедейлер.
Алты ай кызмат кылмака,
Торпокко жүрдүк кедейлер.

За одного жеребенка
Работал бедняк целый год.
За одного годовалого теленка
Работал бедняк полгода.

Чаще всего в качестве пастухов бай и манапы брали сирот или бедных подростков. За труд им почти не давали ничего, ибо богач ссылался на то, что он кормил и одевал их. Одежда их состояла из обносков, пища — из айрана, талкана, иногда шейного мяса и внутренностей. По достижению совершеннолетия пастуха феодал женил на дочери бедняка, выплатив незначительное количество скота за калым. Пастух, еще более закабаленный, всю жизнь до глубокой старости пас байские отары.

Как уже упоминалось, налоги в основном выплачивались натурой: господство натурального хозяйства, очень

ограниченный торговый оборот приводили к почти полному отсутствию денег у кочевника. Мясо, масло, кожа, шерсть, шерстяные изделия, зерно и хлопок — всё сдавалось в счёт налога.

Изготавливали одежду, обувь, снаряжение и предметы домашнего обихода для бая зависимые от него дехкане, а у крупных феодалов даже рабы, специально купленные для этих целей. В домашнем производстве богача особую роль играли так называемые томояки.

Рост товарных отношений порождал новую категорию эксплуататоров — выходцев из незнатных родов, разбогатевших на торговле и ростовщичестве, — и сопровождался усилением эксплуатации дехкан, разорением мелких скотоводов. Натуральное хозяйство разлагалось. Поэтому в начале XX в. почти все бай и манапы наряду с ведением крупного животноводческого и земледельческого хозяйства занимались торговлей и ростовщичеством, отпуская в кредит дехканам не только деньги, но и скот, и товары.

Пользуясь частыми стихийными бедствиями: джумом, засухой, несчастными случаями в семье бедняка, увечьем, барымтой, войной, богатые сородичи тысячами кабальных нитей опутывали бедных сородичей-одноайльцев.

Одной из форм эксплуатации как в земледельческом, так и в скотоводческом хозяйстве у многих народов Средней Азии, Среднего и Ближнего Востока являлся ашар. Внешне ашар выглядел как «помощь», оказываемая отстающему или несправляющемуся сородичу. Обычно отстающим оказывался бай или манап, так как и тот, и другой рассчитывали на труд бедноты. Имея огромные пахотные участки, несчётное количество скота, они постоянно нуждались в чужой помощи, хотя всегда имели работников.

Джигиты феодала заранее, за несколько дней извещали мужчин не только своего, но и соседних айлов о том, что бай устраивает ашар в такой-то день, в таком-то месте. Дехкане являлись сюда со своими орудиями производства, и если работы длились 2—3 дня, то здесь же ставились юрты и здесь же варили пищу.

Ашар широко применялся осенью во время косьбы и уборки сена, при жатве урожая. Смотри по тому, сколь-

ко было участников ашара, бай резал на обед или овцу, или жеребенка, или быка, угошал кумысом, айраном, бузой. На работу должны были выходить все представители мужского пола, остаться дома считалось неприличным.

Ашар применялся и в домашней работе. Если у жен бая накапливалось вдруг много домашней работы, с помощью постоянной прислуги организовывался ашар, на который звали всех женщин и взрослых девушек для распушивания шерсти, изготовления кошм, паласов, циновок, ковров, шитья одежды и т. д. На угощение также резали или овцу, или жеребенка, или быка.

На юге Киргизии во время весенних, летних и осенних работ была распространена хитро замаскированная форма эксплуатации—шерик. Несколько бедных крестьян арендовали землю у крупных землевладельцев и совместно обрабатывали её на условиях товарищества. Они вместе пахали, сеяли, бороновали, поливали, очищали поля от сорняков, вместе убирали, молотили и веяли хлеб. Одну часть урожая согласно арендному договору отдавали хозяину земли, другую — пропорционально делили между собой. Землевладелец, отдав землю в аренду, в данном случае получал натуральную ренту.

В рассматриваемое время в Киргизии широкое распространение получило чайрикерство, т. е. такая форма эксплуатации, при которой присваивался прибавочный труд непосредственных производителей-крестьян. Чайрикерство имело вид сдельной аренды. Чайрикер — (издольщик) — безземельный дехканин мог арендовать земли частные, государственные, т. е. казенно-оброчные, а иногда (на юге Киргизии) и вакуфные.

Наиболее жестокой кабальной эксплуатации подвергался издольщик на частно-владельческих землях. По этому поводу совершенно правильно отмечалось: «В большинстве случаев земельная аренда является одной из наиболее кабальных форм эксплуатации, создающей наибольшую зависимость бедняка от бая-сдатчика земли»¹.

¹ Журнал «Народное хозяйство Средней Азии», 1929, стр. 30, № 12.

Часто чайрикер вместе с землей арендовал орудия производства и брал семена. К. К. Пален в первом десятилетии XX в. писал: «Чайрикер получает от хозяина живой и мертвый инвентарь, семена, харчи, одежду и, кроме того, хозяин участвует во всех работах; чайрикер получает 1/7 часть урожая, но при этом он исполняет и не земледельческие работы, а именно... уход за скотом»¹.

Следовательно, чайрикер не только обрабатывал арендуемую землю, но также ухаживал за скотом хозяина и выполнял в какой-то мере работу домашней прислуги. За всё это чайрикер получал от 1/5 до 1/7 доли урожая. Однако оплата труда носила условный характер, так как хозяин зачастую мог не дать этой доли.

Многие старики до сих пор помнят времена, когда в Киргизии господствовала издольная аренда. «Землевладелец, — рассказывает житель с. Жумгал Жумгалского района Ешимканов З., — Курман имел большой участок пахотной земли в Джумгальской долине. Курман сам никогда не обрабатывал землю, а имел издольщиков. Последние, кроме земли, брали у Курмана в аренду полевой инвентарь. После обмолота и провеивания урожай делился на две равные части. Если издольщик, кроме земли и инвентаря, пользовался еще харчами и одеждой Курмана, то он получал $\frac{3}{4}$ доли урожая. В доме Курмана жили батраки, которые работали на него круглый год бесплатно. Такие работники летом обрабатывали поле, осенью и зимой присматривали за скотом, привозили дрова, воду и т. д.».

С приходом в Киргизию русских переселенцев-крестьян и выделением из их среды кулаков и зажиточных крестьян, издольная аренда земли распространилась и на русские сёла. Чайрикерами преимущественно были киргизские дехкане, которые отдавали богачам от половины до двух третей урожая и попадали в его полную зависимость.

На юге Киргизии многие мелкие и средние крестьяне стали засевать свои поля хлопком. Урожай хлопкоробы продавали мелким скупщикам, приезжавшим из Анди-

¹ К. К. Пален. Материалы к характеристике народного хозяйства Туркестанского края. СПб, 1910, ч. I, стр. 230.

жана и Намангана. Это были арбакешы-скупщики, обогащавшиеся за счёт ограбления хлопкоделов. Называя таких ростовщиков паразитами, К. Маркс писал: «...для мелких производителей сохранение или потеря условий производства зависит от тысячи случайностей и каждая такая случайность или потеря равносильна обнищанию и потому представляет момент, когда может присосаться паразит-ростовщик»¹. Такие ростовщики «присасывались» не только к хлопкоробу, они опутывали своими сетями и скотовода. Каждое лето в киргизские кочевья приезжали скупщики-ростовщики и за бесценок брали скот, в основном овец. Всё лето такой скот пасся на джайлоо, а осенью его перепродавали очень выгодно в городах.

Царское правительство «якобы» для расширения площадей, занятых под хлопок и привлечения дехкан к этому делу, давало ссуду. Ссуда была своеобразным капканом, куда попадались дехкане и откуда не могли уже выбраться всю свою жизнь. Бедняки-хлопкоробы становились постоянными должниками и попадали в полную зависимость от ссудных касс. По этому поводу А. П. Демидов писал: «Фирмы прочно связывали себя с дехканством и конечным пунктом их взаимоотношений являлась ликвидация имущества дехкан, земли и воды».

Институт мардикерства в исторической литературе о Киргизии широкого освещения не получил, хотя в конце XIX и, особенно, в первом десятилетии XX веков стал распространенным явлением. Наряду с трудом чайрикером в хозяйстве баев и манапов применялся труд мардикеров — вольнонаемных батраков. Мардикер — бесскотный и безземельный дехканин, который жил только поденной работой. Этот поденный рабочий нанимался к баям обычно на срок от одного дня до 2—3 месяцев. Мардикер в отличие от русского батрака имел свои орудия труда. В. И. Ленин писал: «...что же касается до форм наемного труда, то они в высшей степени разнообразны в капиталистическом обществе, окутанном еще со всех сторон остатками и учреждениями докапиталистического режима»².

¹ К. Маркс. Капитал, т. III, 1950 г., стр. 613.

² В. И. Ленин Соч., т. III, стр. 513.

Мардикеров могли нанимать крестьяне-середняки, в хозяйствах которых всегда не хватало рабочих рук. С проникновением в Киргизию капиталистических отношений, а также развитием производства товаров труд мардикеров стал оплачиваться деньгами, хотя часто сохранялась оплата натурой. Формально горные пастбища с их сенокосами считались общинными, фактически же распоряжались ими бай-манапы. Они распределяли участки для кошения, организовывали покос сена, уборку сообща, всеми хозяйствами айла. Богатые, имея обширные участки, всегда привлекали для работы на них бедных дехкан. Бай-манапы, кроме того, являлись формально членами общины, и при дележке общинного сена получали, как правило, больше любого другого дехкана. Это объяснялось, как мы уже говорили, тем, что у него было больше скота и он мог выставить больше косцов.

Из вышеизложенного видно, что метод заготовки сена внутри пресловутой киргизской общины был выгоден только бай-манапам. Общинные порядки покоса и распределения сена превращались в организацию труда одноаильцев для уборки бай-манапского сена.

Однако уже в начале XX в. по мере роста производительных сил в сельском хозяйстве, роста торговли, денежных отношений и происходившей концентрации земель в руках бай-манапов начинает развиваться процесс разложения феодализма и заметно усиливаться развитие буржуазных отношений.

Применение наёмного труда в условиях Киргизии, типичной колонии царской России, задерживалось слабым развитием промышленности. Разорившиеся массы крестьян уходили в город и превращались там в наёмных рабочих, беднота в большинстве случаев вынуждена была идти в кабалу к баям.

Многоскотные и многоземельные баи и кулаки нанимали работников на год. В наиболее развитых скотоводческо-земледельческих районах (Иссык-Кульская котловина, Чуйская долина, Ошский уезд) оплата труда производилась деньгами.

В конце XIX и начале XX веков, когда наметился переход от натуральной повинности к денежной, эксплуатация дехканских масс усилилась. Денежная повинность

возникла в результате развивающихся товарно-денежных отношений и вступления отдельных хозяйственных единиц на путь взаимного товарообмена.

До проникновения товарно-денежных отношений в киргизские айлы бай-манапы облагали дехкан натуральными повинностями. Им важно было обеспечить себя всеми продуктами, быть сытыми и не испытывать ни в чем никакой нужды. О каком-нибудь накоплении феодал не думал, излишков старался не продавать. Основное условие экономической жизни бая вполне устраивало — скот рос из года в год.

Рост торговли и разложение натурального хозяйства заставляли феодалов превращаться в предприимчивых дельцов. Стремление сделаться предпринимателями вынуждало их нарушать старые договорные отношения и внести в них элементы других отношений, способствующих возникновению новых форм и способов эксплуатации. Появляются разного рода новые повинности, главным образом, денежные. Натуральные повинности при участии баев превращались в денежные, за это они получали огромные прибыли.

Тесное соприкосновение с русскими крестьянами-переселенцами толкало многих бедных киргизских дехкан идти батрачить в русские зажиточные хозяйства. Кулацкая и середняцкая часть русских селений с охотой нанимала дехкан-киргизов. Киргизские бай и манапы за труд работника выплачивали натурой, а русские кулаки — деньгами. Вот это-то и заставляло киргизских батраков идти и наниматься к русским эксплуататорам, хотя их труд оплачивался дешевле, чем труд русских батраков. Преимущественно труд киргизов применялся не только на уборке хлебов, но и на поливе засеянных полей, так как русские крестьяне, впервые столкнувшись с искусственным орошением, не могли на первых порах сами освоить новое для них дело без помощи киргизов.

Рассмотрев формы и способы эксплуатации в киргизском обществе, остановимся на роли родовых и общинных пережитков в нем. В. И. Ленин в своей работе «Что такое друзья народа и как они воюют против социал-демократов» писал: «...Кто же не знает, что если рассматривать какое угодно общественное явление, в нем

всегда окажутся остатки прошлого, основы настоящего и зачатки будущего»¹.

В общественном строе киргизов сохранились пережиточные явления старого в экономике, быту и идеологии. Живучесть этих явлений вполне закономерна, ибо старое медленно, после упорной борьбы, уступает место новому, старое содержание часто пытается войти в рамки новой формы. Пережитки отражают старые исчезнувшие из жизни формы, характерные для экономики, быта, культуры, идеологии того или другого народа, общества.

Патриархально-феодальный строй в Киргизии сохранял до Великой Октябрьской социалистической революции один из таких вредных пережитков, как родоплеменное деление, идущее с древних времен. Оно вызвано целым рядом глубоких исторических причин и тесно связано с образом жизни кочевого народа.

Почему родовые и общинные пережитки сохранялись в киргизском обществе так долго? Прежде всего их существование можно объяснить низким уровнем развития производительных сил, господством рутинной техники и соответствующих данным производительным силам производственных отношений.

Стержнем производства у киргизов с древних времен до рассматриваемого времени оставалось на протяжении такого огромного исторического периода кочевое скотоводство, связанное с отсталостью техники и слабостью материальной базы, что создавало благоприятные условия для сохранения пережитков во всех отраслях человеческой деятельности.

Историческое положение Киргизии на протяжении многих веков (господство китайской империи, Кокандского ханства, казахских султанов и т. д.), постоянный страх нового покорения мешали делу объединения отдельных родов, не позволяли подняться киргизским племенам до уровня образования самостоятельного государства.

Сохранению устойчивости пережиточных явлений способствовали следующие причины. Нам известно, о том, что до Великой Октябрьской социалистической ре-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. III, стр. 159.

волюции киргизский народ не мог создать свое централизованное государство. Отсутствие единого управления в роде (как, например, у кокандского хана), отсутствие армии и таких государственных органов, как органы принуждения (тюрьмы, суд, полицейский аппарат и др.), которые могли содержать и защищать эксплуатируемый класс, не давали возможности создать государство. Кроме того, в Киргизии не было единого торгового рынка для чеканки денежных знаков.

Таким образом, в Киргизии не было тех органов управления и принуждения, какие существовали, например, у соседних феодально-деспотических государств Бухары, Хивы, Коканда.

Северная Киргизия была почти совершенно оторвана от Южной. Отсутствие экономических и политических связей внутри крупных племен, разобщенность территории во многом способствовали сохранению пережиточных явлений. Постоянные межплеменные раздоры, поддерживаемые соседними государствами, заинтересованными в разобщенности киргизских племен, также тормозили развитие экономики и культуры киргизского народа.

Наконец, эксплуататорская верхушка киргизских родов и племен стремилась культивировать пережитки старого, делала их полезными для себя в деле упрочения собственного положения. При этом феодалы прикрывались заверениями об уважении обычаев предков и грозили карой тем, кто отступал от них.

Особенно часто феодалы использовали родовую солидарность, некоторые органы родового управления, родовую взаимопомощь, кровную месть, видимость родовой и общинной собственности на землю, воду и т. п. в корыстных эксплуататорских целях.

Всё это способствовало усилению могущества баев. Используя пережитки в своих целях, киргизские богачи зачастую извлекали максимальную прибыль от вне экономического принуждения рядовых членов общины.

Родоплеменная знать к объединению киргизов не стремилась, ей наруку была разрозненность; она не хотела подчиняться центральной власти, ей надо было самой подчинить себе некоторых крупных племенных вождей.

Родовые и общинные пережитки ярко проявлялись в социальных отношениях. Наиболее распространенным и тщательно замаскированным орудием закабаления дехканских масс был совет — топ¹. Топ решал вопросы, касающиеся внутренних дел общины в целом, разбирал споры, правонарушения и т. д. Обычно топ выполнял функции совещательного правового органа. В общине он был организующим и ведущим общественным учреждением. В начале XX в. топ являлся чисто классовым учреждением. Членами топа в то время были только представители эксплуататорской верхушки. Рядовые члены общины допускались в совет, но не имели в нем решающего голоса. Все вопросы решались членами местной феодално-родовой знати. Поэтому «правда» всегда была на её стороне. Таким образом, топ фактически сохранял только старую форму; содержание его, конечно, стало новым, так как он превратился в орудие господствующего класса, что совершенно противоречило его назначению, г. е. справедливо решать все спорные вопросы между членами рода. При родовом строе существовал институт кровной мести по принципу — кровь за кровь, око за око, зуб за зуб. Однако со временем кровная месть была заменена штрафом за смерть или за причиненное увечье. Штраф платился скотом: лошадьми, верблюдами, овцами, крупным рогатым скотом. Кун за смерть был различен и назначался в зависимости от положения убитого в обществе, от его богатства. Иногда он доходил до нескольких сот голов разного скота.

Родовые пережитки в земледелии были тесно связаны с трудовыми процессами. При пахоте читали молитвы, просили помочь патрона земледелия баба дыйкана, устраивали угощения, мазали маслом рога и копыта животных, работавших в поле. При уборке и молотье тоже совершали обряды.

Распространенным видом пережиточных явлений являлось олжо². На поминках, на тоях, во время скачек, где определялись лучшая лошадь и приз, олжо отдавался баям, манапам. Кроме того, олжо было распространено и

¹ По своему характеру топ был распорядительным органом, решение которого было обязательным для всех.

² Олжо — добыча.

у охотников. Обычно по возвращении с охоты охотник лучшие (грудину и заднюю) части убитой дичи или животного отдавал богачам.

Рассмотрев формы и способы эксплуатации, а также роль родовых и общинных пережитков, коротко остановимся на вопросах классовой борьбы в киргизском обществе.

Классовая борьба — результат деления общества на классы, результат великого разделения труда между массами.

В киргизском обществе острая классовая борьба была его неотъемлемой частью. Она проявлялась то в открытой, то в скрытой форме. Абсолютное большинство айльных масс было противовесом феодально-байскому меньшинству, захватывающему лучшие земли. Обычно земельные вопросы решались феодально-родовой кастой, тем самым подчеркивался патриархально-феодальный характер землевладения, монопольное право владения землей феодально-байской верхушки айла. Пока совокупность результатов общественного труда, подчеркивали К. Маркс и Ф. Энгельс, едва превышает самые необходимые средства существования, пока труд отнимает все или почти все время громадного большинства общества, до тех пор оно неизбежно делится на классы. Рядом с огромным большинством, исключительно занятым физической работой, образуется класс, освобожденный от прямого производительного труда и заведующий общественными делами: руководством в работе... Следовательно, в основе деления на классы лежит закон разделения труда.

Неимущие классы издавна начали выступать против своих эксплуататоров. Споры за землю и скот были одной из важных причин борьбы между бедными и богатыми. Такая борьба часто принимала острый характер и длилась в течение ряда лет; часто она заканчивалась открытыми стычками, убийствами, разорением целых айлов, зимовок, захватом скота, покорением отдельных родов и племен.

После присоединения Киргизии к России классовая борьба в киргизском обществе еще более усилилась. Особенно упорной была борьба между дехканами и феодально-родовыми верхами за землю. Земельные споры,

тяжбы решались часто самими айльными аксакалами, волостными правителями или же на айльных и волостных съездах. На этих съездах верховодили манапы, бии, бан, которые границы землевладения определяли по своему усмотрению.

Классовое самосознание киргизских трудящихся стояло в этот период на низкой ступени. Поэтому в политическом отношении дехканские массы были не организованы, отдельные выступления трудящихся против угнетателей не носили политического характера, а скорее выражались в форме личной мести. Такие выступления носили чисто бытовой характер.

Киргизские крестьяне в своём абсолютном большинстве верили в силу и могущество своих богатых сородичей, т. е. феодалов. Они были абсолютно убеждены в том, что общественная жизнь строится и складывается волей (сознательной и бессознательной), властью имущих.

На богатого человека рядовые киргизы смотрели как на своего избавителя и спасителя от всевозможных несчастий. Старались при кочевке и перекочевке держаться вместе с ним, угождали ему. Бедняки видели в лице богатого владыки всезнающего человека и считали, что богатый любим богом. Киргизские крестьяне, работая на бая, манапа, бия, связывали с ним осуществление всех своих стремлений и желаний.

Эксплуататорская верхушка киргизского общества сама или через своих подручных-младших и средних манапов, родственников, айльных аксакалов, мулл, ишанов, ходжей — внушала трудящимся мысль о том, что богатый человек святой. При отсутствии классового самосознания, при той забитости и той сплошной неграмотности, которые царили в Киргизии, не могло быть и речи об открытой, сознательной классовой борьбе. Из всего вышесказанного можно сделать следующие выводы:

1. Киргизские эксплуататорские классы, владея пастбищами и пахотными землями, постоянно ставили непосредственного производителя-крестьянина в экономическую зависимость от себя и жестоко эксплуатировали его. Эксплуатация была почти такой же жестокой, как при рабстве. Дехканин при патриархально-феодалном строе находился в личной зависимости от феодала, подвергался внеэкономическому принуждению.

2. В конце XIX начале XX веков распространенным видом эксплуатации трудящихся масс киргизского населения было: чайрикерство, кабальная система кредитования, высокий поземельный налог, неокладные сборы, натуральные повинности по ремонту дорог, мостов, по рытью оросительных каналов. Всё это тяжело отражалось на положении широких масс киргизских трудящихся, из года в год всё больше и больше увеличивалось количество малоземельных и безземельных дехканских хозяйств. Зато шел усиленный процесс концентрации земельных владений в руках торгово-ростовщической буржуазии, кулаков и бай-манапов.

3. Налоги с земледельцев собирались в зависимости от числа голов в их стаде.

4. Подати и повинности были колониальной данью киргизского народа царизму и феодалам. Они были настолько велики, что своей разорительной жестокостью толкали бедные и средние киргизские хозяйства в омут кабалы и зависимости от богатых. Обираемые бай-манапами дехкане превращались в бедноту.

5. Наличие до Великой Октябрьской социалистической революции родо-племенного деления и некоторых пережиточных институтов, сохранившихся благодаря господствовавшим социально-экономическим отношениям, приводило многих исследователей к утверждению о прочности родового быта. Такое мнение в корне противоречиво реальному положению вещей, так как существовали только пережитки родовых отношений, т. е. сохранялась лишь форма, содержание же этих отношений было иным. Сохранились остатки родо-племенной солидарности, т. е. тех моральных связей, которые соединяли несколько айльных общин.

6. Развитие производительных сил, производство продуктов в больших размерах, чем требовалось, порождало имущественное неравенство, классы, эксплуатацию (работающий на феодала всегда получал меньше, чем отдавал ему, т. е. на деле получалось так, что «Тот, кто трудится, ничего не приобретает, а тот, кто приобретает, не трудится»¹.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии, стр. 70.

Бедственное положение толкало трудящиеся массы на борьбу против своих поработителей — баев, манатов, ростовщиков, кулаков. Усиление национально-колониального гнета в начале XX в. вызывает подъём национально-освободительной борьбы угнетенных против русского царизма и местных феодалов.

АИЛЬНАЯ ОБЩИНА И ЕЁ КЛАССОВАЯ СУЩНОСТЬ

Айльная община в Киргизии была первоначальной организацией дореволюционного киргизского общества, а члены ее связаны общими хозяйственными и политическими интересами. Начальная стадия организации айльной общины своими корнями уходит далеко в глубь веков. Возникнув на территории Киргизии задолго до выхода на историческую арену сакских и усуньских племенных союзов, она сыграла свою положительную роль. При первобытно-общинном строе люди, ведя своё примитивное хозяйство коллективно, сообща, работали без принуждения, без факторов господства и подчинения. Община, возникнув как необходимый продукт естественно-исторического процесса в первобытно-общинном строе, прошла длинный путь своего развития. Конечно, сущность общины за время своего становления, развития и распада (имеется в виду канун Великой Октябрьской социалистической революции) постоянно изменялась, ибо она проходила известные ступени общественного развития на основе действия объективных экономических законов. Айльная община в прошлом внешне представляла собой объединение всех членов рода, состоящих преимущественно из выходцев одного родового подразделения. В ней существовали патриархально-феодалные отношения, которые господствовали вплоть до периода её распада.

В условиях Киргизии зарождение, развитие и распад общины были целиком связаны с основной отраслью киргизского хозяйства — скотоводством и отчасти земледелием. Древние насельники Киргизстана, занимаясь кочевым скотоводством, объединялись в айльные общины (в первой половине XIX в. начались разложение пер-

вобытно-общинного строя и процесс разделения труда). По этому поводу Ф. Энгельс говорил: «Так органы родового строя постепенно отрываются от своих корней в народе..., а весь родовой строй превращается в свою противоположность: из организации племен для свободного регулирования своих собственных дел она превращается в организацию для грабежа и угнетения соседей, и соответственно этому его органы из орудий народной воли превращаются в самостоятельные органы господства и угнетения, направленные против собственного народа»¹. Из этого следует, что с появлением частной собственности нарушается целостность рода, возникает неравенство внутри самого рода, и в результате всего этого появляются богатые и бедные. Более сильные захватывают родовое имущество, земли и скот, слабые превращаются в их работников. Члены рода разбиваются на несколько семей. Эти семьи свои взаимоотношения строят не на общеродовых и родственных узах, а на почве хозяйственных интересов. Объединение нескольких семей исключительно по расчётам хозяйственных отношений на основе кочевого скотоводства вынуждало кочевать их вместе, т. е. отделяться от остальных и организовывать отдельный самостоятельный аил — общину.

Киргизской айльной общине, как известно в истории, предшествовала родовая община. Экономической основой родовой общины была земля (пастбища летние и зимние) и имущественные интересы членов рода. Поля и угодья считались формально достоянием всей общины. Живя на определенной местности, родовая община закрепляла за собой административно эту территорию.

Свою духовную основу община вела от предка рода. Он был их покровителем, святым, полубогом, воинским кличем и т. д. Именно этот фактор цементировал всех членов рода, так как все они считались кровнородственными — братьями и сестрами. Кроме этого, в каждой родовой общине был родовой культ, объединяющий членов рода в религиозную общину: общее родовое кладбище, общее святое место и т. д.

Одна родовая община поддерживала экономические

¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1952, стр. 157—158.

и культурные связи с соседними, такими же общинами. Женитьба или выдача замуж внутри рода запрещались.

Каждая родовая община управлялась выборными людьми на общем сходе (топ). Здесь вырабатывались определенные права и обязанности членов рода.

В рассматриваемое время основой общественно-экономического строя киргизов была айльная община, которая образовалась в недрах родовой общины. «В хозяйстве первобытного общества в основе... лежал род, который являлся первоначальной и стихийно возникшей формой общежития»¹. С разложением общества на классы, родовая община превратилась в территориальную, члены которой были связаны скорее интересами хозяйственными, нежели родовыми. В связи с этим, каждая община, организовав политический центр — аил, сгруппировалась вокруг него.

Киргизская айльная община как земледельческая, так и скотоводческая, состояла из нескольких юрт (от 3 до 10 и более). Для того, чтобы ясно представить размер аилов, приведем несколько примеров: Сарыбагышская волость Пишпекского уезда состояла из 135 аилов. Во главе этих аилов стояли 135 айльных аксакалов. Каждый аил имел от 4 до 15 хозяйственных юрт. Мужчин насчитывалось 3905, женщин — 1980. Все 135 аилов составляли 16 административных центров. Тургеневская волость Пржевальского уезда состояла из 162 аилов, управляемых 162 аксакалами. Все 162 селения входили в состав административных аилов с населением 5963 мужчины и 4677 женщин. Баутерекская волость (Киргизская) Аулиеатинского уезда имела 205 аилов, которые входили в состав 10 административных аилов. Если расшифровать административный аил № 1, в него входило 133 хозяйства и он в свою очередь делился на 5 аилов, в которых насчитывалось 416 мужчин и 323 женщины. Из приведенных цифр видно, что под началом одного аксакала находилось от 3 до 30 хозяйственных юрт. Эти юрты входили в состав одного аила с одним аил-аксакалом. Очень хорошо средний киргизский аил описал К. Каимов в своей книге «Ночь на перевале». «Мы выехали на крутой берег,— пишет К. Каимов,— и увидели на лугу двад-

цать юрт и большое стадо Токобая (крупный бай.—М. А.). В центре аила стояли подряд семь богатых юрт. Это были юрты семи жен Токобая. Вокруг них были разбросаны юрты его детей, родственников и подневольного люда, зависимого от него»¹. Несколько таких аилов объединялись в один большой аил под началом известного манапа или бия, который назывался волостным управителем. Такие большие аилы царское правительство называло административными и давало им порядковые номера для того, чтобы легче было наблюдать за ними и взимать налоги с населения.

Таким образом, основной единицей киргизского аила была юрта, которая как хозяйственная единица обладала всеми юридическими правами. В каждой юрте жила семья, которая имела права и обязанности не только по отношению к самой себе, но и по отношению к общине. Таким образом, киргизская айльная община, несмотря на всю простоту устройства и несложность выполняемых ею задач, являлась всё-таки сложной административно-экономической единицей, объединяющей в одно целое десятки и сотни семей. Кочевая скотоводческая община состояла из нескольких юрт, которые имели несколько общих зимних и летних пастбищ. Такая община была не более как совокупность нескольких домохозяйств, владеющих общим айльным местом.

Киргизские кочевые общины были самых разнообразных размеров: одни большие, другие поменьше, в зависимости от числа входивших в них аилов. Большие аилы состояли из нескольких юрт богатых баев — владельцев огромного количества скота (овец и, особенно, лошадей) и множества юрт их сородичей. Аил дробился на несколько подаилов, т. е. мелких кочевий.

«В таких случаях,— пишут П. Погорельский и В. Батраков,— богатый скотовод устраивается так: в одной кочевой группе он живет сам с одной из своих жен, окруженный зависимыми хозяйствами, получающими саан, а в другой живет его старшая жена со своими детьми и такими же зависимыми людьми, в третьей — или его третья жена, или взрослый сын, если есть такой. Сам он

¹ К. Маркс. Капитал, т. I, 1950, стр. 364.

¹ К. Каимов. Ночь на перевале. Фрунзе. 1958, стр. 38.

разъезжает по таким аулам, присматривая за ведением хозяйства, а отчасти и для того, чтобы было правильное чередование «в любви»... Такие деления хозяйства обязательны, если хозяин является обладателем большого стада».

«Большая» юрта владельца большого количества скота составляла ядро всех аилов и имела политическое и экономическое давление на жителей других подвластных ей мелких айльных общин. Причина раздробленности большого айла кроется в специфике кочевого скотоводства (огромные стада не могли пастись на одном участке). При перекочевке на джайлоо скотоводы одного айла старались тронуться с места вместе с другими. Дойдя до летовки, большой айл дробился на мелкие: по 3—5—7 юрт в каждом. Такая картина в течение всего лета повторялась несколько раз. Объяснялось это ни чем иным, как удобством пастбы скота и тем, что держаться на одном пастбищном угодии айл долго не мог. Стремление рационально использовать пастбища и избежать скученности животных вызывало такое дробление. Совершенно другое положение было в малоскотных маленьких айлах, расположенных на небольшой лужайке вблизи зимовок.

Часто бедные семьи — выходцы из разных родов и родовых подразделений, выбрав подходящее место, группировались и сообща образовывали один кочевой айл. Такие айлы состояли из 2—3 юрт и располагались на маленьких предгорных выпасных угодьях или же по берегам речек, в лощинах. Организация одного айла из разных родов подсказывалась и диктовалась условиями кочевого образа жизни. Неудивительно поэтому стремление отдельных домохозяев группироваться в небольшие кочевые общины (общими силами легче было защищаться от врагов, общиной лучше было кочевать). Необходимо сказать, что те, которые покинули свои родовые места и жили на территории другого рода, не забывали «своих». И не только они, даже их дети не переставали считаться членами того рода. И где бы они ни были, за ними всегда оставалось право вернуться в любое время к своим сородичам. В этом случае восстанавливались все права не только главы семьи, но и всех, кто возвра-

щался с ним. Эта традиция передавалась из поколения в поколение и была одной из крепких.

Известно, что род постоянно рос. Создавались новые подразделения. Отведенные им участки земли уже не обеспечивали их скота. Поэтому одно из подразделений (обычно более слабое в экономическом и политическом отношениях) уходило в другое место. Однако «переселение», — как об этом пишут П. Погорельский и В. Батраков, — происходило в пределах границ «селения» (айла. — М. А.) по строго определенным, установленным обычаям. Правда, споры о межселенной границе — явление обычное, есть и случаи захвата чужих мест, остановок на «джайлау». Идет на это сильная кочевая группа (манапская), заранее уверенная в том, что в случае тяжбы, она выйдет победительницей. Во всех остальных случаях тут же, при обнаружении захвата, возникают расправы, нередко кончающиеся увечьями, а то и убийствами¹.

Освоив несколько новый участок, члены общины немедленно приступали к проведению оросительных каналов, строительству зимовок и т. д. На первых порах прибывшие на новое место члены рода поддерживали тесную связь со своими сородичами, однако проходило какое-то время, и связи постепенно начинали затухать, терялись старые хозяйственные отношения. Создавалась, таким образом, новая айльная община со своей территорией, со своей экономической базой. Так в разных местах образовывались разные айльные общины. Барская волость, по свидетельству «Материалов обследования Пржевальского уезда», состояла из 754 хозяйственных единиц. В результате численного роста населения рода бапа они постепенно заняли территорию Жаргылчак (большой и малый) и Ак-Терек, образовывая хозяйственные айлы с летовками и зимовками. Затем, при размежевании, бапинцы, находящиеся на вышеуказанных чужих территориях, вошли в состав другой волости (Заукинской), хотя у них были тесные экономические хозяйственные и культурные связи с основным ядром своего рода.

¹ П. Погорельский и В. Батраков. Указ. раб., стр. 109.

Следует отметить, что в киргизской айльной общине было несколько категорий, групп дехкан. Первая ставила свою юрту рядом с юртой феодала и на летовках, и на зимовках. Такие дехкане были полностью зависимы от феодала: они работали на него, за это их кормили и одевали. Вторая категория крестьян располагалась подалее от юрты богача, каждая семья вела свое хозяйство самостоятельно, но оказывала баю «помощь» трудом, натурой, деньгами и т. д. Одни общины организовывались на началах видимого равенства, когда все члены общины были взаимно обязаны друг другу; все имели одинаковые права (жатаки), такая община была похожа скорее на артель. Другие создавались под руководством одного или двух лиц, отличающихся от прочих членов общины богатством, происхождением, умом, связями.

Отмеченные нами общины были характерны преимущественно для полукочевого и оседлого киргизского населения. Сущность общины первой формы заключалась в том, что все её члены выделяли из своей среды пастухов (разумеется за плату), которые пасли скот на родовой летовке. Все расходы, связанные с содержанием скота — плата за прогон через мост, по чужим территориям и т. д. — раскладывалась на тех, кто отдавал скот на выпас. Пастухи за труд получали скот, зерно или деньги.

Сущность общины второй формы заключалась в том, что во главе её стоял бай, середняк или вообще предприимчивый человек, который обычно имел пастухов для своего стада и содержал их на свой счёт. Он же договаривался пасты за соответствующую плату скот членов земледельческих общин. Таким образом, полученный от общинников скот пасся вместе со скотом предпринимателя.

Известно много случаев, когда оседлые узбеки, занимающиеся торговлей скота, отдавали свои стада на выпас. Плата за взятый на выпас скот колебалась от 30 до 60 коп. с головы рогатого скота; за пастыбу овец брали шерсть осенней стрижки. «За выпас каждых 10 голов крупного скота, кроме денег, давали еще 1 чаксу (13 фунтов рису), старую одежду и другие подарки. Киргиз, принявший весной скот, брал его со своим скотом в

кочевки, а осенью, возвращал владельцу»¹. Такая форма общины была распространена среди земледельцев южных киргизов.

В Киргизии были не только скотоводческие, но и земледельческие айльные общины. В земледельческой общине крестьян связывали общие земельные наделы, т. е. киргизская земледельческая община имела «форму деревенских общин, покоящихся на общинном владении землей»². Земля здесь формально принадлежала отдельной айльной общине или нескольким общинам. Со временем земельная община начала утрачивать свои первоначальные признаки. Основные причины этого состояли в том, что общинные земли были превращены в наследственные, а кое-где на юге Киргизии — в частную собственность. В результате исчезло экономическое и социальное равенство. Хозяйство айльной общины носило натуральный характер. Занятие скотоводством и земледелием соединялось с домашним промыслом, производством для себя всего необходимого. Патриархально-феодальный строй был немыслим без натурального хозяйства и кустарного ремесла. Каждая хозяйственная семья изготавляла для себя предметы первой необходимости. Поэтому занятие ремеслом в Киргизском обществе было типичным явлением.

К. Маркс, изучая индийскую общину подробно остановился на её отличительных чертах, определение К. Маркса имеет прямое отношение к киргизской айльной общине вообще и к земледельческой в частности. «Первобытные мелкие индийские общины,— писал К. Маркс,— покоятся на общинном владении землей, на непосредственном соединении земледелия с ремеслом и на упрочившемся разделении труда»³. Однако в рассматриваемое время домашнее ремесло в хозяйстве киргизов решающей роли не играло.

О том, что в общине существовало разделение труда, в своё время было отмечено К. Марксом. «Рассматривая общий механизм общины,— указывал К. Маркс, в «Капитале»,— мы находим здесь разделение труда, соответ-

¹ Материалы по киргизскому землепользованию. Наманганский уезд, Ташкент, 1913, стр. 42.

² К. Маркс. Капитал, т. I, 1950, стр. 364.

³ Там же.

ствующее известному плану»¹. Внутри киргизской общины существовало разделение труда даже в рамках одной хозяйственной единицы. Такими хозяйственными единицами считались семейные общины, где один пахал, другой шил одежду, обувь, третий строил помещения, четвертый был мастером по изготовлению земледельческих орудий, пятый — пас скот, шестой — охотился, седьмой занимался ткачеством или изготовлял кошмы для юрт, конскую сбрую и т. д. Подобные семейные общины, по определению К. Маркса зижделись на домашней промышленности при своеобразной комбинации ручного ткачества, ручного прядения и ручного способа обработки земли»². Постепенно внутри отдельных общин начали организовываться товарищества. Несмотря на то, что в связи с разделением труда возникли классы, эксплуатация, люди стали производить больше разнообразных продуктов для потребления. Конечно, были общины, которые занимались разными производствами. Это чаще всего объяснялось климатическими, природными и другими условиями. Общины приспосабливались к природным условиям, специализировались по производству продуктов, т. е. люди занимались производством не всех, а только определенных продуктов. Выработка определенных продуктов заставляла производителей совершенствовать своё ремесло и производственные навыки. Это в свою очередь создавало условия для расширения связей между членами общины, т. е. производителями. В. И. Ленин определял институт частной собственности так: «Почка все члены общины вырабатывали сообща все необходимые для них продукты, невозможна была и частная собственность. Когда же в общину проникло разделение труда и члены ее стали каждый в одиночку заниматься производством какого-нибудь продукта и продажей его на рынке, тогда выражением этой материальной особенности товаропроизводителей явился институт частной собственности. Собственность всех членов общины на землю составила экономическую основу аила. Если все члены общины были обеспечены скотом или землей, то аил считался экономически состоятельным.

¹ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 305.

² Там же, стр. 310.

Одной из причин образования айльной общины являлось то обстоятельство, что каждая семья, нуждаясь в надёжной защите от врагов, стремилась объединиться с другими и жить сообща. Широко распространенная барымта, когда враги угоняли у киргизов много скота, была для кочевников подлинным бедствием, вынуждала их жить целыми аилами. Отдельные семьи были бессильны в борьбе с соседями за пастбища, за воду и, кроме того, не могли считать себя гарантированными от нападения врагов, которые угоняли скот нередко целыми стадами. Часто одна юрта или небольшой аил кочевали друг от друга на большом расстоянии. Такие отдельные хозяйства или небольшие аилы были первыми жертвами соседей-агрессоров. В большинстве случаев это были беспорядочно разбросанные юрты на зимовках или на летовках. Обычно захватчики нападали внезапно, воровски. Объятые страхом жители бросали юрты, имущество и бежали к большому аилу, где жил батыр, манап или бай. С этого дня они полностью попадали в зависимость от феодала этого аила. Часто, заранее зная намерение противника, несколько аилов под командованием своих родоначальников — батыров наносили врагам сокрушительный отпор. Организовав джигитов они нередко разбивали противника и преследовали до его аила.

Киргизская айльная община, особенно кочевая — скотоводческая — не имела замкнутой, узко сословной организации. История же возникновения классов в киргизском аиле, аналогична истории у других народов. У казахов, например, высшее сословие было представлено султанами, у узбеков — ханами, мирзами, у русских — князьями, графами, помещиками, у киргизов — манапами разных категорий, биями, казиями, датхи.

Высокие титулы у киргизских феодалов часто никем не присваивались. Богачи сами, как правило, выбирали себе согласно богатству, влиянию над своими сородичами и над соседями тот или другой титул. Многие феодалы (например, верховный манап бугинцев Боромбай, у сарыбагышей — Ормон) при активной поддержке трудящихся освободились от ига Кокандского ханства и добились политической независимости. Эта независимость была более прочной в отдаленных и труднодоступных горных урочищах Иссык-Куля, Тянь-Шаня и других мес-

тах. Некоторые племенные начальники (Боромбай) благодаря поддержке дехкан, энергии батыров и других феодалов раньше других освободились от ига Кокандского ханства. В аилах вместе жили богатые и бедные, эксплуататоры и эксплуатируемые.

Разумеется, аилы были мощные и маломощные в экономическом отношении. Крепкие аилы составлялись из баев и сильных манапов, известных в округе своими богатствами и властью. Они всегда отличались от других менее мощных аилов и оказывали на них экономическое и политическое давление. Вокруг мощных аилов на летовках и зимовках жили зависимые или полузависимые от них крестьяне.

Приведенная ниже таблица по кочевым и малоземельным общинам указывает на большую разницу во владении скотом и землей. Разумеется, что кочевые общины всегда имели превосходство над оседлыми маломощными общинами¹.

Районы и общины	Число общин	Число хозяйств в общинах	Площадь земли	Число голов скота	Десятин земли на одну голову скота	Время пастбы на зимовках в днях	Десятин земли на голову скота в месяц
Гульчинский-Куршабский	29	3400	154480,3	37350,3	4,14	188	0,66
Малоземельные общины	15	2150	75713,0	25127,93	3,01	192	0,47
Алайский	19	1519	18885,0	16975,0	11,13	226	1,48
Малоземельные общины	11	812	64560,0	10058,5	6,42	221	0,87
Нижне-Алайский	24	959	101101,0	8277,1	12,21	193	1,91
Малоземельные общины	9	511	30297,0	4675,4	6,48	180	1,08
Западногорные	9	544	14228,0	2976,67	4,78	224	0,59
Малоземельные общины	4	298	4638,0	1617,9	2,87	204	0,42
Западнопредгорные	10	1712	156776,0	15222,47	10,29	261	1,18
Малоземельные общины	7	594	21332,0	6961,21	3,06	236	0,38

¹ Материалы по землепользованию кочевого киргизского населения южной части Ферганской области (Ошский, Скобелевский и Кокандский уезды). Ташкент, 1915, стр. 222.

Из таблицы видно, что в малоземельных общинах, которые полнее использовали свои пастбищные участки, на одну голову скота в месяц приходилось в районе — 0,47 дес., во II—III — 0,87 дес., в IV — 1,08 дес., в V — 0,42 дес. и в VI — 0,39 дес.

В административном отношении каждый аил имел определенную территорию и управлялся в основном до вхождения Киргизии в состав России издавна существующими родовыми и племенными «органами власти». Эти обычаи со временем все более совершенствовались для того, чтобы феодалам легче было эксплуатировать и закабалить дехкан. Калмыки, Китайская империя и, наконец, кокандские ханы внесли много своего в эксплуатацию покоренного киргизского народа. Киргизы в те далекие времена формально подчинялись верховному владыке (завоевателю), ему же платили дань. Однако это не могло внести существенных изменений и, тем более, ликвидировать механизм управления в роде или племени. Следовательно, обычай управления внутри аильных общин оставался нерушимым.

Каждый род, как мы уже говорили, занимал особую административную территорию, управляемую родовыми и племенными начальниками. Родовая территория считалась священной и неприкосновенной. Никакая община, никакой аил не имели права летовать или зимовать на ней. Скот всех членов рода или общины пасся на этих летовках. Часто близлежащие пастбища почти ничем не отличались от простого выгона, где мог пасти свой скот каждый член рода. Руководство общиной было сосредоточено исключительно в руках родоначальников, баев, манапов и др.

В. И. Ленин неоднократно указывал на то, что хозяином русской дореволюционной деревни являлся кулак, словно паук высасывающий все соки из бедняцкого крестьянства. Это классическое определение в равной мере относится и к киргизским феодалам — баям, биям, манапам и др.

У каждого рода, занимавшего определенную административную территорию, был свой родоначальник. Общин, состоящих из одних баев, биев, манапов, не было. Они не могли существовать без низших сословий, то-есть без дехкан. Значит, господствующий класс кир-

гизского общества всегда жил вместе с подчиненным классом, всецело зависел от него. Киргизский народ, за последние два столетия покоренный двумя государствами Востока феодального типа, был на положении завоеванного народа. Трудящиеся массы жестоко эксплуатировались завоевателями и местными киргизскими феодалами, которые, однако, к управлению государством почти не допускались. Им доверяли «вершить власть» над членами своего рода, аила. Так было во время господства Джунгарского государства, так было в период Цинской империи. Положение не изменилось и после завоевания Киргизии Кокандским ханством, когда родовые и племенные начальники, как правило, на государственную службу не принимались. За ними оставляли только право управлять сородичами. Ханам и их наместникам было выгодно управлять дехканскими массами через родовых и племенных начальников. Кокандские ханы прекрасно понимали, что управление через «своих» манапов было самым верным способом держать народ в повиновении. Манапы, пользуясь родственными связями всегда умело выполняли поручения хана, и сами одновременно эксплуатировали дехкан. В распоряжении Кокандского хана, а также его беков и начальников крепостей находился целый аппарат управления, состоящий из целой армии людей, выполнявших разные обязанности и державшие в повиновении коренное население. Все должностные лица ханами назначались из числа узбеков, а на более мелкие (вроде наблюдателей над киргизскими аилами, налогосборщиков и т. д.) ставились ханы. Киргизским феодалам, стоявшим во главе рода, разрешалось разбирать гражданские и уголовные дела, совершенные внутри аила. В обязанность руководителей рода вменялись розыск и поимка барымтачей, организация походов, снаряжение джигитов на барымту. Многие феодалы, чтобы завоевать авторитет перед одноаильцами, старались показать пример на войне, в походах. Некоторые феодалы стремились в глазах дехкан быть хорошими и добрыми, однако это не мешало им бесчеловечно эксплуатировать своих общинников. Иногда от отдельных феодалов, отличавшихся особенной жестокостью, одноаильцы уходили в другие аилы или даже откочевывали к другим родам. Там они разыскивали своих родст-

венников по материнской или отцовской линии и жили вместе с ними. Следует сказать, что это унижало родоначальника первого айла (от которого ушли одноайльцы) и поднимало самолюбие и авторитет второго. Боясь разорения и чтобы не быть посмешищем, многие феодалы вынуждены были менять политику в обращении с бедняками. Часто маскируясь, они внешне гуманно и ласково относились к своим сородичам. На деле же они оставались жестокими эксплуататорами. Многие общинные дела, касающиеся внутренних и внешних вопросов, решались на собрании всех членов общины. Там рассматривались вопросы, связанные с изгнанием из айла, общины, рода и племени, производилась раскладка податей, раздел земель и пастбищных участков, уплата куна и другие важные вопросы. Итак, киргизская община управлялась в период Кокандского ханства ставленниками из Коканда и киргизскими родоначальниками. Должности и титулы ханских сатрапов в среде киргизских кочевников по наследству не передавались.

Иначе обстояло дело с непосредственными киргизскими родоначальниками. Кокандский хан, оставив за ними бразды управления над айлом, лишил таких элементарных прав, как иметь боевую дружину. Если бы каждый феодал имел дружину, то это было бы опасно для ханства. Ни один киргизский феодал (особенно на севере Киргизии) не был облечен государственным титулом. На юге многие родоначальники киргизских племен имели титулы вроде тысяцкий (минбашы), сотник (жузбашы), пятидесятник (элуубашы) и т. д. До присоединения Киргизии к России, как мы указывали, многие важные вопросы решались на родовых и племенных советах, называемых киргизами топ. Топ решал экономические, политические, дипломатические и другие вопросы. Такие советы иногда готовились заранее и очень тщательно. Глава хозяйственной юрты на семейном совете ставил вопрос на решение всех членов семьи. Затем собирались главы семей одного колена. После этого вопросы решались аксакалами одного подразделения, рода. Решения старейшин рода были обязательными для всех членов айльных общин, входящих в род. Если вопрос касался целиком племени, то верховный манап созывал племенной топ, заранее указав место созыва. Сюда

съезжались представители родов, которые обсуждали общеплеменные хозяйственные дела, договаривались о военных операциях, решали земельные, судебные и другие вопросы. На этих советах считался решенным тот или иной вопрос только тогда, когда приходили к единогласному мнению все присутствующие представители общины, рода и т. д. Все вопросы на таких советах обсуждались, как правило, тихо и мирно. Нередко были и жаркие споры, продолжавшиеся до тех пор, пока более половины присутствующих не склонялись к единому мнению. Решение общинного совета было обязательным для всех членов племени.

Айльная община после присоединения Киргизии к России претерпела значительные изменения. Эти изменения коснулись и административной линии. Создавалась иерархическая служебная лестница, о чём мы уже говорили в предыдущем разделе. Аил-аксакалами и волостными управителями назначались «влиятельные лица», т. е. богатые феодалы. В управлении над многочисленными рядовыми дехканами айльные старшины служили решающим звеном, на которое опирались сатрапы кокандских ханов, русские чиновники (военные, гражданские) уездной и областной администрации царизма. В период владычества русского царизма айльные старшины следили за тем, чтобы в аиле не было возмущений и волнений общинников против феодалов и порядков царизма. Они также заботились о своевременном сборе податей натурой, денежных средств и т. п. Кроме этого, у них всегда останавливались и получали все необходимое (продовольствие, транспорт, проводников) царские чиновники. Таким образом, старый порядок управления аилом оставался почти прежний, т. е. содержание не изменилось, изменилась только форма. Если раньше во главе аила стоял аксакал, назначаемый начальником рода, а последний верховным манапом племени, то после присоединения к России он назначался русской администрацией. Верховный манап назначал аксакалов на неопределенное время из богатых людей. Эти лица отличались большим жезненным опытом и пользовались определенным уважением со стороны своих сородичей. На айльных аксакалах лежало много различных обязанностей. Они решали гражданские и уголовные дела между

одноаильцами, собирали подати и разного рода поборы в пользу главы рода и племени. Однако с установлением русской административной власти принцип назначения аильных аксакалов был изменен. Аильные аксакалы стали избираться. Бывшие верховные маналы племени и родона начальники с образованием в Киргизии административного деления по типу центральных губерний России (волости, уезды) начали быстро терять свою власть. После введения новых правил рядовые члены общины получали значительно больше прав, чем они до этого имели.

Рассмотрев аильную общину у киргизов и её социальную сущность, сделаем некоторые заключения:

1. На территории Киргизии аильная община появилась с падением первобытно-общинного строя. Сначала возникла скотоводческая, а в последующие исторические эпохи — земледельческая община.

2. Аильная община по своему классовому составу была не однородной, а многосословной (бай, бий, маналы, духовенство, дехканство и др.).

3. Киргизские айлы состояли из 3—5—10 и более хозяйственных юрт. Каждая юрта имела определенные права и обязанности в общине.

4. Киргизские аильные общины по своему хозяйственному, политическому и экономическому уровню делились на более богатые, менее богатые и бедные. Почти все общины состояли из выходцев одного подразделения, колена.

5. Структура аильной общины была выгодна для феодальной эксплуататорской верхушки, ибо весь прибавочный продукт она присваивала себе.

6. Родовая община у киргизов была заменена аильной, тем не менее пережитки родовых принципов сохранились в ней на долгое время, чем пользовались киргизские феодалы. В общине отчетливо выступало политическое и экономическое неравенство, социальная дифференциация с ярко выраженным делением на власть имущих и бедноту — непосредственных производителей материальных благ.

7. Члены рода, носящие одно родовое имя, находились всегда в тесной экономической связи. Они жили на одной территории, использовали определенные участки

земли. Кроме этого, их объединяло якобы общее происхождение, единый родоначальник—предок, общие родовые кладбища и т. д.

ХАРАКТЕРИСТИКА КЛАССА ЭКСПЛУАТАТОРОВ И КЛАССА ЭКСПЛУАТИРУЕМЫХ

Киргизское общество состояло из двух непримиримых классов — феодалов и зависимых от них рядовых крестьян. Основополагающими отношениями между ними были отношения господства и подчинения. Господствующий класс — манапы, бай, бии и другие были крупными скотоводами, имели по нескольку сотен и тысяч голов скота. Одновременно они являлись и крупными землевладельцами, владевшими большими угодьями пастбищных, сенокосных и пахотных земель. Феодалы составляли не только экономическую, но и политическую силу, сохраняя в своих руках власть над родами, племенами. Для усиления своей политической власти они умело использовали не только свое богатство, но и бедность соплеменников¹. В рукописи капитана И. Андреева говорится о диких, черных или закаменных киргизах. В ней рассказывается о том, как управлял киргизами Чуйской долины богатейший сарыбагышский манап Атакей. «Сей Атакей,— пишет И. Андреев,— во всей орде начальствующий, кочевья имеет в каменных горах и все они разделены на 10 волостей, в коих имеет своих старшин, также имеет лошадей и скот».

О разделении киргизов, о двух основных классах в киргизском обществе говорил в свое время Ч. Валиханов. Следуя по специальному заданию царского правительства в Восточный Туркестан, останавливаясь в кочевьях

¹ В реакционных поэмах «Зар Заман», «Тар Заман», «Акыр Заман» и других произведениях Молдо Кылыча, Арстанбека идейно обосновано превосходство людей знатного происхождения над трудящимися. Они морально поддерживали и всюду подчеркивали их господствующее положение. В этих произведениях воспевали как прирожденные «доблести» бай-манапов и тем самым подчеркивали их благородное происхождение — ак соок (белая кость), чего нет у рядовых соотечественников. Как правило, такие реакционные поэты ясно подчеркивали ту огромную пропасть между патриархально-феодальной аристократией и трудящимися массами.

киргизов (в частности у верховного манапа племени бугу Боромбая и у родоначальника рода кыдык Турсука), он имел возможность хорошо ознакомиться с их социальным строем. «Орда (имеются в виду киргизы.—М. А.),— пишет Ч. Валиханов,— как сословие разделяется на две касты: владетелей (манапов) и простой народ (карабукара»¹.

В китайском сочинении династии Цин «Циншигао» кратко обрисована структура управления киргизских племен: «Все высшие начальники бурутов называются би, и (они) похожи на туркестанских ацимубокэ (т. е. хакимбеков). За би следует ахалакэцы (т. е. агалыкчи) большие и малые старшины».

Чиновники уездных и областных управлений проводили строгое разграничение киргизов на «уважаемых народом лиц», или «на влиятельных», и на «чернь», на «букару». Например, чиновник переселенческого управления Семиреченской области О. Шкапский в статье «Киргизы-крестьяне» писал: «Социальный уклад кара-киргиз заключается в том, что весь народ разделился на два класса. Главную массу кара-киргизского населения составляла так называемая «бухара», или «букара», что вполне соответствует старорусскому понятию о простом народе. Над этою бухарою стоит класс, власть имущих кара-киргиз — манапов, между которыми и была поделена вся «бухара», как были поделены крестьяне между русскими помещиками»...

Разделение труда существовало в Киргизии очень долго: начиная с периода разложения первобытно-общинного строя и вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции. Скотоводство в рассматриваемое время в руках предприимчивых феодалов служило основным источником наживы. Многие баи, манапы продавали скот и продукты животноводства на рынке. Среди скотоводов-богачей выделялись такие, которые занимались ростовщичеством, скупкой, перепродажей. В результате проникновения капиталистических отношений усиливается дифференциация среди дехканства; появ-

¹ Ч. Ч. Валиханов. Избранные произведения, Алма-Ата. 1958, стр. 289.

ляются поденщики, батраки, мардикеры, чайрикеры и т. д. Об этом в 1913 г. была составлена справка Семиреченской областной переселенческой организацией: «Еще и теперь,— говорилось в справке,— есть богачи-киргизы, считающие лошадей в табунах тысячами, но их очень немного, с другой стороны — с каждым годом усиливается число джатаков, бедных киргиз, поневоле, за неимением лошади, предпочитающих езду и работу на волах и даже коровах».

Таким образом, в начале XX в. имелись баи, считавшие лошадей только тысячами, а рядом с ними бедные дехкане, использовавшие всюду свою единственную корову.

Богатые кочевники с каждым годом увеличивали свои стада и выращивали только такой скот, который легче можно было продать на рынке; бедные киргизы, переходившие на оседлость, наоборот, разводили скот, необходимый в хозяйстве земледельца.

Несмотря на усиленную дифференциацию классов, на существующее господство и подчинение, несмотря на жестокую эксплуатацию, в случае угрозы или нападения врагов киргизы объединялись, воедино сплачивались и упорно защищали свою страну. Часто из-за отсутствия достаточных военных сил киргизы с баями отступали, оставляя родные места, одновременно изматывая вражеские силы. Так было во времена нашествий монголов, калмыков, китайцев, кокандцев, казахов и др. Киргизский народ, обитая в гористых местностях, закаливался в борьбе с суровой природой, отвоевывая у нее земли для содержания скота и для выращивания зерновых культур. Неоднократные нашествия разноплеменных завоевателей способствовали тому, что у киргизов постоянно происходили хозяйственные изменения, менялся этнический состав населения и т. д.

Киргизстан находился на стыке торговых путей, поэтому всегда был объектом нападения, ибо завоеватели, как правило, следовали по караванным дорогам. Во время вражеских нашествий верховные манапы становились во главе войск. Каждый родставлял вооруженных джигитов во главе со своим родоначальником.

Верховные манапы, обладавшие организаторскими и военными способностями, личной храбростью и умом,

приобретали известность среди своего народа. Такие манапы как Атаке, Ормон, Боромбай, Канай, его сын Байтык и другие руководили военными операциями, которые часто заканчивались удачно. Удача окрыляла и укрепляла отдельные киргизские роды и племена. Победив врага силами трудового народа, манапы полностью захватывали скот, имущество у побежденных и превращали захваченное в свою собственность. Эксплуататорами в киргизском обществе были манапы, бии, бай, духовенство, эксплуатируемые — дехкане (скотоводы, земледельцы), жатаки, байкуши, рабы и др.

МАНАП

Ведущей фигурой господствующего класса киргизского общества рассматриваемого периода являлись манапы.

В исторической литературе о манапстве имеются некоторые данные, главным образом описательного характера. Ценные сведения о манапах оставили Воронин и Нифантьев¹. Известный историк Б. Джамгерчинов, подробно изучив и осветив деятельность Ормон-хана, показал его классовое лицо².

Дореволюционная литература, где упоминается о манапах, страдает существенным недостатком: в ней не показана классовая сущность манапства, не раскрыта история происхождения термина «манап», вскользь говорится о его роли в обществе и т. д. В данном разделе на основании литературных, этнографических и архивных материалов нам и хочется восполнить этот пробел.

Манапы играли в жизни киргизского народа господствующую роль. Вся экономическая и политическая власть находилась в их руках.

До настоящего времени у историков Киргизии единого мнения по вопросу происхождения манапства нет. В литературе слово «манап» появляется с середины XIX в., т. е. после посещения Киргизии П. П. Семеновым-Тян-

¹ *Воронин и Нифантьев*. Сведения о дикокаменных киргизах, «Зап. РГО», кн. 5, 1951, стр. 100—153.

² *Б. Дж. Джамгерчинов*. Киргизы в эпоху Ормон-хана, «Тр. ИЯЛИ КирФАН СССР», вып. I, Фрунзе, 1944, стр. 111—130.

Шанским, Чоканом Валихановым и др. Русские военные чиновники, посетившие Киргизию раньше П. П. Семенова-Тян-Шанского, в своих путевых заметках термин «манап» не употребляют. Для подтверждения назовем рукопись капитана И. Андреева, которая является одним из первых источников по интересующему нас вопросу. В рукописи И. Андреева встречается только слово «бий». В записках лекаря Зибберштейна, посетившего в 1825 г. кочевья бугинцев на Иссык-Куле вместе с представителями русского посольства, неоднократно упоминается термин «бий», но не «манап». Однако П. П. Семенов-Тян-Шанский, который побывал в доме бугинского манапа Боромбая, называет его верховным манапом этого племени¹.

Почему же слово «манап» стало социальным термином? Среди некоторых историков Киргизии (Б. Джамгерчинов, С. Ильясов) имеется мнение о том, что «манап» некогда было именем одного из предков сарыбагышского рода жантай. Этот человек в своё время, вероятно, был начальником рода, крупным феодалом.

Чокан Валиханов пишет, что «первые манапы, по объяснению туземцев, — сильные, недоступные деспоты явились недавно — и то впервые у сарыбагышей. Бий сарыбагышей по имени Манап был первый тиран². В добавление к этому следует сказать, что некоторые информаторы из сарыбагышских родов с гордостью говорят о том, что они являются потомками манапа и считают себя по происхождению выше, нежели представителей других племен. В действительности, при изучении генеалогии сарыбагышских родов мы встретили сведения о таких исторических личностях, как: Тынай, Атаке, Ниязбек, Карабек, Ормон, Жантай, Шабдан и др. Считалось, что все они были прямыми потомками манапа. Известная личность Шабдан был, якобы, восьмым потомком манапа. По методу того подсчёта, который существует у этнографов, предок Шабдана манап жил в начале XVII в.

¹ П. П. Семенов. Небесный хребет и Заилийский край. Сб. «Жизнисная Россия», т. X, СПб, М., 1885, стр. 359.

² Чокан Валиханов. Избранные произведения, Алма-Ата, 1957, стр. 290.

Согласно рассказам стариков, манапы отличались исключительной жестокостью в обращении со своими подчиненными и пользовались неограниченной властью. Порядки и нравы, которых придерживались киргизские феодалы XIX и начала XX веков, были введены в киргизском обществе именно манапами.

На наш взгляд, Ч. Валиханов совершенно правильно освещает, хотя и вкратце, историю происхождения слова «манап». Бий сарыбагышей по имени Манап был первый тиран. Поэтому его именем стали называть со временем всех феодалов, которые имели черты Манапа. Первоначально этот термин господствовал только в родоплеменном объединении сарыбагыш, а затем проник и в другие племена. Причем вначале он применялся только в отношении потомков Манапа, занимавших в родоплеменном объединении сарыбагыш господствующее положение и игравших здесь постоянно главную роль, которые жестокостью в обращении с подчиненными мало уступали своему предку.

Наша мысль далее подтверждается этнографическими материалами. При изучении родоплеменного деления киргизов и генеалогии всех легендарных предков выясняется, что их отцы и деды были не манапами, а биями. Основное ядро киргизского народа составляли, по выражению историка, два крыла — правое и левое. Родоначальником правого крыла были братья Адигине и Тагай. Последние имели титулы биев, а не манапов. Самый далекий предок киргизов по имени Долон тоже был бием. Таким образом, если перечислять генеалогию киргизов до середины XIX в., то почти все родоначальники были биями.

Научно обосновать социальный термин «манап» во второй половине XIX в. пытались русские военные чиновники М. Венюков, А. Талызин и др. Существовавшее в киргизском обществе манапство они связывают с родословным делением племени сарыбагыш и широким распространением в дальнейшем имени его родоначальника Манапа.

В исторической литературе, вышедшей в советское время, были сделаны некоторые попытки дать разъяснение термину «манап». По мнению М. Кушнера, манап, якобы, имеет сходство с арабским словом манаф, что

значит начальник, так как у киргизов манап был не социальным термином, а являлся титулом, означающим господствующее положение над рядовыми киргизами.

Профессор А. Н. Бернштам киргизское слово манап отождествляет с древнетюркским словом манак. Классовая сущность манапства рассматривается и в статьях С. М. Абрамзона.

Мы считаем, что сарыбагышские феодалы сделали имя Манап социальным термином и им называли один из высших господствующих классов киргизского общества неспроста. Для эксплуатации сородичей и для осуществления политической власти над другими родами, а также для завоевания авторитета, каждый сарыбагышский феодал старался титуловать себя манапом, т. е. «пусть все знают, что я также богат, жесток, храбр, умен и властен над жизнью своих подданных, как некогда Манап». Такие феодалы во всем подражали своему предку и называли себя манапами.

Таким образом, сарыбагышские феодалы в течение длительного времени (с XVII и до середины XIX веков) называли себя манапами только внутри своего племени, однако позже этот титул стал постепенно выходить за пределы племенных границ. Следовательно, новый социальный титул «манап» в течение определенного времени популярным не был. Первоначально этот термин появился у таких соседних родов и племен, как бугу, саяк, солто. Географический ареал распространения манапства среди киргизских племен имеет следующий вид: Иссык-Кульская котловина, весь Тянь-Шань, Чуйская долина, Кетмень-Тюбинская впадина. Необходимо отметить, что термин «манап» не имел успеха среди феодалов киргизских племен левого крыла, т. е. у саруу, кутчу, кытай, доолос, багыш, басыз, мундуз, киргизов, населявших Таласскую долину и всю Южную Киргизию. В Южной Киргизии и Таласской долине высшая должность манап не получила широкого распространения главным образом потому, что Кокандское ханство в начале XIX в., завоевав южнокиргизские племена, не дало им возможности перенять от северных киргизов социальную должность манапа и с нею термин «манап». У южных киргизов до прихода кокандцев ведущей фигурой в обществе были бии, после завоевания кокандцы ввели новые титулы:

визир, датха, токсоба, казии, тысячник, сотник, пятидесятник, десятник и т. д. Все эти должности давались тем феодалам, которые усердно служили Коканду, эксплуатируя своих сородичей. Кроме того, ханы учитывали богатство, вес в обществе, знание адата и каноны шариата наиболее известных и «уважаемых богатых киргиз». Таковыми «уважаемыми» народом крупными феодалами были: десятитысячник Мусулманкул, командующий тюменским войском и племенной начальник адигине Алимбек. Как Мусулманкул, так и Алимбек были назначены на посты визирей ханов (разумеется, в разные времена). Кокандские ханы, назначая на разные должности киргизских феодалов, через них управляли трудящимися массами киргизского народа. Феодалы были настоящими ханскими агентами. С присоединением Южной Киргизии к России все чины, полученные от ханов, были разжалованы в отличие от титула «манап». Последний устойчиво сохранялся вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции.

Н. Гродеков, изучавший социальный строй, быт и культуру киргизов Таласской долины, не упоминает ни одним словом о манапах. Наоборот, он пишет о том, что «Родами управляли патриархи — «аксакалы». Аксакалы — бии (выдающиеся воины) были настоящими правителями киргизов, поскольку можно говорить о правительстве у варваров — номадов. Из этого следует, что управляли родами в Таласе бии. Феодалы, имеющие экономическую и политическую власть у южных киргизов до кокандского завоевания всегда назывались биями, а не манапами. Основанием этому служат этнографические и литературные материалы»¹. На юге Киргизии, очевидно, слово манап не знали; это видно из того, что и сейчас оно не особенно распространено и что не манапы вступают в сношения с русскими властями, как это было даже несколько ранее на севере Киргизии, а бии².

Таким образом, остановившись вкратце на вопросе появления социального термина «манап» в социальной

¹ Н. Гродеков. Указ. соч., стр. 87.

² А. П. Федченко. Путешествие в Туркестан, т. I, ч. 2, СПб, 1875, стр. 87.

жизни киргизского общества, перейдем конкретно к классовой сущности манапства как основного господствующего класса в феодальном обществе.

Полновластно управляли киргизским народом феодалы в лице манапов. Последние имели экономическую и политическую власть. Однако не все феодалы, называющие себя манапами, имели власть. Были манапы наследственные — джынджырлуу манапы¹, верховные — чоң манап, маленькие манапы — кичине манап, чала манап — не совсем оформившийся манап. Таким образом, в общественном строе киргизов манапство было господствующим классом. Наибольшую власть и силу имели наследственные верховные манапы, которые управляли целыми племенами. Остальные второстепенные манапы подчинялись наследственным и верховным манапам и имели дозволение от них управлять родами, подразделениями и коленами.

Академик В. В. Бартольд, ссылаясь на дореволюционные источники, писал: «По Тылызину в эпоху русского завоевания у старшего манапа рода салто Джангарача было до 600 юрт, у старшего манапа сарыбагышцев Джантая—до 700 юрт, у старшего маңапа рода саяк—до 500 юрт. Манапы, у которых было немного подданных и менее 100 юрт, считались мелкими»².

Деление манапов на категории есть не что иное, как отношения вассалитета, свойственные и западноевропейским государствам. Наследственный или верховный манап всегда находился на положении господина по отношению к манапам и чала манапам.

Таким образом, в Киргизии также существовала иерархическая лестница подчинения и господства.

Экономической основой власти манапов являлось монопольное владение пастбищными и пахотными участками.

Перейдем к освещению вопроса категории манапов по их месту в общественной жизни киргизов³.

Наследственные манапы получали и передавали

¹ К. К. Юдахин. Киргизско-русский словарь. М., 1940, стр. 293.

² В. В. Бартольд. Киргизы (исторический очерк), Фрунзе, 1927, стр. 51.

³ Манапов и баев по категориям делил народ.

власть только по наследству. Иначе говоря, первый предок, став во главе рода, завоевывал среди своих сородичей власть и богатства, которые потом по наследству переходили его детям, внукам и т. д. Обычно у манапа имелось несколько сыновей от нескольких жен. Среди них, как правило, выделялся один более умный, способный и сильный. После смерти отца именно он становился манапом рода и получал бразды правления. Остальные же его братья оставались в роли рядовых манапов или чала манапов, многие из которых не имели никакого административного поста. Не занимаясь хозяйством, они как манапы вели праздный, паразитический образ жизни, имели несколько скотоводов-батраков, которые работали на них. Все дети наследственных манапов от младшего до старшего со временем становились манапами. Для получения этого титула никакого специального юридического оформления не требовалось, достаточно было того, что отец был наследственным манапом. Из среды детей наследственных манапов были такие, которые всю свою жизнь не имели достаточного количества скота и, несмотря на это, считались манапами, так как «в их жилах текла кровь отца-манапа, некогда известного всей округе». К категории наследственных манапов относился род джантай из племени сарыбагыш. Генеалогия этого рода приблизительно такова: первый, кто дал роду этот термин, был родовым начальником манапом, затем идет последующее поколение — сын манапа Тынай, его сын — Атаке, затем — Ниязбек, его сын — Карабек, от него Ормон, Уметаалы, затем — Жантай, Шабдан и т. д. Остальные рядовые наследственные манапы жили за счёт отца или же брата, управлявшего родом. Все эти люди, по данным литературы и этнографии, были очень богатыми и жестокими. «Особенно были знаменитыми (по жестокости.— М. А.) своим манапством Урман (Ормон.— М. А.), родоначальник сарыбагышей, умерший в 1855 году, и сын его Умбет-Али (Уметалы.— М. А.), наследовавший его власть в роде. Последний расстрелял любимую жену за то, что она заставила его повторить какое-то приказание два раза¹.

¹ Ч. Валиханов. Указ. соч., стр. 282.

Верховному манапу (чон манап) подчинялось несколько манапов, управлявших родами, родовыми подразделениями. Ставка верховного манапа была одновременно политическим, дипломатическим, хозяйственным и торговым центром.

Верховный манап имел огромный вес в племени, пользовался неограниченной властью. В его распоряжении находился целый штат людей, которые были сами по себе выходцами из богатых семей и имели также титул манапа. Они несли службу при верховном манапе, не получая жалованья. Однако они постоянно имели доход натурой (скот, дорогие халаты, ловчую птицу, драгоценности и др.) в виде подарков и наград. Руководя племенем, верховный манап был единственным властелином на своей территории. О неограниченной власти манапов писал О. А. Шкапский: «Каждый манап, — отмечал он, — был своего рода князь — владыка своего народа. Под владичеством манапов сосредотачивалось от 100 до 600 кибиток бухары, над которыми манап властвовал, которых он судил и имуществом которых распоряжался вполне самостоятельно¹. Таким образом, он являлся верховным владыкой своих подданных и собственником их имущества. Ему принадлежали на «своей» территории земли, леса, реки и т. д. Как глава племени, он мог расположить свою ставку, где ему заблагорассудится. За его юртой тянулись сотни других юрт, штат работников, обслуживающей бухары и т. д.

Верховный манап бугинцев Боромбай летоовал на Каркаре, а зимовал в местности Кызыл-Ункур на р. Жуук (ныне с. Дархан Джеты-Огузского района). При выборе летонок и зимовок Боромбай облюбовывал самые лучшие места (хорошие пути сообщения, обширность пастбищных мест, близость воды). Солтинский верховный манап Канай летоовал на Сусамыре, а зимовал на реках Аларча или Аламедин.

Насколько обширны были права манапов, видно из того, что они облагали пошлинами даже всех приезжавших в кочевья торговцев. Разумеется, такие пошлины

¹ О. А. Шкапский. Киргизы-крестьяне. ИРГО, т. XI, вып. 4, СПб., 1904, стр. 770—771.

тормозили экономическое развитие и мешали сближению киргизов с соседними народами. «В пределах означенных владений,— отмечают П. Погорельский и В. Батраков,— манапы не только имеют власть над землей и букаррой, её населяющей. Как заправские феодалы, они держат в своих руках контроль над торговлей в районе... Везде и всюду манап накладывает свою лапу на торговлю. Без его прямого разрешения ни один торговец не имеет права и возможности торговать на данной территории. Зато, получив разрешение, он спокойно занимается своим делом, спокойно совершает сделки, покупает, продаёт, собирает старые долги, раздаёт новые ссуды под скот, сырье и т. д. Совершив крупную затрату на получение манапского соизволения, он покрывает эти «издержки обращения» с лихвой, обдирая и без того нищую манапскую букару. Манап не только распространяет власть на население его территории киргизов, своих и чужих родовых наименований, но делает попытки подчинить себе и пришельцев, за «отмай» выпасающих стада на его джай-ляу»¹.

Верховным манапом племени формально избирался наиболее способный человек из феодалов, опытный, энергичный, жестокий и смелый. Обычно верховные манапы выбирались из числа наследственных манапов, однако отступления от этого правила наблюдались сплошь и рядом.

Бугинский манап Тилекмат после смерти Боромбая стал верховным по той простой причине, что заменить умершего из числа наследственных или крупных феодалов, отличающихся указанными качествами, было нечем. Когда вопрос, кто должен стать во главе племени бугу, выдвинули на общественном собрании (топ), все поддержали кандидатуру манапа Тилекмата, который по родословной, якобы, был сыном раба, купленным за один чыгдан (загородка из чия в женской половине юрты, за которой хранятся кухонные принадлежности и продовольственные запасы). Этот частный пример свидетельствует о том, что знатность происхождения не всегда играла главную роль для получения должности. По-видимому, решающую роль в данном случае сыграли личные

¹ П. Погорельский и В. Батраков. Указ. соч., стр. 147.

качества Тилекмата — его ум, смелость, находчивость и, конечно, богатство.

В мирное время верховный манап управлял родами племени через родовых манапов, заботился о развитии хозяйства племени, разбирал наиболее сложные судебные дела, определял наказания. Насколько безграничной была власть верховных манапов, свидетельствуют воспоминания М. Венюкова, который, имея в виду сарыбагышского феодала Ормона, писал: «Он (Ормон.— М. А.) имел у себя виселицу и ежегодно казнил на ней преступников, уличенных в воровстве, растлении девиц, убийстве и проч.»¹. Ч. Валиханов раньше М. Венюкова заметил, что «Урман, манап сарыбагышей, имел на реке Каскелепе виселицу, на которой ежегодно висел вор для внушения вящего страха»². Ормон по представлению родовых и других манапов имел право лишать жизни любого рядового киргиза. Верховный манап Ормон, впоследствии именовавшийся ханом, перенес летний тридцатидневный пост орозо на зимнее время (желая быть в глазах народа «чутким и заботливым», он решил сделать для верующих киргизов «добро», так как длинные летние дни тяжело переносились бедняками и пагубно отражались на их здоровье). Такая отмена религиозных обязательных предписаний отдельными крупными манапами свидетельствует о непрочности мусульманской религии. Это в свое время объективно и правильно отметил исследователь Калемин.

Многие наследственные манапы нередко глумились над народом, они считали, что рядовые скотоводы являются их принадлежностью, и обращались с ними зачастую, как с животными. Один из известных манапов сарыбагышского племени Тюрегельди отличался особенной жестокостью. Малейшая провинность илислушание со стороны крестьян приводили его в бешенство. «Забавляясь или наказывая провинившихся,— писали о нем П. Погорельский и В. Батраков,— он кастрировал крестьян»³.

¹ М. Венюков. Путешествие по окраинам русской Азии и записки о них, СПб., 1868, стр. 160.

² Ч. Валиханов. Указ. соч. стр. 389.

³ П. Погорельский и В. Батраков. Экономика кочевого аула Киргизстана. М., 1934, стр. 143.

Иногда в одном роде было несколько манапов, если этот род имел несколько крупных подразделений. По родословной генеалогии с глубокой древности все они считались потомками одного предка (вначале — род, затем родословные ответвления по двум или нескольким линиям, связанным родовой общностью и объединенным в одно крупное подразделение). Каждое такое подразделение выбирало своего манапа. Таким образом, в одном роде могло быть два или несколько манапов, в зависимости от числа подразделений.

Если род имел несколько манапов, то они из своей среды выбирали одного—старшего манапа, который должен был отличаться от других справедливостью, храбростью и, особенно, богатством. Мерилом его богатства служил скот, особенно лошади и овцы. Этот всеми признанный манап должен был управлять всем родом.

Кичине манап (маленький манап) управлял одной веткой подразделения и подчинялся вышестоящим манапам. Его власть распространялась приблизительно на 10—25 юрт. Обычно маленькими манапами назначались богатые люди, выходцы из тех же колен, подразделений.

На последнем месте иерархической ступени манапства стоял чала манап. Зачастую чала манап никакого политического веса, кроме морального, среди сородичей не имел. Чала манапом называли тех людей, у которых предки по происхождению были манапами, но постепенно, в силу сложившихся обстоятельств (разорение — барымта, джут и т. д.), обеднели. Обедневшие манапы, не имея экономической и политической власти над сородичами, сохраняли за собой только титул. Чала манапы иногда были беднее среднего скотовода, поэтому полностью зависели экономически от богатых людей. Чала манап, по рассказам информаторов, имел несколько десятков овец, небольшое стадо крупного рогатого скота и одну или две хороших верховых лошади. Чала манап одевался лучше рядовых киргизов, имел хорошее снаряжение для коня и этим выделялся из среды трудового народа.

К чала манапам относились также и выходцы из семей баев, биев или случайно разбогатевших людей. Так, иногда чала манапами называли людей, которые продолжительное время служили джигитами у наследствен-

ных, верховных или родовых манапов, а затем, разбогатев, постепенно становились во главе своего колена или группы.

Таким образом, все киргизские богатеи от верховных до чала манапов на подвластной им территории были единственными хозяевами и безраздельно господствовали над дехканами. Все они, считая себя потомками «избранных», «белой кости», безжалостно эксплуатировали народ. «Никто не может мимо юрты родоначальника ехать на лошади,— писал Ч. Валиханов,— и в присутствии манапа свободные выражения не терпят даже в шуточном тоне»¹. Простые люди в разговорах называли их не по имени, а словами таксыр, баатыр и т. д. Привет и прощание — обе руки приложены к груди. Манапы имели при себе джигитов — личную охрану. Все феодалы, особенно манапы, не подвергались телесному наказанию, суд биев судить их не имел права. Манапы пользовались монопольным правом владения землей и имели обширные пастбищные, покосные и пахотные участки. Многие из них злоупотребляли своим положением, продавали выгодно землю, наживая на этом огромные состояния. В протоколе Семиреченского областного Правления от 2 июля 1899 г. имеется на этот счёт любопытное место. «Между прочим,— говорится в протоколе,— выяснилось, что Дикамбаевы всю землю Сусамырской волости считают как бы принадлежащей им, раздают эту землю под зимовые стойбища, пашни и прочее за особую плату под названием джуртчилик, удостоверением служат добытые уездным начальником две расписки Дикамбаевых об отводе ими земли».

Из приведенной цитаты следует, что манапы, братья Дикамбаевы, отдавали землю сородичам за особую плату «джуртчилик». Подобных случаев в Киргизии было много, они свидетельствуют о том, что феодалы в погоне за наживой не брезговали никакими средствами.

Б И И

При рассмотрении вопроса о сущности и происхождении манапства мы косвенно задели вопрос и о существовании в киргизском обществе социального титула бий.

¹ Ч. Валиханов. Указ. соч., стр. 212.

Термин «бий» и связанная с ним административная должность известны с очень давних времен. О системе управления у киргизов Чун Юань в «Описании виденного и слышанного в Западном крае» отмечает: «Правители их называются би. Одни из них в своём управлении имеют 10—20 айманей, другие же управляют 20—30 айманиями... Хотя все они буруты, но би у них не один. Каждый би управляет своей землей и имеет своих подданных. По своему могуществу и власти они равны, и один другому ни на волосок не подчиняются. Если би умирает, то устанавливают своим би его сына или брата, другие же не могут занять это место»¹.

В исторической литературе вопрос о бийстве и его сущности не разработан. В русских источниках встречаются упоминания о биях, но только как о судьях, занимавшихся судопроизводством в аилах, волостях и т. д.

Социальный термин «бий», по данным этнографии, был известен очень давно. В фольклоре все родоначальники киргизов были биями, не имея больше никаких титулов. По-видимому, в то время бий, облеченный доверием, стоял во главе рода, племени, исполняя административную, политическую, хозяйственную и, наконец, судебную функции. Бий по своему общественному положению относился к феодальной знати в киргизском обществе еще задолго до появления социального элемента манапства. Е. Тилековский, останавливаясь на пути в Китай в кочевьях енисейских киргизов, правильно указывал на древность возникновения у киргизских феодалов титула бий. «Киргизы,— писал он,— по-китайски буруты... называют владельцев своих биями. Иные би имеют от 10 до 20, другие от 20 до 30 улусов. Улусные люди почитаются их рабами. Киргиз есть общее название народу сему, который разделяется на многие орды и каждая орда имеет своего бия, коих достоинства наследственные и редкие зависят друг от друга». Позднее звание-титул «бий» присваивалось только тем людям, которые разбирали судебные дела.

Начиная со второй четверти XIX в., на смену всеобъемлющему титулу «бий» в общественную жизнь киргизов

¹ История Киргизии, т. I, стр. 181.

приходят другие социальные термины, которые уже имеют свои специальные назначения: верховный манап, манап, чала манап, аил-аксакал.

До присоединения Киргизии к России судьи на севере и юге Киргизии назывались по-разному: на севере — биями, а на юге — казиями (казы). Эти должностные лица назначались на севере верховными манапами, на юге, во время владычества Кокандского ханства, — ханами и их ставленниками: визирями, иногда — датхами. По адату они должны были быть справедливыми в решении спорных вопросов — «радовать богатых и не обижать бедных», знать нормы поведения людей, адат, все существовавшие обычаи и обряды. Кроме того, они должны были хорошо знать основные положения мусульманской религии. Бий должен был пользоваться уважением народа. Обычно в компетенцию биев входило рассмотрение дел о мелких домашних кражах, о скотокрадстве, разводах, взаимных имущественных тяжбах, ссорах, наследстве, об опеке и т. д.

За такие тяжелые преступления, как убийство, барымта, кун, нападение на караваны, на отдельных торговцев, на феодалов, виновники судились чрезвычайным съездом биев. На этот съезд съезжались феодалы и рядовые кочевники волостей близлежащих аилов. На съезде, называемом киргизами топ, решались не только судебные дела, но и другие вопросы, особенно хозяйственные, интересующие род или целое племя. Сюда приезжали бии во главе с главным бием при верховном манапе.

Съезд всегда проходил торжественно, сопровождался обильным угощением и превращался в своеобразный праздник. При определении решения судьи руководствовались народными обычаями. Вот что пишет об этом военный губернатор Ферганской области: «Более важные дела решались на особых съездах, которые не имели характера постоянного или периодического учреждения, при всяком съезде киргиз собиралось много народа, решались дела по народным обычаям (адат) биями. Суд производился гласно и публично».

Необходимо отметить, что все бии и казии были крупными собственниками-скотоводами, владельцами пастбищных угодий и пахотных участков. Имея в своем хозяйстве непосредственных работников, они всегда ис-

пользовали труд сородичей или одноаильцев. Прикрываясь статьями адата и шариата, бии и казии жестоко эксплуатировали трудящиеся массы. Пользуясь неограниченной властью, они как судьи очень часто злоупотребляли своим служебным положением.

Необходимо остановиться на существовавшем в рассматриваемое время на юге Киргизии суде казиев. Как правило, казиев назначал сам кокандский хан из числа богатых узбеков или киргизов. От казия требовалось немного: чтобы он был человеком, «исповедующим ислам, не имеющим в своем прошлом позорящих честь проступков».

Казии должны были хорошо знать каноны шариата. А так как киргизов, знающих шариат, было немного, то для ведения судопроизводства часто привлекали узбеков. Такие лица зачастую становились верными слугами хана. Большинство киргизов юга были ревностными мусульманами, и поэтому казии в их глазах являлись «святыми».

Если суд биев при решении вопросов в основном опирался на неписанные нормы поведения (адат), то суд казиев при рассмотрении дел руководствовался предписаниями шариата. Адат изменялся, приспосабливался к новым социальным условиям жизни, а шариат оставался веками неизменным. Поэтому адат по сравнению с шариатом был более жизненным. Казий в процессе рассмотрения дел всегда руководствовался кораном, читал выдержки из него.

Шариат опирался на письменные постановления корана, отличался косностью и почти не изменялся конкретными условиями жизни. Царское правительство, намеренно консервировавшее патриархально-феодалные пережитки, сохраняло законы адата и предписания корана. В своих интересах оно использовало темноту и забитость киргизской бедноты. Царизм признавал и поощрял адат и шариат как основной закон в киргизском судопроизводстве.

Бии при рассмотрении дел исполняли роль посредников. Стороны на суде биев по очереди выступали и приводили письменные выдержки (ривояты) из многочисленных разделов корана, оправдывающие ответчика или истца. На суде, кроме казиев, сидели их советники (аг-

лями). Окончательные решения, принятые биями и казиями, можно было обжаловать. Недовольные постановлением суда биев могли обратиться к верховному манапу или хану. Те по своему усмотрению могли оставить постановление бия в силе, направить его на повторный съезд биев или на рассмотрение другому казию.

Часто встречались и такие случаи, когда недовольный просил о замене суда биев судом казиев. На юге Киргизии, где интересы кочевников зачастую сталкивались с интересами оседлого населения, казии решали дела по шариаду и часто в пользу оседлого населения. Поэтому не случайно жители Кугартской волости (ныне Сузакский район) 20 декабря 1897 г. в обращении к генерал-губернатору Туркестанского края потребовали заменить «несправедливый» суд биев, «справедливым» судом казиев. Они просили о том, чтобы на новых выборах бии были заменены казиями. Основная причина, заставившая их просить об этом, состояла в том, что большинство киргизов здесь стало заниматься земледелием. Кроме того, «значительная часть киргизов Кугартской волости,— говорилось в «Обращении»,— имеет родственные связи с киргизами, принадлежащими к тем же родам, но живущим в других волостях Андижанского уезда, числящиеся издавна оседлыми и имеющими казийский суд.

В пределах Кугартской волости ежегодно на летних кочевьях собиралось много киргизов чисто оседлых волостей Андижанского, Маргеланского и Ошского уездов. Между ними и местным населением часто возникало много разных гражданских и мелких уголовных дел. Эти дела не могли разбираться лишь по той причине, что спорящие стороны имели различные суды. Кугартцы поэтому обратились с «Прошением» установить им единый суд — суд казиев.

Суд биев, решая вопрос на основе адата, был более передовым, чем суд казиев.

Задолго до присоединения киргизов к русскому государству, кроме биев, споры разбирали лица, избранные с согласия тяжущихся сторон. По своей форме это был третейский суд, хотя главного признака—обязательности выполнения постановлений — такой суд не имел.

На чрезвычайных съездах в присутствии должностных лиц царской власти третейское разбирательство не толь-

ко допускалось, но даже поощрялось. Это практиковалось потому, что киргизы с давних пор привыкли к подобному разбору дел.

Остановимся вкратце на описании обстановки, в которой проходили такие съезды. В уездное управление приезжали истец и ответчик. Первый обычно требовал разобрать дело третейским судом. Ответчик молчал, выражая этим свое согласие. Если он возражал против суда и хотел доверить свое дело съезду биев, то его же сторонники восставали против него. Это когда разбирались небольшие дела. Большие дела, правда редко, но разбирались съездом, т. е. биями по одному от каждой волости. Судей выбирали поровну от каждой стороны. Разбор обычно шел согласованно, без осложнений, решение судьи записывалось в его книгу. Протесты одной из сторон были очень редки, но если и были, то всегда выслушивались должностными лицами — волостными или уездными работниками.

Но не всегда дело кончалось так мирно и скоро. Иной раз при разборе дела судьи не могли прийти к единому решению. В этих случаях им приходилось вникать в подробности, давать указания, советы. Если же и это не помогало, тогда тяжущимся предлагали выбрать с обоюдного согласия еще одного судью и дело решалось большинством голосов.

Дополнительным судьёй стороны могли выбрать кого угодно, главное, чтобы он был выбран с согласия обеих сторон. Если стороны не могли выбрать такого судью, то начальники уездов сами назначали в председатели обычно влиятельного человека, руководствуясь тем, что он, мол, совершенно не заинтересован в деле тяжущихся. Тяжущимся сторонам разрешалось также менять состав судей.

Само собой разумеется, что третейский суд руководствовался обычным правом. Он, как и суд биев, обязан был проверить доказательства, дать присягу и устранить свидетелей, находящихся в споре или вражде с одной из сторон и т. д. Собственно говоря, это был тот же суд, что и суд биев. Разница заключалась лишь в том, что здесь решал дело не бий ответчика, как это было на волостном съезде, а лица, выбранные тяжущимися.

Решение третейского суда обычно было справедливым. Объяснялось это тем, что разбор дела вели выборные судьи, которые близко знали как самих тяжущихся, так и причины их ссоры. Такие судьи не были стеснены никакими формальностями, они скорее и лучше разрешали споры, стараясь примирить стороны. Наоборот, решения суда биев часто не удовлетворяли стороны, так как бии при разборе дела больше всего смотрели не на существо дела, а на имущественное положение истца или ответчика.

Решения, вынесенные волостными и чрезвычайными судьями, записывались в книгу съездов. Не записывались они тогда, когда стороны заявляли уездной администрации о своем примирении. Решения третейского суда не оформлялись ни в каких документах.

Разбирать дела могли не одни только бии. По обычаю всякий, к кому бы спорящие ни обратились, становился судьей. Еще задолго до завоевания Киргизии Кокандским ханством стороны чаще обращались к посторонним, чем к биям, разбирать дела просили того, кто был хорошо известен своей честностью и справедливостью. Этот человек выслушивал спорящих, свидетелей, стараясь досконально уяснить дело. Затем следовали уговоры, после которых судья назначал очистительную присягу. Процедура решений была очень проста. Решавший дело давал сторонам в руки прут и по окончании разбора ломал его пополам. Это значило, что разбор дела закончен. Но если при этом одна или обе стороны оставались недовольны разбором дела, то они могли обратиться к другому, такому же судье. Второй судья также внимательно выслушивал спорящих, узнавал о первом решении и, если оно было правильным, обычно говорил, что так и должно быть.

Такие решения на власть не опирались и носили как бы домашний характер. Постановления исполнялись без принуждений. Ответчики боялись из-за этого лишиться симпатий и поддержки общества, когда эта поддержка понадобится. Но были, конечно, случаи, когда решения и не исполнялись. Тогда недовольный истец сам изыскивал способы наказать виновную сторону. Например, он самовольно мог отобрать у ответчика какую-то долю имущества, часть скота и т. п.

Подобные суды существовали вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции, они не пользовались правом закона и не находились на учёте ни в уездном, ни в областном управлениях. Они не имели проекта «Положения», и администрация зачастую не признавала их решений.

В каждом аиле (административная единица на 200—400 юрт) выбирался один бий на 3 года. Этому бию давалась книга для записи разбираемых им дел.

Практика жизни выработала у киргизов следующий порядок исков: истец обращался к аильному бию ответчика и просил его разобрать дело. Местом заседаний бия была юрта. Ответчик обычно приезжал сюда вместе с истцом. Если истец не являлся, то бий посылал за ним джигита или вызывал его через волостного правителя, или аильного старшину. Таким же образом вызывались и свидетели.

Когда все были в сборе, начинался разбор дела. Бий выслушивал истца, ответчика, свидетелей, задавал им вопросы, примирял и только после всего этого выносил решение. Иногда случалось, что из-за сложности и неясности дела приговор откладывался на некоторое время для того, чтобы узнать все подробности спора и затем вынести более или менее справедливое решение. Приговор бия записывался в книгу. При оправдании ответчику выдавалась копия решения.

Если у спорящих не было свидетелей, то бий предлагал истцу выбрать их со стороны ответчика для принятия очистительной присяги. Выбор лица для очистительной присяги ограничивался некоторыми условиями, т. е. не всякий мог быть выбран, точно также не всякий мог быть и свидетелем. Если ответчик признавал себя виновным, то бию оставалось только установить размер вознаграждения истцу. Таким образом, «тарту» — повинная служила одним из желаемых и несомненных доказательств вины ответчика.

Иногда случалось, что ответчик не сознавался, а у истца не было свидетелей. Тогда дело кончалось просто очистительной присягой. В этом случае бии предлагали истцу выбрать для присяги человека, который, как правило, выбирался только из аила ответчика. Истец

выбирал одного или нескольких человек¹. Но если истец был в споре с людьми указанного аила, то он имел право протестовать против назначения таких ответчиков. Бии принимали протест и проверяли его через почетных и честных людей. Если он оказывался справедливым, то ответчик избирался из другого аила или же истец по предложению биев сам выбирал его. Воспрещалось выбирать для принятия присяги отца, сына или брата ответчика, которые находились с ним в споре. Точно также истцу не позволялось выбирать своих родных и знакомых. Ответчик так же мог протестовать против выбранных для присяги. Но его протест принимали во внимание только в том случае, если он доказывал, что выбранные истцом люди подкуплены. Других причин для отвода избранных для присяги не было.

Если избранный для присяги находился далеко, то бии назначали время и место, куда он должен явиться. Церемония эта обычно велась в юрте в присутствии одного из биев, волостного управителя или других должностных лиц.

Ответчик обязан был сообщить о бийском постановлении выбранному для присяги и прибыть с ним в указанное место к назначенному сроку. К этому времени должен был явиться и истец. В случае неявки свидетеля все убеждались в том, что он не желает принимать присягу, и тогда с ответчика взыскивалось все присужденное.

Каких-либо определенных пунктов и формул для принятия присяги не было. Выбранный обычно говорил лицу, назначенному биями: «принимаю» или не «принимаю». Принимающий присягу, сделав бату, отвечал ему: «чтобы век твой был долог». Затем, если выбранный принимал присягу, то обращался к ответчику: «ты свободен от уплаты» и давал ему письменное удостоверение для передачи бию. В случае отказа выбранного для присяги такое же удостоверение давалось истцу. Но иногда принимающий присягу и не давал таких удостоверений. В этом случае о результатах он сам сообщал бию и там, записав

¹ При исках кунa за мужчину присягу должны были принять четыре человека, за женщину — два, в остальных случаях — один человек.

все это в книгу, собственноручно выдавал истцу копию, если присяга была не принята.

Должностные лица, управители, а также богачи избегали принятия подобных присяг. Они считали это обидой и стыдом для себя. Потому состоятельных людей редко выбирали для очистительной присяги. Выбирали их лишь в том случае, если разбиралось дело уездных и областных должностных лиц.

Если одна из сторон узнавала впоследствии, что присяжный был подкуплен другой стороной и доказывала это на суде биев, то сторона, виновная в подкупе, приговаривалась к возврату всего ей присужденного. Учитывались в этом случае также и убытки, израсходованные истцом на суд. Подкупленный присяжный приговаривался к уплате аипа — штрафа (лошадь и халат) в пользу того, чьи права были им ущемлены. Но не это было главным наказанием подкупленного. Главное состояло в том, что он лишался некоторых личных прав, а именно он не мог быть уже свидетелем ни в каких делах, не допускали его и для принятия присяги. Одним словом, ему больше никто не верил.

Если очистительная присяга за ответчика принята, а впоследствии оказывалось, что ответчик виноват, то истец взыскивал с него через биев все, в том числе и аип. Принявший присягу также взыскивал с ответчика аип (лошадь или халат). Если же дело окончилось и впоследствии оказалось, что виноват не ответчик, а другой, то потерпевший в этом случае взыскивал все свои убытки с разоблаченного виновного.

Для быстреего завершения дела истец иногда предлагал ответчику принять присягу в доказательство своей правоты и, наоборот, ответчик предлагал истцу доказать иск принятием присяги. В этом случае дело заканчивалось быстро.

До присоединения Киргизии к России у киргизов были разные формы присяги. Принимающий присягу должен был, например, обойти три раза вокруг могилы уважаемого человека. Присяжные целовали также саблю, лезвие ножа, дуло ружья или ударяли себя слегка в грудь ножом, саблей. При этом они обычно говорили: «Если дело это не справедливо, то пусть этот нож, сабля, ружье лишат меня жизни». Но в каком бы виде не при-

нималась присяга, никогда не забывалось необходимое условие: присяжной должен быть уважаемым человеком. Форма же присяги назначалась и целиком зависела от того лица, которое выбирало присяжного. Эта форма сообщалась судьям, которые решали дело.

В конце XIX в. среди киргизов начал распространяться коран. В связи с этим народный обычай принятия присяги часто игнорировался. Присяга стала приниматься с использованием корана.

Татарские и узбекские муллы писали и распространяли среди киргизов специальные листки с формулой присяги. В них говорилось о том, что свидетелем может быть всякий, кроме сумасшедших, малолетних и женщин.

Впрочем, иногда жены уважаемых и должностных киргизов допускались в свидетели. Но делалось это только лишь из уважения к мужьям. Дети до 15 лет в свидетели не допускались. Теряли это право так же те люди, которые были раньше уличены в принятии присяги за вознаграждение и давшие на суде заведомо ложные показания. Не могли быть свидетелями лица, находившиеся в споре с той стороной, против которой направлено его показание. Равным образом не допускались в свидетели отец, сыновья, братья. Если кроме таких свидетелей других не было, то дело решалось при помощи очистительной присяги через выбранного истцом ответчика.

Остальные люди, как свидетели, делились на две категории: 1) показания которых непременно должны были подтверждены присягой и 2) показаний которых совершенно достаточно для вынесения приговора.

К первой категории свидетелей относились: родственники (куда, боло, бажа, жеен, таяке) той стороны, которая выставила их. Показания родственников непременно должны были быть подтверждены принятием присяги, даваемой одному из их общества по выбору стороны, против которой свидетель выставляется. Впрочем, здесь также встречались исключения, например, если родственник был уважаемый, честный человек, то его показания принимались без подтверждения. Против этого никогда не возражала даже противная сторона. Кроме родственников к первой категории свидетелей относились порочные люди (воры, грабители, обманщики). Таких людей допускали в свидетели под неопременным условием, что

один из них, по выбору противной стороны, примет присягу.

Ко второй категории свидетелей относились почётные, уважаемые люди, а также должностные лица, но не все, так как некоторые из них, несмотря на своё положение в обществе, все-таки не пользовались доверием.

Свидетельские показания всех остальных киргизов подтверждались присягой, но иногда были и исключения. Это зависело от известности свидетеля и от степени доверия, которым он пользовался.

В сомнительных случаях ответчику предоставлялось право или привести самого свидетеля к присяге и тем удостовериться — правду ли он говорит, или выбрать для присяги человека из общества свидетеля. Первое делалось в том случае, когда свидетель еще не потерял полностью своего доверия; последнее — когда свидетелю не доверяли, т. е. когда думали, что он способен принять ложную присягу.

Случалось, что обе стороны одновременно выставляли честных свидетелей. При чем свидетели истца обвиняли ответчика, а свидетели ответчика оправдывали его, в этих случаях бий откладывал решение на несколько дней, подробно узнавал у свидетелей о положении дела и только после этого созывал стороны и выносил решение. Иногда бий совсем отказывался решать такие дела, а поручал их разбирательство самим свидетелям. После такого разбора дела на вынесенное решение он только прикладывал свою печать.

Должностные лица, бии, почётные люди как свидетели на суд зачастую не являлись. В этих случаях они писали свои показания на бумаге и отдавали их той стороне, которая нуждалась в этих показаниях. Это служило таким же доказательством, как и личное показание.

При разборе дел особое внимание уделяли очевидцам. Но особенно поощряли тех людей, кто за вознаграждение или по своему собственному желанию брался отыскать виновного и разоблачал его или давал обязательство потерпевшему за определенное вознаграждение назвать его имя. Но при этом очевидец, если он одного рода с преступником, всегда ставил потерпевшему условие — держать в секрете его имя. Очевидец также имел право для подтверждения своих улик указать, кого из-

брать в качестве ответчика для принятия присяги. Но в этих случаях присяга конечно не принималась, ибо очевидец сообщал присяжному, что ответчик действительно виновен. Если очевидец не одного рода с виновным, то он лично доказывал на суде виновность ответчика.

Из всех видов доказательств присяга практиковалась на суде несравненно чаще других. Поэтому она имела у киргизов большое значение в решении хозяйственных, семейных и других дел.

После присоединения Киргизии к России основы киргизского судопроизводства оставались прежними. Сущность была та же, менялась форма. Суд биев и казиев теперь стал называться народным судом и избирался на три года.

В объяснительной записке к проекту «Положения 1867 г.» говорится о том, что нужно «сохранить у туземцев народный суд с изменениями, кои необходимы для пользы самого народа и уменьшения в них фанатизма, а следовательно, и преград к сближению с русскими». Политическим соображением, руководившим при оставлении судов в возможной их неприкосновенности с устранением лишь влияния духовных лиц, было, между прочим, то, что постепенно наш суд, основанный на совести и человеколюбии, возьмёт верх над грубыми постановлениями шариата, без всяких потрясений и волнений.

Изменив форму суда, царское правительство разрешило биям и казиям вести судебные дела по-прежнему, но круг разбираемых ими вопросов сузился. Они решали теперь незначительные уголовные дела, всевозможные иски, разного рода тяжбы и т. д. Биями и казиями по-прежнему избирались крупные феодалы не моложе 25 лет.

Разумеется, предоставив «демократию» киргизскому народу о выборности судей и назвав их народными, царское правительство хотело этим замаскировать классовую сущность дела. Дав трудящимся выборный суд, царизм открыл настежь дверь исключительно богатым киргизам для захвата ими судебной власти. По словам информаторов, раньше (до первой половины XIX в.) биями могли быть справедливые, умные люди—выходцы из простого народа. О них мы имеем очень мало данных и почти нет

литературных материалов, поэтому не имеем возможности сказать о них более.

Выбирали биев и казиев не трудящиеся, а пятидесятники. Такой выбор, вполне понятно, имел свои отрицательные последствия, ибо начиная с аксакалов, пятидесятников, волостных управителей — все являлись выходцами из крупных богатых семей. Поэтому часто судьями становились недостойные люди.

Для полноты характеристики реформы в суде приведем архивный документ: «Представление народу самому выбирать судей,— говорится в этом документе,— имело хорошую сторону, так как из большего числа имеющих право быть казиями можно было сделать наиболее удачный выбор, но вместе с тем отсутствие какого бы то ни было образовательного ценза не могло не повредить пользе дела. Выбор в бии и казии был предоставлен не самому народу непосредственно, а пятидесятникам, расположенным к подкупу и к всестороннему влиянию. В силу этого они считали: чтобы попасть в народные судьи, в большинстве случаев вовсе не надо отличаться нравственными достоинствами или основательным знанием закона и пользоваться всеобщим уважением, а надо быть состоятельным, чтобы при посредстве денег заручиться расположением пятидесятников или же иметь покровителя в лице волостного управителя или кого-либо из богатых, пользующихся влиянием в волости»¹.

Если феодал не мог по какой-либо причине стать судьей, то путем подкупов и угроз он заставлял избирать другое лицо из числа своих ставленников. Обычно такие ставленники были невежественными людьми, не знавшими элементарных правил судопроизводства. Попадая в цепкие руки опытных «советчиков», они становились последователями, исполнителями их воли.

Нам известно, что за место судьи кандидаты всегда вели острую борьбу. Во время выборов судей враждовавшие феодалы натравливали простых киргизов нескольких айлов друг на друга. При выборах судей, как мы уже отмечали, избирателями были опытные пятидесятники, умевшие ловко брать взятки. «Подкуп выборщиков или пятидесятников,—подчеркивается в докладной за-

¹ ЦГИА Уз. ССР, ф. I, оп 12, д. 1305, л. 102.

писке на имя Туркестанского генерал-губернатора,— делается чрезвычайно хитро и преследовать это зло нет никакой возможности. Израсходовавшись на подкуп, народный судья старается потом с лихвой вернуть все затраченное и вся тяжесть этой лихвы обрушивается на головы его противников по выборам, отсюда следуют нескончаемые жалобы на притеснения, вымогательство и проч.

Обычно при избрании судьи (бия, казия) избиралось и второе лицо — кандидат из другого аила. Судьи с кандидатами всегда ссорились при распределении дел, особенно если они касались их аилов, к тому же враждовавших между собой. В этом случае задевались интересы сородичей или родственников двух сторон. Такие ссоры царские чиновники называли «партийной враждой».

Случаев, когда судьи злоупотребляли служебным положением, было очень много. Так, в 1897 г. в злоупотреблении уличен народный судья Шамсинской волости Пишпекского уезда Бектур Мурадилов, который принял к разбирательству подсудное ему дело о грабеже и за взятку прекратил его. Б. Мурадилов обвинялся, кроме того, еще в подлоге.

«В процессе дознания,— говорилось в рапорте на имя генерал-губернатора,— выяснились преступные действия и других народных судей, выразившиеся в соучастии их в преступлениях Мурадилова». Таким образом злоупотребления были не единичными и совершались не отдельными судьями, а почти всеми.

Бии Аламединской волости Токмакского уезда 17 декабря 1883 г. Малтай Атаев, Рустамбек Мыктыбеков, Сунпатай Сакин устранились от должностей за подложное составление решения.

Быть бием и казием было очень доходным делом. Несмотря на то, что правительство не платило жалованья судьям, они жили очень богато. Согласно положению бии и казии брали при рассмотрении любых дел «бийлик» — вознаграждение за труд. При разборе дела о куне бийлик был особенным. Например, если дело вели 8 биев, то они все вместе получали с присуждаемого 4 верблюда и 4 лошади; 4 бия брали 2 верблюда и 2 лошади. Однако, если кун присуждался незначительный, то и в этом случае бии получали 10%. Размер бийлика не зависел от размера иска или наложенного штрафа. Бийлик брался

следующим примерно образом. Если штраф составлял 120—150 руб., бийлик равнялся 15 р. 20 к., т. е. 1/10 части штрафа, с 40—50 руб. взыскивалось 7 р. 60 к., т. е. 1/6 часть штрафа, с 70—75 руб. взыскивалось 7 р. 60 к., т. е. 1/6 часть штрафа и т. д.

Из приведенных цифр видно, что бийлик, поступающий в пользу народных судей под видом вознаграждения по обычаю, взимался произвольно и бесконтрольно. Полученные деньги нигде не учитывались, а прямо поступали в карманы судей. Поэтому понятно, почему было так много претендентов на эту должность.

Определение получения бийлика зависело от занимаемого положения ответчика. Богатый платил 1/10 часть от общей суммы, бедный — до 1/2 и более.

БАИ

Определенную историческую роль в общественном строе киргизов играли баи. Это была одна из основных прослоек господствующего класса феодального строя, которая, сосредоточив в своих руках огромные богатства, душила сложной системой управления и социальным аппаратом трудящихся дехкан. Остановимся кратко на классовой природе и сущности байства.

Байство на историческую арену вышло сразу же после разложения первобытно-общинного строя вместе с появлением классов. В Киргизии баи возникли с распадом сако-усуньских союзов.

Первоначально класс баев на территории Киргизии состоял из крупных кочевых скотоводов, а затем с развитием земельных отношений и захватом феодалами больших пахотных участков он начал зарождаться и в среде земледельцев.

В последней четверти XIX в. к числу баев стали относиться вообще состоятельные или разбогатевшие люди. В этот период баем мог называться крупный и даже средний скотовод, земледелец, скупщик скота, ростовщик и др. В начале XX в. баями обычно называли людей, имеющих 80—100 овец, нескольких лошадей, коров и т. д.

Перейдем к освещению байства в Киргизии. Известно

несколько категорий баев¹. Кордолуу-бай — наследственный бай. Эта категория богатых киргизов была известна своим давним происхождением, согласно сохранившимся легендам эти наследственные богачи в течение столетий из поколения в поколение передавали свои богатства. Эти богатства почти целиком переходили только сыновьям. Дочери, кроме приданого, ничего не получали. После получения наследства каждый сын старался приумножить свой стада, так как это являлось достойным делом и говорило об уважении сына к покойному отцу. В народе бытовало представление о том, что дух умершего охраняет наследника и все оставленное ему имущество.

Из числа наследственных баев выходили манапы, бии, аксакалы. Впоследствии после прихода русских — волостные управители, судьи, старшины и т. д. Рядовой дехканин, если предки не были богатыми, манапом и управителем быть не мог. Наследственный бай являлся опорой феодального строя Киргизии. Владея огромным количеством лошадей, крупного рогатого скота, овец, он был самым жестоким эксплуататором трудящихся — непосредственных производителей материальных благ. Баи заставляли сородичей почти бесплатно ухаживать за своим скотом. Бедняки работали безвозмездно за право пастись вместе с байскими стадами несколько голов своего скота на хорошем байском пастбище. Кроме того, летом они пользовались молочными продуктами и получали немного шерсти при весенней и осенней стрижке овец.

У наследственных баев все дети, ближайшие родственники по мужской и женской линии были богатыми. Если какой-нибудь из них становился бедным по той или иной причине, то для сохранения авторитета семьи все богатые родственники старались общими силами помочь ему в восстановлении стада, так как не хотели иметь бедного близкого родственника. Например, наследственными баями могли быть в течение нескольких веков десятки семей целого рода. Так, к числу наследственных баев относился почти весь род жантай, за исключением некоторых дальних сородичей. Этот род, начиная от прямых предков Манапа, Атаке и кончая Шабданом, был богатым. Атаке упоминает И. Андреев: «Сей Атакей во всей орде

¹ Делит байство на несколько видов народ.

начальствующий... также имеет лошадей и скот»¹. Высказывания И. Андреева о прямых предках последнего манана Шабдана является наглядным подтверждением мнения о стойкости наследственных баев.

Другая категория байства — это ордолуу. Слово «ордолуу» означает «ставка» или «крепость» богатого владельца, который был полным хозяином не только в своем доме, но и в хозяйствах своих сородичей. Такие богачи имели огромное количество скота, имущества, строили постоянного типа жилища с хозяйственными постройками, сажали декоративные и другие виды деревьев. Постройки окружались довольно высокими и массивными глиняными дувалами и были похожи на крепость. Отсюда и ведет свое происхождение слово «ордолуу».

Обычно такой бай, сидя зимой в своей «крепости», управлял сородичами. Одни привозили в его дом дрова, другие пасли скот, третьи мчались во весь опор с поручениями, четвертые шли с жалобой, за помощью, советом и т. д.

Ордолуу-баи существовали в Киргизии с давних времен. Наибольшего могущества добились они в период кокандского господства, строя по типу гарнизонных крепостей в своих родовых владениях домашние крепости. В этот период они принимали активное участие в хозяйственных и политических делах своего рода, племени.

Существенная разница между наследственными и ордолуу-баями состоит в том, что, если наследственные баи были из поколения в поколение богатыми, то ордолуу-баи — нет. Ордолуу-баем мог быть любой предприимчивый богач, построивший себе домашнюю крепость и владевший имуществом и скотом. Обедневшие предки или потомки таких баев могли ордолуу и не называться. Тем не менее эксплуататорская сущность обоих видов байства очевидна.

Ордолуу-баи играли в общественной жизни киргизов видную роль. Они назначались родовыми начальниками, участвовали во всех проводимых мероприятиях, решали вопросы хозяйства, политики, имевшие отношение к роду

¹ Записки о Среднекиргизской орде капитана Андреева. Рукописный фонд отд. общ. наук АН Кирг. ССР, инв. № 1817.

и племени. Вероятно, такими баями были те, которые имели ставки или многочисленные поселения и городища на территории Киргизии. Например, легендарный Шырдакбек имел крепость на южном берегу оз. Иссык-Куль и в Акталинском районе, Кошой Коргон — на Атбаша, Шурабашат — в Узгене.

Третья категория байства — сасык-бай — богач, скаред. Дословно сасык-бай значит вонючий бай. Народ называл этим словом группу таких богачей, которые из-за жадности отказывали всем и во всем. Такие байы были, как правило, экономически сильными, владели несметным количеством голов овец, крупного рогатого скота, лошадей, верблюдов и т. д.

В политической жизни киргизов такие байы заметной роли не играли. Большинство их не участвовало в общественных делах и не занимало никаких административных постов. Бай-скареды настолько были жадны, что, имея в хозяйстве несколько тысяч овец (у некоторых до 10 тысяч), лошадей и других животных, довольствовались одной-двумя парами одежды. Информаторы говорили, что даже байская жена при стирке платья одевала на тело чапан, так как не имела смены, т. е. другого платья. Богач «экономил» не только на одежде, но и на питании. Скота было много, но его не резали, жалели. Все хозяйственные работы по уходу за скотом лежали на плечах членов семьи. Иногда нанимали сирот или вдов. Дети таких баев всю жизнь назывались потомками богача-скареды.

Класс байства играл значительную роль при выборах на волостные и айильные должности, оказывая экономическую поддержку своим ставленникам.

ДУХОВЕНСТВО

Духовенство как эксплуатирующий класс в киргизском обществе стало играть особенную реакционную роль после завоевания Киргизии Кокандским ханством. До кокандцев киргизы почти не знали о исламской религии и ее религиозных обрядах. Ч. Валиханов, хорошо знавший быт киргизских кочевников, подчеркивал, что местные жители даже не имеют представления о пророке

Мухаммеде и т. д.¹ После установления Кокандского ханства киргизские аилы стали посещать проповедники ислама — узбекские муллы, которые жили главным образом у феодалов. После присоединения Киргизии к России в кочевья скотоводов стали часто приезжать муллы-татары, выходцы из Казани, Оренбурга, из Казахстана и других мест.

Догма ислама, с которыми знакомились киргизы, с одной стороны, через татарских, с другой, — через узбекских проповедников, усваивались ими не в чистом виде.

Основными распространителями исламской религии были муллы, которые кочевали вместе с киргизскими аилами. Первоначально муллами были только узбеки или татары, которые умели кое-как читать коран и проводить пятикратное моление с омовением. Эти муллы зачастую были очень невежественными и малограмотными людьми. Доверчивые, гостеприимные киргизы любого человека, имеющего с собой книгу, написанную на арабском языке, принимали за муллу. Людей, не имеющих даже представления об исламе, но носящих книгу в руках или на груди, они считали муллой.

Муллы распространяли среди кочевников-киргизов основные положения ислама — читать молитвы и выполнять пятикратное омовение. За это муллы от киргизов получали скот, деньги, вещи и т. д.

Узбекские и татарские муллы имели среди киргизов своих последователей-учеников. Ученики после ухода мулл оставались в аиле и исполняли роль муллы. Многие муллы приезжали в край с корыстными целями; подолгу они жили вместе с киргизами, наживались на их труде, богатели и уезжали, оставив вместо себя ученика-последователя.

Кроме мулл в аиле часто жили калпа-наставники. Обычно наставники посещали киргизов летом, когда в медресе (исламские школы) были каникулы. Они выступали в роли проповедников и распространителей ислама. Такие наставники останавливались у богатых людей, у

¹ Ч. Ч. Валиханов. Сочинения Чокана Чингисовича Валиханова, СББ., 1904, стр. 104.

знакомых и родственников или ставили палатки. Пробыв лето на джайлоо, они в течение всего года жили безбедно.

Киргизам было известно духовное лицо — эшен, который являлся наставником и одновременно духовным руководителем одной из многочисленных суфийских общин. Эшены селились в киргизских аилах для того, чтобы склонить кочевников к суфизму и потом, пользуясь своим влиянием, грабить их. Киргизы делили духовных лиц на ходжей (кожо) и азретов. Оба составляли свою особую касту и были очень реакционны. Люди, именуемые ходжами, считали своих предков и вообще все свое поколение святыми, уверяли всех верующих, что ведут свое происхождение от святых людей или пророка Мухаммеда, который боролся за распространение ислама и умер от рук неверных. Ходжи всегда и всюду именовали себя детьми имамов.

Если к детям мулл, калпы, ишанов духовный титул по наследству не переходил, то к детям ходжи он передавался из поколения в поколение.

В рассматриваемое время русская администрация свободу действий духовенства ничем не ограничивала. Религиозное порабощение царизму было на руку, поэтому он освободил все категории духовных лиц и членов их семей от уплаты всякого рода налогов и от несения повинностей. Наоборот, муллы получали от земледельцев зерно, называемое ак кула, от скотоводов — скот. Кроме этого два раза в год во время мусульманских праздников мулла получал большое вознаграждение (скогом) за то, что читал молитву.

Духовенство в киргизском аиле вместе с бай-манапами эксплуатировало трудящихся дехкан. Оно выжимало из них последние соки, совершенно затемняя их сознание религиозными догмами.

* * *

Царское правительство понимало, что для управления краем необходимо привлекать верхушку местного населения. И оно осуществляло это путем назначения киргизских феодалов на ряд административных должностей.

Из числа крупных феодалов самые ревностные служители назначались на должности волостных управителей, аильных старшин, биев. Волостные управители, бии, аильные старшины считались низшей ступенью государственного аппарата и были опорой и агентурой царизма.

Сразу же после установления русской власти «Временным Положением о Туркестанском крае» (1867 г.) Северная Киргизия была разделена на два уезда (Иссык-Кульский, Токмакский), а Таласская долина вошла в состав Аулиеатинского уезда. Во главе каждого уезда стоял начальник, наделенный административно-полицейской властью. За все время существования в Киргизии царского режима ни разу уездным начальником не назначалось лицо из местных феодалов. Этот факт сам по себе говорит о недоверии царизма не только к киргизскому населению, но и к правящей его части.

Волостные управители, судьи (бии, казии), аильные старшины на подчиненной им территории имели большую власть и управляли трудящимися по линии судебной, полицейской, административной.

Царское правительство дало широкие полномочия «туземным лицам» из управленческого аппарата. Волостные управители, бии и аильные старшины с рвением проводили в жизнь все мероприятия уездного управления. Основная задача непосредственных руководителей в аиле состояла в том, чтобы строго следить за выплатой дехканами всех налогов и несением повинностей. Они старались всегда точно выполнять все указания царских властей. О тяжелом налоговом гнете, о безрадостной жизни бедняков, которые остались без скота, сохранилась такая песня:

Кеп айттырбастан шайынды,
Болуш алды тайынды.
Торпогуң кетти чыгымга,
Эки сом элүү тыйынга.
Элүү башы алды чыгымды,
Мына ушинтип шорго башым урунду.

Единственного жеребенка бедняка
Отобрал его волостной.
Вдобавок избил самого,
Не дав раскрыть рта.

Манап отобрал его теленка,
Для покрытия расхода (чыгым),
За два рубля и пятьдесят копеек.
А пятидесятник обирает налогами.
Вот так мы не выходим из беды.

Пользуясь властью над рядовыми сородичами, волостные управители, айльные старшины стали захватывать лучшие земельные участки, пастбища, водные источники. Богател не только сам управитель, но экономически сильной становилась вся группа, которая его избрала на этот пост. Из-за этого часто волость или аил делился на две враждующих группы. Между ними разгоралась непримиримая борьба, часто сопровождавшаяся убийствами. Обычно, как правило, враждовали в волости два рода, выставившие претендентов на должность волостного управителя. Приводим рапорт начальника Пишпекского уезда от 19 сентября 1891 г., в котором подробно описывается борьба за должность волостного управителя: «Кульчугачевская волость, заключающая в себе 2057 кибиток, давно разделилась на две враждующие партии. Начало вражды положили представители главных родов: кичики, во главе которого стоят Чойбек, Батырбек и Мурзабек Диканбаевы, и род кедей, главари коего Байзак и Султан Таукины и Джантели Байзаков. Каждая из партий насчитывает на своей стороне не менее тысячи кибиток. Вначале вражда возникла из-за борьбы главарей о должностях, затем, постепенно развиваясь, охватила весь народ и главари уже ничего поделать не могут с народом, если бы даже и желали примириться. В этом я успел убедиться на съезде сего года, ибо Байзак Таукин и Чойбек Диканбаев при мне примирились, но народ их не послушал. Затем обе партии для окончания мирно выборов по приговору из своей среды выбрали посредников, которые вошли между собою в соглашение, пятидесятники же при баллотировке всеми мерами старались забаллотировать противников, хотя это и нарушало договор их же посредников. Я видел, как пятидесятники и народ обеих партий зло смотрели друг на друга и, невзирая на все увещевания избранных ими посредников провести выборы спокойно, я несколько раз принужден был лично сдерживать пятидесятников, чтобы не допустить открытого столкновения при мне. Обе эти партии

несколько раз мирились, но почти немедленно же снова ссорились, так что на примирение их нет надежды. Чтобы несколько выяснить значение и непримиримость этой вражды, представляю следующий очерк.

С Января месяца 1888 г. при полковнике Пушине в уездное управление поступило несколько просьб от двух вышеозначенных партий о взаимных нападениях. Так, в январе от партии Байзака поступили просьбы, что Чойбек напал на несколько людей и отнял у них деньги и имущество, в апреле та же партия Чойбека, вооруженная ружьями и пиками, напала на байзаковцев и ранила шесть человек, причем Байзаков остался калекою. Партия Чойбека 27 марта в свою очередь жаловалась, что Байзак Таукин во главе 100 человек из Кыз-Дубе напал на Чойбека, причем один Утунчи убит, а другому выбит глаз. По всем этим жалобам 30 апреля состоялось примирение, о чём полковник Пушин написал протоколы и в которых обе стороны объяснили свою вражду предстоящими выборами. За эти беспорядки, по представлению полковника Пушина, устранили Чойбека Диканбаева от должности волостного управителя.

Мир этот был непродолжителен, ибо 14 июня получено прошение Садырбая Ишимбекова о том, что брата его Кожемберды Бердышева партия Чойбека убила за то, что он не принадлежал ни к одной партии и по требованию чойбековцев не пошел на их сторону. Того же 14 июня поступила жалоба, что Чойбек напал на партию Байзака с ружьями и пиками, причем убито 4 лошади и один человек ранен.

Репортом от 8 июля за № 1 бывший помощник уездного начальника Махонин донес о многих взаимных нападениях, причем винил партию Байзака. Затем протоколом 9 июля и рапортом того же числа он донес, что партия Байзака оказала ему повинование, вследствие чего не состоялись выборы. Войсковой старшина Нарбут в нынешнем году назначил на Кызарте съезд для выборов, но таковых не произвел и уехал со съезда, ибо не успокоил беспорядков в Кульчугачевской волости, в которой взаимные грабежи достигли в этом году больших размеров. В доказательство беспорядков почтительнейше представляю рапорты Волостного управителя: от 3 апреля а) о том, что аульные старшины противной партии ему

не повинуются, б) о том, что требуемые в уездное управление киргизы противной партии его не слушают и не едут, в) о том, что после отъезда Нарбута из Кызарта начались кражи, заговоры, драки и дело недалеко до бунта.

На съезде предложены были всевозможные способы примирения, но все они отвергнуты народом, заявившим, что вражда их, продолжающаяся много лет, сильно много принесла зла, что теперь разделяет их кровь убитых, что взаимные баранты скота, разорение зимовок, увоз женщин захватили уже не главарей, а весь народ, пылающий друг к другу ненавистью, и главари, давшие вначале толчок к вражде из-за должностей, теперь уже не могут остановить народ, ибо не в силах вернуть убитых и не в состоянии возместить народных убытков от взаимного разорения. В заключение выяснено, что если их не разделить на две волости, то они окончательно разорят себя и взаимные столкновения дойдут до настоящей войны. Все это подтвердили мне и почетные лица посторонних волостей, заявившие, что единственный выход для примирения Кульчугачевской волости — это разделение ее на две, что видно и из протокола, подписанного почетными лицами.»¹

Таким образом, искусственно разжигая феодально-родовую вражду, главари рода также ходатайствовали о разделении волости, аила. Конечно, это было для волостных управителей выгодно, так как, подчинив себе противников, они получали широкую возможность для более беспрепятственной эксплуатации дехканских масс.

Приведем докладную записку Семиреченского военного губернатора к Степному генерал-губернатору о разделении волостей в связи с разгоревшейся между ними враждой. «В бытность мою в настоящем году, — писал Семиреченский губернатор, — во время обозрения вверенной мне области в Иссык-Кульском уезде мне было подано киргизами Турайгырской волости этого уезда более тридцати прошений, заключающих в себе взаимные жалобы двух враждовавших между собой партий, и в то же время представители этих партий ходатайствовали, ввиду происходивших в волости поземельных и других раз-

¹ ЦГИА Каз. ССР, ф. 64, оп. 1, д. 516, лл. 2—5.

доров, о разделении ее на две, о чем ими были представлены мне общественные приговоры. Вражда партий приняла настолько обостренный характер, что никакие убеждения не могли привести к благоприятным результатам и ожесточение при взаимных спорах дошло до того, что, несмотря на мое присутствие, споры почти готовы были закончиться дракой. Не видя другого исхода к умиротворению, кроме разделения волости, я предложил начальнику Иссык-Кульского уезда образовать из Турайгырской волости две: Кунгей-Аксуйскую из 900 кибиток от реки Байсорун с востока до реки Сугети на западе и Турайгырскую из 844 кибиток от реки Талдыбулак до границы Семизбельской волости и произвести выборы должностных лиц во вновь образованной волости»¹.

Однако разделение волостей, аилов редко приводило к положительным результатам, так как стороны не примирялись и родовая вражда продолжалась. Причины бесконечных раздоров следует искать не в территориально-административном делении, а в существующем строе.

Из выше приведенного документа видно, что выборы должностных лиц и разделение волостей всегда сопровождались предвыборной лихорадкой. Кроме этого, выборы всегда проходили в обстановке подкупов, угроз и шантажа. Хороши были все меры, если с их помощью можно было привлечь больше сторонников на свою сторону и получить больше шаров. Брели взятки и царские чиновники, присутствовавшие на выборах. На выборах баи и манапы превращали трудящиеся массы в своеобразные пешки, которые передвигались по их воле и настраивались против враждебной стороны. Достигнув цели, манапы забывали своих избирателей до следующих выборов. Наученное горьким опытом, население было безразлично к тому, какая из борющихся сторон победит, ибо победа и той, и другой стороны приносила трудящимся разорение, нищету, голод.

Прежние феодалы: манапы, датхи, би, казии после присоединения Киргизии к России, переодевшись в русские военные или полицейские офицерские мундиры, с усердием стали служить новому властелину. Царизм, чтобы иметь сторонников в присоединенном крае, произ-

¹ ЦГИА Каз. ССР, ф. 64, оп. I, д. 563, л. I.

водил киргизских феодалов в офицеры, награждал орденами, медалями, чайными приборами, халатами, грамотами, хотя все эти «уважаемые лица из туземцев» оставались до конца службы безграмотными и невежественными.

За усердную службу самодержавию некоторые родоначальники были обласканы царем и его приближенными. Например, на коронацию Николая II были приглашены «почётные» туземцы. В числе прочих там был верховный манап племени солто Байтык Канаев. Его заслуги описываются так: «Капитан Байтык Канаев управляет 5 тысячами кибиток кара-киргиз. Ранее участвовал с 200 собственными джигитами при взятии Аулиеата и Чимкента. Весьма предан и усерден. Какие имел награды? В 1863 г.—золотую медаль на Аннинской ленте и почетный кафтан в 1864 г., чины его —поручик, затем капитан. Имеет орден Святого Станислава 3 степени и перстень¹. Комментарии излишни. Царские чиновники, завербовав крупных феодалов к себе на службу, с их помощью осуществляли свою колонизаторскую политику, жестоко эксплуатировали трудящиеся массы киргизского населения. Царизм использовал патриотизм местного народа, ненавидевшего кокандских завоевателей. Ловко используя враждебные отношения киргизов к Кокандскому ханству, русские военные чиновники привлекали на борьбу киргизских родоначальников. За это они награждались подарками. Ниже приводится список награжденных «за усердие и преданность в боях при взятии Токмака и Пишпека в 1860 г.»².

Этот список был составлен начальником Алатовского округа и киргиз большой орды Колпаковским, который из видных манапов иссык-кульских киргизов снарядил особый отряд, участвовавший при взятии кокандских крепостей Токмак и Пишпек.

Феодальная верхушка киргизского общества, допущенная к управлению народом на низовые должности, стала социальной опорой царизма в киргизском аиле. Интересы царского правительства и киргизских феодалов

¹ ЦГИА, ф. 336, оп. 1, д. 45, л. 41.

² ЦГИА Каз. ССР, ф. 3, оп. 1, д. 424, лл. 1—12.

Подразделе- ния племени бугу	Фамилия и имя	Чем награжден	Прежние награды
1	2	3	4
Белек	Манап Качыбек Шералин	Серебряная ча-ша	Золотая ме- даль и брон- зовая в память о минувшей войне
"	Манап Алтыба- сар Качыбеков	Сукно на халат	—
"	Манап Сарпек Саскин	"	—
"	Манап Тилекмат Бирназаров	Столовый при- бор	Кафтан
"	Майнок Балбаев	Сукно на халат	—
"	Султанкул Ал- баев	Большая сереб- ряная медаль	—
"	Балбай Ишход- жин	"	—
Салмаке	Чон Карач Рах- метов	Золотая медаль	—
"	Бала Карач Но- гоев	Кафтан	—
Солто	Канай Койсой- мосов	Сукно на халат	—
Саяк	Нурдаулет Жу- рупов	Столовый при- бор и охотничий нож	—
Арык	Токсоба Ольд- жобаев	Халат	—
"	Хакимбек Ольд- жобаев	Столовый при- бор и медаль на Аннинской ленте	—
Сарыбагыш	Манап Менде	Серебряная лож- ка, ценный ста- кан и сукно на халат	

лов были одни — жестокая бесчеловечная эксплуатация трудящихся масс.

Какие же основные выводы можно сделать?

1) Киргизское общество состояло из двух непримиримых классов: феодалов и дехкан. Господствующим классом были манапы, бии, бай, подчиненными — дехкане: малчы и эгинчи.

2) Из всех господствующих классов ведущую роль в

обществе играли манапы. Вся экономическая и политическая власть находилась в их руках. Сам социальный термин «манап» начал проникать в среду киргизов с XVIII в. Первоначально титул «манап» был распространен только внутри племени сарыбагыш, а затем он стал распространяться и на другие племена: буту, саяк, солто, монолдор и т. д. Манап, как высшая должность, не был распространен среди южных киргизских племен. Кокандское ханство, завоевав Южную Киргизию в начале XIX в., не дало возможности проникнуть сюда титулу «манап», а присваивало некоторым киргизским феодалам свои государственные титулы сообразно занимаемому посту внутри своего рода или племени.

Манапы были полновластными хозяевами бедных со-родичей дехкан, над которыми жестоко издевались и которых безжалостно эксплуатировали. Перед трудящимися массами манапы вели себя высокомерно и покровительственно: «Мрачность характера и недоступность,— вспоминает Ч. Валиханов,— доставляют манапам большую знаменитость. Жестокость называют они великодушием и ставят как первую добродетель всякого управителя».

3) В общественной жизни киргизов значительную роль играли бии. До появления манапов бии были почти единственными представителями господствующего класса. История появления бийства уходит в глубь веков. По-видимому, оно возникло с разложением первобытно-общинного строя и основанием феодальной формации в киргизском обществе.

Если бий как единственное административное должностное лицо, занимавшееся политическими, хозяйственными, судебными и другими делами внутри рода, племени, играло в свое время основную роль, то позднее оно начало терять свою былую мощь и славу, так как не стало отвечать требованиям жизни (существующему строю нужны были более гибкие и жестокие правители). Появляются манапы. Бии уступили первенствующую роль манапам, сами перешли на второе место, взяв в свои руки исключительно судебные дела.

По всей территории Киргизии до завоевания Кокандским ханством существовала одна административная должность — бий. Однако кокандские ханы после завое-

вания Южной Киргизии судебные дела стали решать по канонам шариата и поэтому во многих южнокиргизских кочевьях вместо биев назначались казии .

Царское правительство оставило без изменения суд биев и казиев. Сущность судопроизводства оставалась прежней и некоторые изменения коснулись только её формы. Согласно «Положению» 1867 г. бии и казии стали называться «народными» судьями.

Бии и казии избирались на три года, по истечению этого срока назначались новые выборы. Выборы всегда сопровождалась острой борьбой, широко использовались обман, подкуп. Для феодалов эта должность была очень выгодной.

4) Баи — одна из основных прослоек господствующего класса феодального строя — появились в результате разложения первобытно-общинного строя.

Все эксплуататоры киргизского народа (манапы, бии, духовенство, волостные управители и др.), как правило, являлись баями. Критерием их богатства являлся скот, а со второй половины XIX в. и земля. Видного положения в обществе должностные лица добивались исключительно с помощью своего богатства.

Киргизы баев делили на несколько категорий. В политической жизни киргизского народа баи играли решающую роль. Они могли влиять на ход выборов волостных управителей, народных судей и т. д. Часто для подкупа и обмана баи не жалели ни скота, ни средств.

5) Исламская религия стала играть особенно реакционную роль после завоевания Киргизии Кокандским ханством. Широкое распространение она получила среди киргизского населения на юге Киргизии, куда шло много рьяных фанатиков—мулл. На севере Киргизии их было значительно меньше. Кокандцы и местные феодалы ежегодно направляли в кочевья киргизов очень много духовных лиц, начиная от учеников медресе и кончая высшим духовенством. Они жили в кочевьях за счёт трудового народа, нагло и жестоко обирая его.

6) С присоединением Киргизии к России началась ломка старых устоев патриархально-феодального строя. Царское правительство стало вводить в крае новые административные должности. По примеру центральных губерний России оно ввело такие должности, как волостные

управители, народные судьи, писари, старшины и т. д. На эти должности назначались преимущественно феодалы, которые с рвением служили царизму. Они вели строгий учёт кибитковладельцев, следили за тем, чтобы население аккуратно платило налоги, несло различного рода повинности; они держали в постоянном страхе и невежестве трудящиеся массы киргизского народа.

ДЕХКАНЕ

Основной массой киргизского общества в рассматриваемый период являлись дехкане, которые делились на дехкан-скотоводов и на дехкан-земледельцев. Первые назывались малчы, вторые — эгинчи.

В зависимости от состояния дехкане-скотоводы и земледельцы делились на несколько категорий. Малчы — на середняков, малоскотных и бесскотных. Дехкане-земледельцы — на эгинчи, жатакчы, чайрикеров и т. д. Все они были истинным ядром киргизского крестьянства.

Среди дехкан-середняков наблюдалась сильная дифференциация. Они либо разорялись и становились бедняками, либо в результате размножения скота и захвата земель выходили в класс байства. Средняками, например, на Иссык-Куле, Тянь-Шане и в Чуйской долине считались скотоводы, имеющие от 100 и выше голов овец, 30—50 лошадей, до 10 голов крупного рогатого скота, 2—3 верблюда. На юге Киргизии середняк имел 50—60 овец, 8—10 лошадей, 5—6 голов крупного рогатого скота.

Средняки вели самостоятельные хозяйства. Они не нанимались на работу к баям, но часто служили у манапов и выполняли разные поручения. Сами середняки в своем хозяйстве имели по несколько работников из числа бесскотных киргизов, которым платили согласно договоренности.

Малоскотные крестьяне — кедей чарба в киргизском обществе составляли резерв рабочей силы, используемой в байских, манапских, середняцких хозяйствах. Малоскотные кочевники не могли самостоятельно кочевать, поэтому всегда держались ближе к имущим скотоводам. Однако были такие малоскотные дехкане, которые предпочитали кочевать самостоятельно, пытаясь сохранить

свою независимость. Такие дехкане пользовались исключительно продуктами своего хозяйства.

Кедей чарба имели в своем хозяйстве до двух десятков овец, 1—2 лошади, 2—3 головы крупного рогатого скота, небольшое стадо коз. Кроме этого, некоторые из них занимались земледелием, обрабатывая небольшие участки.

О тяжелом положении малоскотных дехкан писали многие историки-этнографы. «Если,—говорит М. Венюков,—принять за основу наши официальные исчисления скота в областях Семиреченской и Семипалатинской, где 480000 киргизов, все 900-тысячное население имеет около 900 тысяч голов крупного рогатого скота и 4 миллиона овец, т. е. по одной крупной и 4 мелких скотины на душу... Самый бедный латыш или белорус — капиталист перед таким пролетарием Средней Азии»¹.

Аналогичные цифры приводит «Ежегодник Туркестанского края за 1870 и 1871 годы». На одну киби́тку в уездах Семиреченской области приходилось в среднем:

Уезды	Верблю- дов	Лошадей	Крупного рогатого скота	Овец
Верненский	0,6	4,0	2,0	20,5
Копальский	0,7	3,0	2,0	32,2
Сергиопольский	0,6	4,0	2,2	26,2
Токмакский	1,1	3,5	2,5	20,0
Иссык-Кульский	0,5	7,1	3,1	24,0 ²

А вот статистические данные о результатах переписи киби́ток, населения и скота в Семиреченской области в 1889—1891 годах по Токмакскому и Иссык-Кульскому уездам.

¹ М. Венюков. Восточное обозрение, 1885, № 9, стр. 125.

² Ежегодник Туркестанского края за 1870 и 1871 гг., стр. 72.

Уезды	Число аулов	Число ки- биток	Душ на- селения	Верблю- дов	Лошадей	Крупного рогатого скота	Баранов
Токмакский . . .	121	22989	72564	21457	108412	67286	610208
Иссык-Кульский .	100	17969	65722	10173	102320	46822	687598
Итого	221	40958	138286	31630	210762	114108	1297806
На душу населе- ния по обоим уездам в сред- нем				0,2	1,6	0,7	9,3
На кибитку в среднем				0,7	5,2	2,6	31,7 ¹

Среди крестьян-скотоводов, особенно малоскотных, как отмечалось выше, имелись такие, которые занимались наряду с содержанием скота также и выращиванием различных зерновых культур. Людей, занимавшихся и скотоводством, и земледелием, киргизы называли эгинчи, а русская администрация — полукочевниками. В действительности же это были дехкане, сочетавшие скотоводство с земледелием.

Остановимся на отличительных сторонах таких хозяйств. В начале XX в. подобные хозяйства можно было встретить и в кочевых районах, и в среде оседлого киргизского населения. Однако были и такие киргизы, которые, занимаясь земледелием и скотоводством, нанимали в качестве работников издольщиков, бедных родственников. Сам дехканин со своим скотом жил на джайлоо, следуя веками выработанным привычкам. Такие скотоводы временно давали беднякам «на молоко» корову или несколько овец. При разделе зерна богачи брали себе почти все. Осенью многие дехкане оставались ни с чем. По этому поводу обманутый бедняк, оставшийся без куска хлеба, сложил такую песню:

¹ Рукописные фонды отделения общественных наук АН Киргиз ССР, инв. № 49.

Эки эчкинин сүтү үчүн,
Эгин айдадым күн үчүн.
Ичкен сүтүм гее болду,
Эгинге байың ээ болду.

За молоко двух овец
Пахал, сеял, убирал, отдав все силы.
За выпитое молоко этих овец
Все зерно забрал сам богач.

Почти в каждой из кочевых айльных общин были богачи, имеющие значительные запашки и огромное количество скота. С наступлением ранней весны они откочевывали далеко в горы и возвращались назад только под осень, оставляя свои посевы под присмотром других, преимущественно жатаков. «Для таких феодалов,— вспоминает один из современников,— земледелие является таким же выгодным занятием, как и скотоводство, только в еще более прочной и постоянной форме, тогда как скотоводство в неблагоприятные годы нередко приносило один убыток, почему и не развивалось, а, наоборот, с каждым годом приходило в упадок».

Кочевников, занимавшихся земледелием, царское правительство облагало и душило налогами — покибиточными сборами. Это тормозило развитие таких видов смешанного хозяйства.

Имелось очень много бескотных дехкан (около половины), которые не могли существовать без середняков, баев, манапов. Они всегда кочевали и жили вместе с ними. Свое маленькое стадо (2—3 головы овец и несколько коз) они пасли вместе со скотом богача, получая за это жалкое вознаграждение.

Другие члены семьи малоскотного дехкана работали в байском хозяйстве в качестве прислуги, выполняли различные поручения, подвозили воду и дрова, ездили в долину на рынок, ухаживали за посевами и т. д.

Следующая категория дехкан — это байкуши. О байкушах нет почти никаких данных ни в дореволюционных, ни в советских источниках. Несмотря на это, постараемся на основании имеющихся документов осветить социально-экономическую сущность байкушей. Байкуши как прослойка составляли определенную часть киргизского беднейшего населения. Термин «байкуш», по нашему мнению, появился еще в период возникновения феодализма, но

получил наибольшее распространение во время разложения натурального хозяйства в связи с проникновением в него капиталистических отношений.

Байкуши—самые обездоленные, несчастные, часто безродные люди. Их положение было близко к положению люмпен-пролетариев. Байкуши образовывались преимущественно из сирот, людей, обедневших вследствие какого-либо стихийного бедствия, разорения, междоусобицы или изгнанных из своего рода за какое-нибудь тяжкое преступление. Для того, чтобы иметь байкушей, маналы, волостные управители, айльные старшины, злоупотребляя своим служебным положением, некоторые семьи превращали в байкушей, т. е. говоря иными словами, главу бедной семьи сажали на несколько лет в тюрьму, его жену выдавали замуж за другого, скот и имущество делили между собой, а детей превращали в байкушей.

Не имея ни имущества, ни скота, холостые байкуши жили в юрте байского пастуха или табунщика; семейные, получив истрепанную кошму и лохмотья у одноайльцев, устраивали себе шалаш-алачык. Байкуши, как правило, питались объедками с хозяйского стола. Такие работники никогда не были сытыми, так как лишенные собственного очага, они всегда ждали, не подбросит ли им хозяйская прислуга чего-нибудь съестного. Вот почему среди дехкан и обездоленных киргизов была популярной известная поговорка:

Кедейдин бир тойгону,
Орто байыганы.
Бедняку достаточно один раз быть сытым,
Он считает себя уже середняком.

Байкушам платили меньше, чем обычным работникам, и нанимали их на самых низких договорных условиях. Труд байкушей был очень разнообразным, начиная от мелких поручений и кончая тяжелой физической работой.

Нам известно, что неженатые байкуши могли переходить от феодала к феодалу только с разрешения хозяина. Семейных байкушей феодал не мог по существующему обычаю разлучать с семьей.

Категория байкушей существовала у скотоводов, поэтому они ближе стояли к кочевому хозяйству. Среди

жатаков байкушей почти не было. Они не могли быть земледельцами ввиду отсутствия средств производства. Поэтому с проникновением капитализма в киргизский аил они стали покидать кочевья и наниматься за деньги. Так появились батраки, мардикеры и т. д. Уход байкушей из киргизских аилов был несколько задержан в дальних кочевьях, которые находились на значительном расстоянии от торговых, почтовых дорог, городов и сёл.

Бесскотные дехкане и байкуши, как было сказано выше, составляли основную наёмную силу у кочевников-скотоводов. Мы сделали выборку; из 25 волостей взяли лишь 4. В этих 4-х волостях Пишпекского уезда пастухов и других работников из числа бесскотных и байкушей было очень много (см. таблицы).

Хозяйства \ Волости	Сары-багыш-ская	Атекин-ская	Кукре-ков-ская	Кара-Балтин-ская
Хозяйства, отпускающие батраков	148	220	156	822
Со сроковыми работниками . . .	17	24	18	6
С годовыми работниками	125	100	140	591)

В уезде было 1336 хозяйств, которые нанимали рабочих. В этих хозяйствах работало ежегодно 4304 чел. Кроме этого, 2694 хозяйства нанимали каждый год 3746 рабочих.

По некоторым волостям Пржевальского уезда наем вышеназванных работников выражался в следующих цифрах².

Хозяйства \ Волости	Саяков-ская	Черик-овская	Улахол-ская	Кенсуй-ская	Гурген-ская
С наличными работниками . .	392	245	200	300	853
Со сроковыми работниками . .	22	23	12	13	17
С годовыми работниками . .	87	223	119	39	93

¹ Материалы по обследованию туземного и русского населения. Пишпекский уезд, вып. I, т. VII, стр. 107, 143, 367.

² Материалы по обследованию туземного населения Пржевальского уезда, стр. 344, 352, 388, 392, 594.

Если суммировать, то по уезду всего хозяйств, нанимающих рабочих, было 3676; из них годовых рабочих нанимали 2395. Всего годовых рабочих было 3168. Приведенные статистические данные закономерны для большинства скотоводческих хозяйств. «Еще в предреволюционное время,— пишут П. Погорельский и В. Батраков,—скотоводческие киргизские хозяйства нанимали до 40 годовых пастухов..., обязанностью которых является только уход за скотом.

Оплата пастухов производилась натурой. Если батрак нанимался пасти овец, то в конце года получал вознаграждение овцами, а если лошадей — то лошадьми. В размерах оплаты труда имелись различия, обуславливаемые целым рядом обстоятельств, из которых можно было бы указать на степень квалификации нанимающегося, на общие условия, сопутствующие найму. Обычно оплата лучшего пастуха не превышала десяти взрослых овец в год, чаще размер оплаты варьировал в пределах от шести до десяти баранов. Хозяин часто использовал свое положение работодателя и заменял овец другими видами скота, фактически снижая оплату. К концу года он часто давал вместо взрослых овец, молодняк или коз»¹.

Пастухи обычно нанимались на год, причем родовая принадлежность не играла здесь никакой роли. Пастухами были дети бедных родственников, сироты, иногда подростки из других родов. Чабаном мог быть мальчик, а табунщиком только взрослый. Необходимо отметить, что кочевники нанимали пастухов только для пастьбы лошадей и овец, а крупный рогатый скот и верблюды паслись сами. До окончания договорного периода пастух получал одежду и обувь из обносков бая или его детей.

«Обычному годовому работнику,—пишут П. Погорельский и В. Батраков,—дают штаны из овчины, нижнюю рубашку, подштанники, сапоги, шапку, плащ из кошмы на время дождей (кементай)»².

Накануне Великой Октябрьской социалистической революции около половины киргизов являлись безлошадными, несомненно, это были байкуши. В рассматриваемых 5 волостях: Арымской, Курк-Угульской, Саруй-

¹ П. Погорельский и В. Батраков. Указ. соч., стр. 67.

² Там же. стр. 69.

ской, Сусамырской и Чаткальской Наманганского уезда распределение хозяйств каждого из трех районов (деление на районы взято условно) по лошадным группам подсказывается той причиной, что оно «действительно раскрывает положение кара-киргизского хозяйства».

Группы	% хозяйств в группах			
	I	II	III	по уезду
I (безлошадные)	25,8	24,8	14,4	24,2
II (с одной лошастью)	28,5	23,4	36,2	27,5
III (с двумя—тремя лошадьми)	18,4	18,4	25,4	19,1
IV (с 4—5 лошадьми)	11,9	10,5	9,6	11,2
V (с 6—8 ")	7,4	8,5	7,2	7,7
VI (с 9—13 ")	4,7	6,4	3,8	5,2
VII (с 14—22 ")	2,1	5,7	1,8	3,4
VIII (с 23—50 ")	0,9	2,1	1,2	1,4
X (свыше 50 лошадей)	0,3	0,2	0,4	0,3

Маломощные хозяйства (I, II, III группы) составляют по отдельным районам от 48,2% до 54,3%. Зажиточные и богатые хозяйства (IV—IX группы) наиболее распространены по II району—33,4% против II группы (27,5%) и против первой группы (24% в III районе). Это явление соответствует данным о большом просторе пастбищ Сусамырской и Арымской волостей (II район) и главным образом о их хороших питательных кормовых качествах.

Крестьян, занимавшихся земледелием, называли жатаками (лежачими). Они составляли небольшой процент **дехканства**, которые отличались от кочевников способом производства. Это малоскотные или почти бесскотные крестьяне, вынужденные на время прекратить кочевье. На равнинах, вблизи рек жители выбирали место для посева и оставались там на все лето, так как кочевать с несколькими головами скота не было никакой возможности. Обычно жатаки собирались по 2—5 семей и работали вместе на товарищеских условиях. Чаще всего это были родственники или выходцы из одного рода. Только самые бедные люди: вдовы, сироты, инвалиды, старики, разоренные семьи решали заниматься земледелием. Журнал общего присутствия Семиреченского областного управления характеризует жатаков следующим обра-

зом: «Во всех уездах существует многочисленный класс киргиз, менее обеспеченных материально и в большей части вовсе лишенных возможности совершать обычные перекочевки по отсутствию необходимого количества скота. Эти киргизы проживают около городов, называясь джатаками, частью же имеют жительства в пределах своих волостей, где занимаются исключительно хлебопашеством и называются эгинчи; в среде последних состоят иногда и люди со средствами, занимающиеся земледелием по примеру своих отцов. Среди этих земледельцев, не прекративших окончательно связей с родичами, проявляется сознание о необходимости более определенного поземельного устройства, так как в настоящее время они ничем не гарантированы от произвола со стороны своих однообщинников при распределении своих хлебопашотных земель между отдельными членами общества. Наиболее обстоятельные сведения по сему предмету собраны по Пишпекскому уезду, где земледелие среди кочевого населения получило за последние годы большое развитие»¹.

Таким образом, жатаками являлись дехкане, которые оставили кочевой образ жизни ввиду отсутствия достаточного количества скота для кочевания. Они дали возможность говорить о существовании в киргизском обществе двух категорий производителей материальных благ — скотоводов и земледельцев, тем самым обогатили существовавший киргизский общественный строй новым, более прогрессивным, нежели дехкане-скотоводы, классом. Жатаки вышли на историческую арену в результате усиленного процесса разложения феодально-родового быта. В рапорте генерал-губернатора Степного края к министру внутренних дел подчёркивалось, что «Переход земли к монопольному владению приводил к сокращению наиболее экономически слабых крестьян и к их разорению. Этому помог еще джут. Поэтому дехкане, лишившись скота, становились неспособными вести кочевой образ жизни, образуя так называемых «джатаков», которые должны послужить первоначальным контингентом для образования оседлого населения»².

¹ ЦГИА Уз. ССР, ф. I, оп. 17, д. 819, л. 149.

² ЦГИА Казах. ССР, ф. 64, оп. 10, д. 793, л. I.

Переход киргизов к оседлому образу жизни и занятию земледелием в эпоху усиленного проникновения капиталистических отношений подрывал устои феодально-родового строя. Появление жатаков означало значительное изменение в социально-экономической структуре киргизского общества. Из этого следует, что производственные отношения в период появления жатаков были началом того времени, когда патриархально-феодалные отношения стали переплетаться с капиталистическими. Жатаки были независимы от феодалов; они работали самостоятельно и пользовались определенной свободой.

Один жатак не мог максимально использовать землю, чтобы получать от маленького истощенного участка хотя бы средний урожай. Чтобы совместно обрабатывать поля, защищать свои интересы от посягательства феодалов, отдельные семьи начали объединяться и сообща работать: одни давали лошадей, быков, другие — пахотные орудия: бороны, грабли, лопаты, третьи — рабочие руки и т. д. Таким образом, работая на участках сообща, жатаки весь полученный урожай делили между собой, сообразно затраченному труду, выделенным животным, пахотным орудиям и т. д.

При изучении «Материалов по обслуживанию туземного и старожильческого русского хозяйства и землепользования» по Пишпекскому и Пржевальскому уездам было выяснено, что многие хозяйства совершенно не имели многих видов домашних животных: лошадей, верблюдов, крупного рогатого скота, овец, коз.

Это свидетельствует о том, что поголовье скота в этот период резко сократилось, а число жатацких хозяйств возросло. Так, из 31886 хозяйств по Пишпекскому уезду все виды скота имели только 8276¹, а в остальных 23590 хозяйствах многих видов животных не было. По Пржевальскому уезду из 28034 хозяйств все виды животных имели только 15552 хозяйства².

Приведем данные из фонда канцелярии Туркестанского генерал-губернатора, рассказывающие о жизни жатаков: «Киргизы-жатаки, говорится в одном документе, — ведущие исключительно земледельческое хозяйст-

¹ Материалы по обследованию. Пишпекский уезд, стр. 358.

² Материалы по обследованию. Пржевальский уезд, вып. I, стр. 596.

во при наличии сравнительно ограниченного количества скота, каждое лето с наступлением тепла выселяются из своих зимних жилищ в связи с необходимостью просушить и проветрить их юрты и кибитки, и сначала располагаются кругом около своих пашен, пока для них требуются полив и уход, а затем, оставив при них людей для присмотра, уходят нередко на значительное расстояние, возвращаясь обратно ко времени начала жатвы. Совершается такое передвижение с места на место или ради выпаса домашнего скота, или по невозможности как для того же скота, так и для самих жителей оставаться вблизи своих пашен в особенности на рисовых полях, по множеству комаров, мошек и различных оводов и слепней»¹.

Таким образом, жатаки в основе ведут свое происхождение от дехкан-скотоводов, постепенно, в результате жестокой эксплуатации, совершенно обедневших, лишенных средств производства и вынужденных перейти к занятию земледелием.

Батраки, мардикеры, малаи и другие у киргизов появились в начале XX в., когда хозяйства, в силу разных причин лишенные средств производства, начали продавать свою силу феодалам и кулакам. В основном батраки были в прошлом бедными скотоводами и земледельцами. Причин разорения киргизских хозяйств было много, однако главной, как мы уже отмечали, был джут. «Каждый тяжелый год (гололедица, «джут», бескормица), — пишут П. Погорельский и В. Батраков, — выбрасывал значительные группы кочевого населения в лагерь бесскотной бедноты, которая в отличие от прежнего времени системой феодальных отношений закреплялась и теряла свою самостоятельность, а теперь эта выброшенная беднота становится даровой рабочей силой для бая, который подчиняет ее уже системой долговых обязательств или эксплуатирует, давая прожиточный минимум в виде дойного скота..., являющийся самым распространенным видом эксплуатации. Все такие выброшенные за борт собственного хозяйства лишались и принадлежащих им ранее участков земли, и выпасных угодий»².

¹ ЦГИА Уз. ССР, ф. 1, оп. II, д. 743, лл. 37—39.

² П. Погорельский и В. Батраков. Указ. соч., стр. 118.

Мардикеры — бедняки, которые в результате лишения средств производства временно нанимались на работу к киргизским феодалам, русским кулакам, узбекским и дунганским торговцам. Мардикер, нанимаясь на работу, заключал с хозяином договор. Он брал определенную работу за известное вознаграждение. Например, если мардикер брался построить дом, то сам воздвигал фундамент, клал стены, стелил полы, ставил оконные рамы, дверные косяки, покрывал крышу, производил побелку. За это время мардикер питался своими продуктами. Орудия труда у мардикера всегда были свои, это отличало его от русского батрака. После окончания договорной работы мардикер получал окончательный расчет. Таким образом, мардикер — это вольнонаемный батрак, у которого не было скота и земли. Средства к существованию он добывал себе поденной работой. Мардикеры могли наниматься к богачам на разные сроки от одного дня до 2—3 месяцев. Мардикеров могли нанимать и крестьяне-середняки, которые всегда испытывали нужду в рабочей силе. Труд мардикера оплачивался деньгами или натурой.

В рассматриваемое время, как мы уже говорили, в Киргизии широко было развито чайрикерство. Оно имело вид сдельной аренды. Чайрикер (издольщик) — безземельный дехканин — мог арендовать частные, государственные, казенно-оброчные, а иногда (на юге Киргизии) и вакуфные земли. Чайрикер вместе с землей арендовал орудия производства и семена. Исключением была только земля, которую арендатор обрабатывал своим инвентарем и засеивал своими семенами. К. К. Пален в первом десятилетии XX в. писал: «Чайрикер получает от хозяина живой и мертвый инвентарь, семена, харчи, одежду, и, кроме того, хозяин участвует во всех работах, — чайрикер получает $\frac{1}{7}$ часть урожая, но при этом исполняет и неземледельческие работы, а именно... уход за скотом»¹. Следовательно, чайрикер не только обрабатывал арендуемую землю, но ухаживал за скотом хозяина и выполнял в какой-то мере работу домашней прислуги. За все это чайрикер получал $\frac{1}{5}$ до $\frac{1}{7}$ доли урожая. Однако

¹ К. К. Пален. Материалы к характеристике народного хозяйства Туркестанского края. СПб. 1910, ч. I, стр. 230.

в отличие от мардикера оплата труда у чайрикеров носила условный характер. Хозяин в любое время мог не дать этой доли, вычитая ее по частям как штраф за разные малейшие неполадки, недоделки и т. д.

Наряду с другими существовала особая категория работников — малаи. Обычно малаи жили в доме феодала, кулака, середняка, ростовщика, торговца и т. д. В отличие от мардикеров, чайрикеров, малоскотных и бесскотных дехкан малаи работали в качестве домашней прислуги, выполняли всевозможные поручения. Малай делал все, что поручит хозяин и его семья. Жизнь малая была полностью подчинена дому богача. Между малаем и домашним рабом различий почти не было. Разница была только в том, что раба хозяин мог убить, продать, подарить, а малая нет. Ничего не получая за свой труд, малай довольствовался старой одеждой хозяина, питался остатками господской кухни, жил в хозяйственных постройках.

РАБЫ

Ф. Энгельс в труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства» связывает появление рабства с общественным разделением труда. Оно возникло вместе с разложением первобытно-общинного строя. В одних античных государствах рабский труд принял колоссальный размах (Греция, Древний Восток), в других странах он оставался в зачаточном состоянии (многие государства Европы, Казахстан, Киргизия и др.).

В связи с этим исследователям необходимо подойти к решению этого важного вопроса с учетом конкретных исторических условий жизни киргизов.

В политическом отношении киргизы делились на многочисленные родовые подразделения, самостоятельные группы родов. Каждый такой род имел общего предка, который считался первым вождем племени. Каждое племя по происхождению, хозяйству, культуре отличалось от других племен, ибо было оторвано от них.

Среди зависимых сословий самую низшую ступень занимали рабы. В Киргизии рабства к периоду присоединения ее к России почти не было. Рабы были только у верховных манапов, знатных биев, батыров, баев и

др., но с установлением твердой русской административной власти, потребовавшей отпуска рабов на волю, рабство совершенно исчезло.

По данным этнографии и художественной литературы мы знаем о том, что рабы использовались на всяких работах. Самому исполнительному рабу разрешалось повседневно общаться с семьей феодала. Он мог прислуживать его дочерям или сыновьям. Об этом повествуется в эпосе «Манас», «Эр Тоштук» и т. д.

В некоторых легендах о генеалогии киргизов говорится о том, что предки многих киргизских родов были рабами. До настоящего времени киргизы в порядке шуток говорят: «Там-то жили потомки такого-то раба» и т. д. Почти каждый большой род имел подразделения выходцев из рабынь или рабов. Особенно широкое распространение рабство получило во время Джунгарского владычества. Изгоняя завоевателей из пределов своей родины, киргизы брали в плен многих калмыков как мужчин, так и женщин. Не случайно поэтому многие киргизы по родословной являются потомками калмыков, попавших в плен. У одних родов предком был раб-калмык, у других — калмычка-рабыня.

Рабский труд в киргизском обществе, как мы уже отмечали, решающего значения не имел. Он был второстепенным, основную роль выполняли непосредственные производители — дехкане.

Зачастую провинившегося раба заставляли пешком пасти стадо верблюдов. Верблюды пасутся не стадом, а только в одиночку или по два и уходят в разные стороны. Бедному рабу приходилось целый день бегать за ними.

Молодых, здоровых рабов, лихих наездников заставляли пасти табуны лошадей. Часто, по легендам, рабы-табунщики за усердную службу получали свободу. Рабы, прислуживавшие самому манапу, батыру, были в более лучших условиях, нежели пастухи и табунщики. Они, состоя при хозяине, выполняли всевозможные его поручения от мелких до крупных: ездили на барымту, крали у соседей скакунов, совершали убийства и т. д. Такие рабы со временем могли рассчитывать на свободу и разрешение на женитьбу. Некоторые феодалы иногда женили отличившихся рабов на своих богатых родственниках.

О рабстве в Киргизии подробных материалов нет. Только некоторые историки оставили нам скудные сведения о положении раба в доме владельца. Раб — вещь. Так, Г. Загряжский в книге «Юридический обычай киргиз» пишет: «Имущество раба принадлежит господину. Раб не имеет никакого права в семейных своих делах. Раб и рабыня не имеют права жениться и выйти замуж без позволения своего господина. Рабы могут быть отпущены на волю по желанию их господ. Рабы могут выкупаться на волю по желанию своих господ, заплатив по их требованию определенное количество денег, скота или другое какое-нибудь имущество. Дети, рожденные от раба и рабыни, не освобождаются от рабского состояния. Дети, рожденные от прелюбодеяния с не принадлежащей ему рабыней, считаются рабами того, чья рабыня. Дети, рожденные от рабыни и ее владельца, делаются свободными, если отец усыновит их или же, не усыновляя, признает от него рожденными. Раб не имеет права жаловаться на жестокость. Освобождение раба делается при свидетелях, которые своими показаниями могут оградить раба от дальнейших притязаний бывшего господина или его потомков. Господин имеет право раба своего продать, заложить, отдать на работу в пользование (майно). Господин выдает дочерей своего раба и получает калым. На ашах (тризна) господин может поставить раба или рабыню на месте, как приз»¹.

Рассмотрев эксплуатируемый класс киргизов, можно сделать следующее заключение.

1) В киргизском обществе одним из основных непосредственных производителей являлись дехкане. Они делились на дехкан-скотоводов и на дехкан-земледельцев. Первые назывались малчы, вторые — эгинчи.

2) К дехканству относились середняки. Они либо разорялись и становились бедняками, либо в результате размножения скота и захвата земель выходили в класс байства. Средняки вели самостоятельные хозяйства и имели в своем распоряжении по несколько работников. Малоскотные крестьяне занимали в киргизском обществе

¹ Г. Загряжский. Юридический обычай киргиз. Материалы Туркестанского края. Ежегодник, СПб., 1871.

ве-доминирующее большинство. Они составляли постоянный резерв рабочей силы, используемой в байских, манапских и середняцких хозяйствах. Такие бедняки самостоятельно кочевать не могли и поэтому всегда жили поблизости от баев. Однако среди них были такие дехкане, которые жили далеко от баев и вели хозяйства самостоятельно.

3) Бесскотные дехкане по своей социальной структуре отнесли к категории люмпен-пролетариев. Они жили и постоянно кочевали вместе с феодалами. Бесскотные крестьяне работали у баев пастухами, табунщиками, чабанами. Днем и ночью, в жару и в холод они ухаживали за скотом богача, получали же за свой тяжелый труд гроши.

4) Самой обездоленной прослойкой среди эксплуатируемых были байкуши. Байкуши — это, как правило, сироты и люди, обедневшие в результате разорения, междоусобиц или изгнанные из своего рода. Основная причина образования байкушей заключалась в усиленной дифференциации дехканских масс, которые, не имея своих средств производства, жили на положении работников у феодалов.

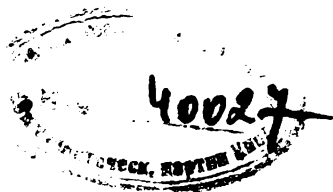
5) Байкуши за свой тяжелый труд получали ничтожное вознаграждение. Несмотря на это, они не могли уйти от богатых скотоводов. Однако с развитием земледелия, проникновением в Киргизию капиталистических отношений байкуши стали оставлять феодалов и уходить в город, в русские поселения и т. д. В населенных пунктах их стали называть мардикерами, батраками, работниками (малай) и т. д.

6) Жатаки (лежачие) занимались земледелием. Это малоскотные или почти бесскотные крестьяне, вынужденные из-за тяжелых условий бросить кочевание. Жатаки вышли на общественную арену в результате усиленного процесса разложения феодально-родового быта и сыграли важную роль в период перехода киргизов к оседлому образу жизни и земледелию. Жатаки внесли значительные изменения в социально-экономическую структуру киргизского общества рассматриваемого периода. Началось сложное переплетение патриархально-феодальных отношений с капиталистическими.

7) Батраки, мардикеры, чайрикеры и др. появ-

вились в начале XX в., когда капиталистические отношения начали особенно интенсивно проникать в жизнь киргизского общества.

8) Рабство в Киргизии, не получив широкого размаха, носило патриархальный характер. В период господства джунгаров и Кокандского ханства у киргизских манапов, батыров, биев и баев имелось по несколько человек рабов. Все они использовались преимущественно в хозяйстве своего владельца. С установлением твердой русской административной власти, потребовавшей отпуска рабов на волю, рабство совершенно исчезло. Это было шагом вперед, т. е. прогрессивным явлением.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Введение	3
Скотоводство как основная отрасль хозяйства киргизов и его материальная и техническая база	6
Формы земельной собственности и землепользования	20
Пастбища	26
Покосы	47
Пахотные земли	55
Формы и способы эксплуатации. Роль патриархально-родо- вых пережитков	83
Айылная община и ее классовая сущность	116
Характеристика класса эксплуататоров и класса эксплуатируе- мых	132
Манап	135
Бии	146
Бай	161
Духовенство	164
Дехкане	176
Рабы	188
Заключение	193

Мукаш Токтоходжаевич Айтбаев

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
ОТНОШЕНИЯ В КИРГИЗСКОМ АИЛЕ
В XIX И НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

Редактор *В. В. Кавальчук*

Тех. редактор *С. Чотиев*

Корректоры *Т. П. Анипко, П. С. Лесничая*

Сдано в набор 3 III-1962 г. Подписано к печати
4 IV-1962 г. Д—04446. Бумага 84X108^{1/32}. 6,12 физич.
печ. л., 10,04 условн. печ. л., 10,11 учет.-изд. л.
Тираж 2000. Заказ № 495. Цена 23 к.

Фрунзе, тип. № 1 Полиграфиздата Мин.
культ. Кирг. ССР